

Мирская Литература

Прочитаем «Онегина» вместе

Наталья Долиннина

*Прочитаем
«Онегина»
вместе*

*«ДЕТГИЗ – Лицей»
Санкт-Петербург
2005*

Издание третье

Книга Н. Долининой (1928-1979) «Прочитаем «Онегина» вместе» посвящена, как видно из названия, роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Это не научное исследование и не комментарий к роману, а свободный разговор с читателем о пушкинских героях и о личности самого Пушкина, поэта и гражданина. Автор книги размышляет о том, почему сегодня роман Пушкина остался для нас близким, беседует с читателем о дружбе, любви, эгоизме, честности, смысле жизни – о тех проблемах, которые волновали и будут волновать людей во все эпохи.

Автором использованы работы многих литературоведов о творчестве А.С. Пушкина.

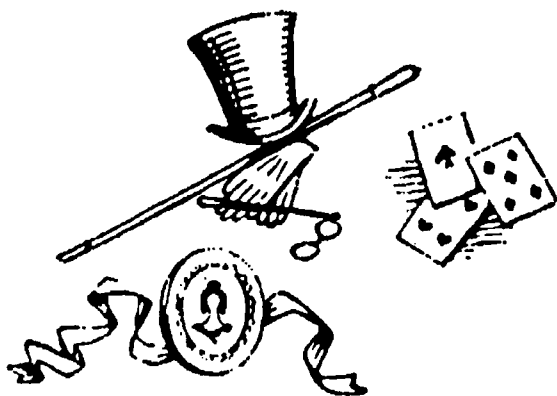
Оформление Ю. Кисилев

Обложка Ю. Чигирев

ISBN 5-8452-0232-9

© Н.Долинина, наследники	2005
© Ю.Чигирев, обложка	2005
© ДЕТГИЗ-Лицей	2005

*Посвящаю эту книгу
памяти моего отца
Григория Александровича
Гуковского*

*Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной.*

Когда мне бывает трудно, я иду на Мойку, 12 – к Пушкину. Вхожу в его квартиру – последнюю квартиру, где он жил и где умер. Пробегаю через комнаты в кабинет, смотрю на его стол, на его книги. Потом иду обратно – в одной из комнат висит на стене под стеклом записка писателя Владимира Федоровича Одоевского: «Жуковскому, Плетневу или Далю. Напиши одно слово: лучше или хуже. Несколько часов назад Арендт надеялся». Я знаю, мы все знаем: Арендт – врач, лечивший Пушкина, надеялся зря. И все равно, все равно эта записка чем-то помогает мне: я вижу за ней друзей, любящих Пушкина, вижу его – измученного, раненого, умирающего человека – и этого человека я люблю.

За что люблю? За веселье, и мудрость, и грусть, и благородство. За верность той мечте о свободе, которую он пронес через нелегкую свою жизнь. За умение чувствовать себя счастливым даже тогда, когда это очень трудно. За то, что он любил людей и умел дружить с ними...

Первая страница романа в стихах «Евгений Онегин» – посвящение:

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя...

Пушкин посвящает «Евгения Онегина» своему другу Плетневу. Есть ли, может ли быть на свете лучший подарок, достойнейший «залог дружбы»? Для Пушкина так высока его дружба, что и этого подарка мало. А «Онегин» – вся его жизнь:

Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Все вложено в эту книгу: ум, сердце, молодость, мудрая зрелость, минуты радости и горькие часы без сна — вся жизнь прекрасного, гениального и веселого человека. Вот почему я каждый раз с трепетом открываю страницы, которые прошу вас прочесть вместе со мной.

Кто главный герой романа «Евгений Онегин»? Ответ на этот вопрос кажется вполне ясным: конечно, тот, чьим именем назвал Пушкин свою книгу; конечно, Евгений — кто же еще? Даже Татьяна, даже Ленский играют в романе менее важную роль, а уж тем более Ольга, старики Ларины, соседи-помещики, светские денди, крестьяне... И в школьных учебниках мы читаем: главный герой романа — Евгений Онегин, типичный молодой дворянин начала XIX века. Это, разумеется, правильно: без Онегина и романа бы не было.

Но этот роман не совсем такой, как другие известные нам произведения того же жанра, и не только потому, что он — в стихах. Что-то еще отличает его, скажем, от «Героя нашего времени», или «Рудина», или «Войны и мира». Это «что-то» — постоянное открытое присутствие автора. Он все время здесь, на страницах своей книги. То выглянет из-за плеча героя и улыбнется нам, то поделится своей печалью или радостью, то очень серьезно расскажет о своих мыслях, о своей любви, дружбе, работе...

Вот поэтому для меня г л а в н ы й герой романа — все-таки сам Пушкин. Как бы я ни сочувствовала Онегину, как бы ни любила Татьяну, как бы ни жалела Ленского, для меня самым близким и интересным из всех людей в романе остается автор. И можно попробовать, отвлекшись от привычного школьного представления, прочесть этот роман как роман про Александра Пушкина.

Начало первой главы «Онегина» мы все знаем наизусть с детства: «Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...» Речь идет о Евгении: это его дядя заболел, его мыслями (даже заключенными в кавычки) Пушкин начинает роман. И вся первая глава, казалось бы, рассказывает об Онегине: его детстве, юности, привычках, развлечениях, друзьях.

Эпиграф к этой главе: «И жить торопится и чувствовать спешит» (*Кн. Вяземский*) – тоже про Онегина, это он «жить торопится»...

Но если прочесть главу повнимательней, мы увидим, что в ней не один, а два героя: Онегин и Пушкин. Им не только уделено почти равное количество строф, мы узнаем об авторе почти столько же, сколько о герое. Они во многом похожи, недаром Пушкин сразу скажет об Онегине: «добрый мой приятель». Но много у них и разного. Трудно, конечно, сравнивать реально жившего великого человека с другим, созданным его фантазией, а мне все-таки каждый раз, когда я читаю роман, думается: насколько же Пушкин ярче, умнее, значительней человека, которого мы называем «типичным представителем» его эпохи!

В то время, когда он начал писать «Онегина», полагалось начинать большое поэтическое произведение торжественным вступлением, обращаясь к богам. Так, как начал Гомер свою «Илиаду»:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

Или так, как начал Пушкин свою оду «Вольность»:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?..

Так полагалось. А Пушкин начинает свой роман в стихах совсем иначе. Он берет строчку из знакомой каждому его современнику басни Крылова «Осел и мужик» *«Осел был самых честных правил...»* и переделывает ее по-своему. Сразу, с первой же строки, он смело, весело, молодо бросается в бой против того, что устарело, что мешает развитию литературы, что ему ненавистно: против сковывающих писателя правил и законов – за свободу мысли, свободу творчества. Никого он не боится: ни критиков, ни ученых знатоков, ни даже друзей-писателей, которые, конечно, рассердятся на него за подобное начало.

Итак, роман начинается без всякого вступления – мыслями героя, едущего к больному дяде, которого он не знает и не любит, чтобы

Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!

Одобрят Пушкин такое поведение Онегина? Пока мы еще не можем ответить на этот вопрос. Но дальше, читая роман, мы все узнаем: и что думает Пушкин об Онегине, и как он смотрит на принятые в свете родственные отношения, и какие люди ему по душе, кого он ненавидит и за что, над чем смеется, что любит, с кем борется...

Уже во второй строфе, знакомя нас с Онегиным, Пушкин напоминает и о себе:

Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас...

И дальше – по поводу того, что Онегин «родился на берегах Невы»:

Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

Всего несколько строчек сказано о самом поэте, а узнаем мы из них очень многое: поэт жил в Петербурге, но теперь ему нельзя там жить; им написана поэма «Руслан и Людмила», у которой есть друзья, но есть и недруги, об этом известно читателю, знакомому с журналами: ведь вокруг «Руслана и Людмилы» разгорелся литературный бой.

Мы читаем следующие строфы – о воспитании Онегина, о том, что он знал и умел, – и невольно все время сравниваем его с Пушкиным, представляем себе Пушкина. Автор и его герой – люди одного поколения и примерно одного типа воспитания; у обоих были французы-гувернеры; оба провели молодость в петербургском свете; у них общие знакомые, друзья. Даже родители их имеют сходство: Сергей Львович Пушкин, как и отец Онегина, «долгами жил... и промотался наконец». Но вот Пушкин сообщает читателю:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь...

Мы ведь знаем, что Пушкин учился в Лицее – самом серьезном и прогрессивном учебном заведении своего времени. Кто же – «все»? И неужели в слово «мы» Пушкин включает себя, Пущина, Кюхельбекера, Дельвига?

Понимать эти строки можно по-разному. Мне кажется, Пушкин имеет в виду не себя и своих друзей, а тех средних петербургских юношей, с которыми ему не раз приходилось общаться в свете. На их фоне Онегин, конечно, мог «воспитаньем... блеснуть». Сам же Пушкин – другой. С того и начинается отличие автора от героя, что уже в лицейские годы Пушкину было доступно многое, недоступное Онегину. «Высокая страсть» к поэзии, овладевшая Пушкиным и его друзьями еще в детстве, чужда Евгению:

Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

Лицейское братство, книги, стихи, вольнолюбивые мечты, прекрасная царскосельская природа, романтические увлечения милыми девушками – так прошла юность автора. А герой... В строфах X, XI, XII Пушкин рассказывает о «науке страсти нежной», которую Онегин знал «тверже всех наук»:

Как рано мог он лицемерить...
...К а з а т ь с я мрачным, изнывать,
Я в л я т ь с я гордым и послушным...
...Как он умел казаться новым...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Поэт находит самые точные, самые убедительные слова, чтобы объяснить, как несчастливо воспитали Евгения: чувствовать, страдать, радоваться он не умеет. Зато умеет «лицемерить, казаться, являться»; зато, как многие светские люди, умеет скучать, томиться...

Вот как по-разному воспринимают Пушкин и Онегин, например, театр. Для Пушкина петербургский театр – «волшебный край», о котором он мечтает в ссылке:

Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?

А Онегин «входит, идет меж кресел по ногам, двойной лорнет, скосясь, наводит на ложи незнакомых дам...» А Онегин, едва взглянув на сцену «в большом рассеянье», уже «отворотился – и зевнул».

Почему так? Отчего Пушкин умеет радоваться тому, что наскучило, опостылело Онегину? Мы еще придем к ответу на этот вопрос. Сейчас мы вместе с Евгением вернулись из театра и вошли в его кабинет.

Белинский назвал роман Пушкина «энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением». Что такое энциклопедия? Мы привыкли представлять себе при этом слове многотомное справочное издание – и вдруг: тоненькая книжка в стихах! А все-таки Белинский прав: дело в том, что в пушкинском романе сказано так много, так всеобъемлюще о жизни России в начале XIX века, что если бы мы ничего не знали об этой эпохе и только читали «Евгения Онегина» – то мы бы все-таки узнали многое.

На самом деле, прочтя только двадцать строф, мы уже узнали, как воспитывали молодых дворян, где они гуляли в детстве, куда ездили развлекаться, став взрослыми, что ели и что пили; какие пьесы шли в театре, кто была самая знаменитая балерина и кто самый знаменитый балетмейстер. Теперь вам хочется знать, что покупала за границей и что вывозила за границу Россия XIX века. Пожалуйста: «за лес и сало» ввозились предметы роскоши: «янтарь на трубках Цареграда, фарфор и бронза... духи в граненом хрустале» и многое другое, необходимое «для забав, ...для неги модной». Хотим узнать, как одевались молодые люди, как шутили, о чем думали и беседовали?! Скоро узнаем: Пушкин подробно и точно расскажет обо всем.

Еще один вопрос: почему так много иностранных слов в первой главе? Некоторые даже и написаны латинским шрифтом: *Madame, Monsieur, l'Abbé, dandy, roast-beef, entrechat...* И слова-то из разных языков: французские, английские, латинские, опять английские, французские... Может быть, Пушкину трудно обойтись без этих слов, он слишком привык к ним, всегда употреблял их? Вот в строфе XXVI он и сам пишет:

А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами...

Когда мы начнем читать вторую, третью и другие главы, то убедимся: Пушкину вовсе не нужны «иноплеменные слова», он превосходно без них обходится. А вот Онегину – нужны. Пушкин умеет говорить по-русски блестяще, остроумно, богато – а герой его говорит светским мешаным языком, где переплетается английский с французским и где не поймешь, какой родной язык у твоего собеседника. Более того, Пушкин сознательно, нарочно извиняется перед читателем – а вдруг читатель не заметит «иноплеменного» словесного окружения Онегина! Нужно обратить его внимание на эти слова – иначе читатель недостаточно поймет героя.

Герой тем временем едет на бал.

Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет...

Улица спит. Дома спят. Обычные, простые люди давно уснули. А Онегин и те, кто живет, как он, только еще начинают развлекаться:

Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота...

Но ведь Пушкин тоже любит балы и сам признается в этом:

Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманый наряд;
Люблю их ножки...

Пушкин – молодой, веселый, жизнелюбивый человек. В строфах XXXII и XXXIII он делится с читателем своими чувствами и воспоминаниями:

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!

Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.

Такое игривое и, в общем-то, несерьезное восприятие женской красоты доступно и Пушкину, и Онегину – так относились к «милым дамам» в свете. Не случайно в строфе XXXII так много иностранных слов (а в следующей – только одно) – здесь и богиня охоты Диана, и богиня цветов Флора, и муза танцев Терпсихора, «ножка» которой вызывает такие воспоминания:

Люблю ее, мой друг Эльвина,
Под длинной скатертью столов,
Весной на мураве лугов,
Зимой на чугуне камина,
На зеркальном паркете зал,
У моря на граните скал.

Это – мир светских обедов, подстриженных парков с «муравой», гостиных, балов; мир, где не любят, а играют в любовь, – мир Онегина. Пушкин тоже живет в этом мире, но он знает и другое отношение к женщине, ему доступна настоящая страсть:

Я помню море пред грозю:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда средь пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

Светская «наука страсти нежной» выражается в мелких словах: «ножка Терпсихоры прелестней чем-то для меня» и т.д. Высокая страсть Пушкина не нуждается ни в перечислении античных богинь, ни в снисходительном

«ножка»; она находит слова простые и торжественные: «С любовью лечь к ее ногам!» И не случайно в этой строфе так много старинных славянских слов: чередую, уста, младость, ланиты, перси...

Читаем дальше. Огромный город, столица Российской империи, просыпается на заре:

Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит...

Поднимаются люди, у которых есть д е л о. Им нужно встать утром, чтобы работать, чтобы день не прошел зря. А Онегину некуда торопиться, незачем вскакивать с постели.

Но, шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.

И вот тут Пушкин задает самый главный вопрос – тот, на который и мы с вами ищем ответа, и после нас люди будут искать: «Но был ли счастлив мой Евгений?» (Разрядка моя. – Н. Д.)

На первый взгляд, жизнь Онегина привлекательна: развлечения с утра до глубокой ночи, и такие яркие, богатые развлечения: прогулки, беседы с умными людьми, рестораны, театры, балы... Каждому захочется пожить немножко таким образом.

Немножко. Но – всю жизнь? Представьте себе: всегда, каждый день, каждый месяц, каждый год, много лет подряд – одно и то же: прогулки все по тому же бульвару, беседы все с теми же людьми, те же блюда в ресторанах, те же лица на балах – каждый день много лет подряд... Пушкин беспощадно точно определяет эту жизнь: «...однообразна и пестра. И завтра то же, что вчера».

Читая первую главу «Онегина», я всегда вспоминаю начало другой гениальной книги, вижу другого литера-

турного героя: «Ему, видимо, все бывшие в гостиной не только были знакомы, но уж надоели ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было очень скучно». На вопрос: «Ну, для чего вы идете на войну?» – этот литературный герой отвечает: «Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь – эта жизнь – не по мне!»

Так говорит Андрей Болконский. А он ведь много старше Онегина: в 1805 году, когда начинается действие «Войны и мира», князю Андрею уже под тридцать лет, а девятилетний Онегин в это время еще гуляет по Летнему саду... Так много изменится в жизни России за те пятнадцать лет, что пройдут между первыми страницами «Войны и мира» и «Евгения Онегина»: ведь Евгений едет к дяде весной 1820 года. Так много произойдет в мире за пятнадцать лет: прогремит Отечественная война 1812 года, и пройдут русские войска по Европе, и выплывет зловещая фигура Аракчеева, и Александр I забудет свои либеральные настроения первых лет царствования, и вырастут новые люди: Рылеев, Пестель, Кюхельбекер, Пушкин, П у ш к и н! – и возникнут новые, опасные для царя настроения – только свет петербургский останется тем же, по-прежнему «однообразна и пестра» будет его жизнь... И как Андрею Болконскому в 1805 году, так другому умному, незаурядному человеку – Евгению Онегину – тошно станет в этом свете в 1820 году, и он подумает про себя: «Эта жизнь – не по мне!» – и будет искать, мучиться, страдать: куда уйти, что делать, чем заполнить жизнь?!

Вот что, оказывается, привлекает Пушкина в Онегине: его неудовлетворенность той жизнью, которая удовлетворяет многих и многих людей света. Мы хорошо знаем этих людей по книгам. Скалозуб, Фамусов, всякие графини-внучки и княжны-дочки, Загорецкий, Репетилов, Наталья Дмитриевна... Берг и Борис Друбецкой, Ипполит Курагин и Анна Павловна Шерер... Все эти люди вполне довольны своим уделом, своей жизнью в свете, все они считают себя счастливыми.

Онегин не таков. Ведь не случайно Пушкин сразу, в самом начале романа, назвал его своим приятелем, не случайно свел в ресторане с Кавериным, а потом сравнил с Чаадаевым – умнейшим человеком пушкинской

поры! Правда, с Чаадаевым Онегина сближает только меньше модно и красиво одеваться – но все равно: не стал бы Пушкин зря, просто так, вводить в роман имена своих друзей! Что же это значит?

Пушкин задал очень важный вопрос: «Но был ли счастлив мой Евгений?» Отвечает он твердо:

Н е т: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы недолго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

«Друзья и дружба надоели» – кто пишет эти слова? Неужели Пушкин? Тот Пушкин, который мальчиком еще сказал:

...Где б ни был я; в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья, .
Святому братству верен я...?

Тот Пушкин, который Пущину писал: «Мой первый друг, мой друг бесценный», а Кюхельбекеру: «Мой брат родной по музе, по судьбам»? Тот Пушкин, чьи слова:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен... –

мы до сих пор повторяем с волнением и после нас будут повторять так же?

Чем чаще перечитываешь «Онегина», тем тверже убеждаешься: целой жизни не хватит, чтобы передумать, понять, вобрать в себя все, что вложено в эту тоненькую книжку. Вот, например, слова – наши обычные русские слова имеют очень много значений: смысл их зависит от того, кто их произносит, что в них вкладывается... Можно целую жизнь прожить – и так и не открыть для себя подлинного значения слова «дружба», так и считать своими друзьями просто приятных знакомых, с которыми, в общем-то, ничто серьезное тебя не связывает и которые потому легко надоедают. Так вот и жил Онегин. Ко-

нечно, он умнее, глубже, честнее Молчалиных и Бергов – потому-то мир этих людей надоел ему. Но ведь Онегин встречал в свете Каверина, Чаадаева, Пушкина – что мешало ему сблизиться с э т и м и людьми?

А мешало, оказывается, многое. То, что Онегин несчастлив, не вина его, а беда. Ему живется трудно:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.

(Курсив Пушкина.)

Евгений не сразу примирился с горьким своим разочарованием, с ощущением своей ненужности:

Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать, – но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его,
И не попал он в цех зазорный
Людей, о коих не сужу,
Затем, что к ним принадлежу.

Не может и не умеет Онегин того, что умеет и может Пушкин: «зазорный цех» поэтов – не для него, и дело не только в том, что у Пушкина есть талант, а у Онегина – нету. Ведь Евгений даже книги читать не способен:

Отрядом книг оставил полку,
Читал, читал, – а все без толку;
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет...

Беда Онегина в том, что «труд упорный ему был тошен». В нем живы ум, совесть, мечтания, но нет у него способности действовать, быть активным, трудиться, верить людям – той самой способности, которой, наперекор своему веку, обладали Пушкин и его друзья.

Пушкин, Чаадаев, Онегин, Чацкий, Молчалин, Борис Друбецкой, Пьер Безухов, Рылеев, Кюхельбекер, Репетилов, Петя Ростов, Грибоедов – все это люди примерно одного поколения. (Примерно – потому, что точный ровесник Онегина – один Петя Ростов; Пушкин и Кюхельбекер моложе, остальные – старше.) Но это именно и есть то поколение, которое сформировалось в первые годы царствования Александра I, – годы, наполненные либеральными обещаниями и относительной свободой после тирании Павла I. Это поколение приняло на свои плечи войну 1812 года и дало России декабристов. Почему же люди этого поколения – и реальные исторические лица, и литературные персонажи – почему они такие разные?

Мы и сейчас часто говорим о поколении в целом, совсем не учитывая того, что каждая возрастная группа людей вовсе не одинакова, что в каждом поколении есть свои борцы и мыслители, герои и философы, трусы и подлецы, карьеристы и стяжатели; есть свои яркие, выдающиеся личности – по ним-то мы чаще всего и судим обо всем поколении.

Но рядом с Чацким стоит Репетилов – пустой болтун, унижающий то дело, которому служит Чацкий. И Молчалин – сверстник Чацкого, а в то же время – враг его, может быть, опаснейший. И рядом с Пьером Безуховым живет Николай Ростов – милый, добрый человек, средний помещик; он искренне любит Пьера и все же, не колеблясь, обещает пойти против него с пушками, если Аракчеев пошлет...

Это – полюсы поколения, крайние точки. Онегин не стоит ни на одном из полюсов. Он умен и честен настолько, чтобы не довольствоваться жизненными идеалами Берга или Бориса Друбецкого, чтобы не жить, как Молчалин; но у него нет того глубокого понимания жизни и людей, той силы личности, которая помогла бы ему выбрать свой путь. Так что же в таком случае привлекает Пушкина в Онегине? Только его неудовлетворенность светскими буднями? Или еще что-то? Ответ на этот вопрос дан в строфе XLV:

Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.

Для меня главное в этом сжатом рассказе о характере – «мечтам невольная преданность». Каким мечтам? О чем может мечтать человек, все испробовавший и ничего для себя не нашедший?

Может быть, именно из-за этой преданности мечтам Онегин «застрелиться, слава богу, попробовать не захотел». Он все-таки надеялся, все-таки верил, что есть какая-то другая жизнь – не та, которой живут Друбецкие и Скалозубы, – пусть еще недоступная ему, но должна же она быть! Эту веру, эту надежду и ценит в нем Пушкин, а к разочарованности своего героя поэт относится сочувственно, но в то же время с иронией.

Строфа XLVI кажется, на первый взгляд, очень понятной:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призра́к невозвратимых дней;
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет... –

все это написано без кавычек, очень серьезно, и неискушенный читатель совсем уж начинает думать, что сам Пушкин «не может в душе не презирать людей», но вдруг видит следующие строки:

...Все это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И к злости мрачных эпиграмм.

Мы еще много раз увидим: «Онегина» нельзя читать бездумно – запутаешься. Пушкин многое говорит не прямо, не в лоб; он верит уму и догадливости читателя, ждет серьезного отношения к своим стихам. Вот и здесь вся первая половина строфы – это слова Онегина, привычные, уже стершиеся слова, много раз им повторявшиеся, о презрении к людям, о том, что «нет очарований», – а

Пушкин тонко и мудро иронизирует над этими фразами Онегина: «Все это часто придает большую прелесть разговору» – и только! Все эти мрачные речи Онегина несерьезны для Пушкина, он-то знает другое: и люди бывают разные, и очарования в жизни есть всегда, надо уметь их найти – вот в чем задача!

Пушкину ведь очень нелегко жить – гораздо труднее, чем Онегину. Вот они бродят вдвоем по набережной – один разочарован в жизни, нет у него ни друзей, ни любви, ни творчества, ни радости; у другого есть все это, но нет свободы – его высылают из Петербурга, он себе не принадлежит... Онегин свободен, но зачем ему свобода? Он томится и с ней, как без нее, он несчастлив, потому что не умеет жить той жизнью, какой живет Пушкин. А Пушкин счастлив все равно, даже лишенный свободы, даже высланный из Петербурга: он умеет так много – и мечтать, и любить, и работать!

Онегину ничего не надо – и в этом его трагедия. Вот он получил наследство от отца – и предоставил его заимодавцам, «большой потери в том не видя». Вот он приезжает в доставшееся ему после смерти дяди имение:

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон...

Это Пушкин так видит: «уединенные поля, прохлада сумрачной дубровы, журчанье тихого ручья...» Это для Пушкина «роща, холм и поле» – ценности громадные, а Онегину все равно, он ясно видит, «что и в деревне скука та же»...

Мы приближаемся к концу первой главы. Состоялось наше знакомство с автором романа и с его героем. По возрасту Пушкин моложе Онегина. Но поэт – незаурядная личность, человек яркий, талантливый, и естественно, что он более мудр, чем Евгений, что внутренний мир его более глубок. Духовные поиски, метания и

потери Онегина знакомы Пушкину, он прошел через разочарование, хандру, опустошенность – и преодолел эти «болезни века». При всей симпатии автора к герою, при общем воспитании, общем для обоих недовольстве миром, в котором они живут, между Пушкиным и Онегиным есть громадная разница: они по-разному воспринимают жизнь и людей. Читая роман дальше, мы увидим, как много бед принесло Евгению его холодность, его равнодушие к людям, его тоска и опустошенность...

Конечно, когда мы говорим об Онегине, мы не можем не учитывать и не обвинять сформировавшую его среду, его век, его окружение – они отняли у Евгения умение любить жизнь и наслаждаться ею. Но, читая Пушкина, я, сегодняшней читатель, думаю о сегодняшнем дне. И вижу людей, которые скучают сегодня, когда никто не отнимает у них радостей жизни, просто они не хотят научиться ценить эти радости – научиться тому, что так великолепно умел Пушкин:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.
...Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.

Цветы, любовь, деревня – понятно: всему этому можно быть преданным душой. Но праздность? Ведь именно она опостылела Онегину, от нее бежал он из Петербурга. Как же ею может дорожить Пушкин?

Праздность, как и деятельность, бывает разная. Томительное безделье Онегина не имеет ничего общего с праздностью, знакомой Пушкину, – когда одинокие прогулки или часы, проведенные в сумерках у камина, наполнены мыслями, работой воображения, ума и сердца.

Когда душа человека пуста, ему тоскливо и скучно наедине с самим собой. В наше время на помощь такому человеку приходит техника: магнитофон, телевизор, компьютер... Но ведь все это может надоест точно так же, как надоели Онегину балы и карты. Спасает от тоски только душевная наполненность, богатство внутренней

жизни – в нее входит и наслаждение природой, и «роскошь человеческого общения» (так говорил Экзюпери), и просто умение думать.

Конечно, жизнь яркого, думающего, значительного человека тоже не состоит из одного блаженства. Пушкин не хуже своего героя знал приступы грусти, отчаяния, тоски. Но он умел преодолеть их, победить.

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
...Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я все грущу, но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет:
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

Есть у человека выход из любого, самого трагического положения. Всегда остается с нами природа, всегда остаются друзья – если они настоящие, остается наш труд – если мы научили себя находить в нем радость. А это уже так много, так бесконечно много...

Пушкин кончает главу шутивно:

...Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел все это строго;
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.
Цензуре долг свой заплачу
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам;
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

Но в этой шутивной концовке заложен глубокий и серьезный смысл. «Противоречий очень много» – так должны были оценить труд Пушкина литературные противники. А он мужественно шел навстречу «кривым толкам, шуму и брани»; он строил новую литературу, а было ему, когда он кончил первую главу, двадцать пять лет!

*Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной...*

Первая глава – это свободный разговор поэта с читателем, разговор дружеский, неторопливый, откровенный – с воспоминаниями, отклонениями от первоначальной темы, с шутками и намеками... Пушкин все время стоит рядом с героем, иногда заслоняя его, иногда ненадолго скрываясь, но с первой до последней строфы он здесь, перед нами.

Вторая глава – совсем другая. Она удивительно компактна, сжата. В ее сорока строфах рассказано о многих жизнях, об огромных человеческих проблемах, обо всей помещичьей деревенской жизни пушкинской поры, но сам Пушкин очень редко обращается к читателю, почти не показывается ему.

Пушкин оставил нам план романа с точным указанием, когда и где написана каждая глава, и с названиями глав, которые в этом плане именуется по-старинному «песнями». Первая песнь называется у Пушкина «Хандра»: речь в ней идет о разочаровании, о тоске Онегина. И эпитафия соответствует пушкинскому названию главы: «И жить торопится и чувствовать спешит...». Эта строчка сразу заставляет читателя задуматься о судьбе героя. Вторую песнь Пушкин называет «Поэт». Значит, для него главный герой главы – Ленский. А эпитафия говорит совсем о другом.

Странный эпитафия у второй главы: «O rus! – Гораций. O Русь!». По-латыни «rus» значит деревня. Казалось бы, Пушкина просто забавляет занятное совпадение: по-латыни – деревня, а по-русски – Русь. Так похоже! Но если вдуматься, станет понятно, что восклицание «O Русь!» – горькое, даже трагическое; что русская деревня совсем не вызывает у поэта сладкого умиления.

Но примемся, наконец, читать главу.

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок...

Прелестный? Для кого? Мы же помним, что Онегину «два дня... казались новы уединенные поля», а «на третий... его не занимали боле». Значит, это не онегинское восприятие деревни: «прелестный уголок»! И действительно, в следующих строчках мы видим:

Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.

Мы только что говорили, что Пушкина не видно на страницах второй главы. Но он, оказывается, здесь, хоть его и не сразу замечаешь: он не выступает на первый план, но мы видим «деревню, где скучал Евгений», не онегинскими, а пушкинскими глазами. Что это за деревня? Она очень похожа на Михайловское:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали села; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

Работая в Одессе над второй главой, Пушкин еще не знал, что скоро – не пройдет и года – он вынужден будет поселиться в этом «прелестном уголке», сосланный, поднадзорный. Но он уже давно знал, что русская деревня далеко не так прекрасна, как кажется непосвященному взору. Еще в 1819 году, приехав в Михайловское во второй раз в жизни, двадцатилетний Пушкин увидел не только прелесть русской природы:

...Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,

На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца...

(«Деревня». 1819 г.)

Вот эти страшные контрасты русской деревни XIX века сохранились в уме и сердце поэта. Не случайно уже в первой строфе слышна еле заметная ирония, когда Пушкин говорит о «прелестном уголке». Чем дальше описывает он деревню, тем слышнее ирония. Дом дядюшки Онегина назван «почтенным замком», хотя обставлен он весьма скромно: «два шкафа, стол, диван пуховый...» Слово «замок» вызывает мысли о феодале, которому подчинены безропотные вассалы, о несправедливости, царящей там, где властвует «барство дикое».

Прочтя всего две строфы, читатель начинает понимать горечь эпиграфа: «О Русь!» Тяжело мыслящему, благородному человеку жить на Руси в пушкинскую эпоху.

Следующая, третья строфа рассказывает о жизни дяди Онегина, который

Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.

В двух строчках — целая жизнь, и какой невыразимой скукой повеяло от этой жизни: сорок лет без дела в глухой деревне!

О дяде Онегина не случайно рассказано именно здесь: попав в деревню, Евгений имеет полную возможность повторить дядину жизнь — что же ему еще остается делать, как не браниться с ключницей и смотреть в окно? Но Онегин на такое не способен.

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.

Среди умных, образованных, прогрессивно мыслящих людей, знакомых Пушкину, был Николай Иванович Тургенев. Еще в 1818 году его брат Александр Иванович писал другу Пушкина поэту П.А. Вяземскому: «Брат возвратился из деревни и тебе кланяется. Он привел там в действие либерализм свой: уничтожил барщину и посадил на оброк мужиков наших, уменьшил через то доходы наши. Но поступил справедливо, следовательно, и согласно с нашею пользою». Братья Тургеневы были не одиноки в своем либерализме. Мы знаем многих будущих декабристов, стремившихся облегчить положение крестьян, — даже в ущерб себе. Пушкин явно сочувствует и своим друзьям, и своему герою. Недаром он находит такое резкое, страшное слово: «и раб судьбу благословил». Но Пушкин знает и другое:

Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чужак.

Тот же Н. И. Тургенев пишет по этому поводу в своем дневнике: «Со всех сторон все на нас вооружились, одержимые хамобесием... о нас разумеет эта публика как о людях опасных, о якобинцах».

Трудно Онегину в деревне — потому трудно, что он умнее, честнее тех людей, которые окружают его. И ему эти люди постылы, и он им враждебен; они злословят о нем:

«Сосед наш неуч; сумасбродит;
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Все *да да нет*; не скажет *да-с*
Иль *нет-с*». Таков был общий глас.

(Курсив Пушкина.)

Эти обвинения нам знакомы: «Шампанское стаканами тянул. — Бутылками-с, и пребольшими. — Нет-с, бочками сороковыми». Так рассуждали о Чацком гости

Фамусова. В «Горе от ума» глухая старуха графиня-бабушка не услышала ни звука из того, что ей рассказал Загорецкий о Чацком, но слова нашла такие же, как соседи Онегина: «Что? К фармазонам в клуб? Пошел он в бурсурманы?» Мы хорошо знаем еще одного «фармазона»: это Пьер Безухов из «Войны и мира». Он ведь одно время увлекался обществом франк-масонов (полуграмотные помещики исказили это слово и получилось: фармазоны). Сам Пушкин во время южной ссылки примыкал к кишиневской масонской организации. Среди масонов было немало передовых людей, будущих декабристов, потому их так ненавидели гости Фамусова и соседи Онегина.

Читая Первую главу, мы сравнивали Онегина с Пушкиным, с Чаадаевым, Кавериним — с умнейшими, выдающимися людьми своей эпохи. Евгений не таков, как эти люди, ему недоступны их знания, их таланты, их умение понимать жизнь, действовать. Но он много выше среднего человека своего круга; в этом мы убеждаемся, читая вторую главу. И этого-то не прощает ему его круг.

За неделю до того, как вчерне закончить вторую главу, Пушкин писал А. И. Тургеневу: «... Я на досуге пишу новую поэму Е в г е н и й О н е г и н, где захлебываюсь желчью». (Выделено Пушкиным.) За месяц до этого, в разгар работы над второй главой, Пушкин пишет в другом письме — П. А. Вяземскому: «...О печати и думать нечего, пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и размерить круга своего действия — лучше об ней и не думать».

Эти письма были написаны одновременно со второй главой. Даже те пять строф, которые мы уже прочли, вовсе не безобидны. Онегин ввел в своей деревне новые порядки, «чтоб только время проводить», но в глазах соседей он тем не менее не просто «чужак», а «опаснейший», да еще и не единственный в своем роде: не один молодой дворянин вел себя так, как он, и это вызывало ненависть мира Молчалиных и Загорецких. А Пушкин, будто бы и не показываясь на страницах романа, на самом деле явно симпатизирует Онегину и «захлебывается желчью» при мысли о его недоброжелателях.

Какими бы ни были разными Пушкин и Онегин, они из одного лагеря, их объединяет недовольство тем, как

устроена российская действительность. Умный, насмешливый, зоркий Пушкин первой главы остался таким же и во второй, но теперь читатель узнал о нем больше. Перед нами – гражданин, человек, равнодушный к судьбе своей страны; ссыльный поэт продолжает думать и действовать так, как действуют поэты – словом. Короткий рассказ о жизни Онегина в деревне заключает в себе мысли и наблюдения, близкие к мыслям и наблюдениям декабристов.

Когда на сцене появляется Ленский, мы знакомимся с еще одним типом русского молодого человека пушкинской поры.

...С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный...

В Геттингенском университете в Германии воспитывалось немало русских юношей – и все они были известны своими «вольнолюбивыми мечтами». «Дух пылкий и довольно странный» был у другого «поклонника Канта и поэта» – Кюхельбекера, того самого Кюхли, которого так дразнил в детстве и так любил всю жизнь Пушкин.

С Ленским в музыку пушкинских стихов врывается совсем новая мелодия – трогательно-нежная и немножко насмешливая.

От хладного разврата света
Еще Увянуть не Успев,
Его душа была согрета
Приветом друга, Лаской дев.
Он сердцем милый был невежда,
Его ЛеЛеяЛа надежда...

(Выделено мною. – Н.Д.)

Вся седьмая строфа построена на повторении звуков Л-У-У-У-У-Л-У-Л... И слова-то какие: увянуть, душа, лаской, милый, лелеяла!

Когда Пушкин в «Полтаве» описывает бой, у него звучат Ш, Р, Ж: «швед, русский колет, рубит, режет...»

Во вступлении к «Медному всаднику» слышен пир: «шипенье пенистых бокалов и пунша пламень голубой» (Ш-П-П-П-Ш-П). А Ленского сопровождает мягкая, негромкая музыка: нежные, возвышенные слова, плавные звуки Л-У создают ощущение легкой грусти, заставляют полюбить Ленского и даже проникнуться к нему жалостью, хотя оснований для жалости пока нет.

И Пушкин любит молодого поэта – нет сомненья. Но все-таки что-тостораживает в первых же строфах, посвященных Ленскому:

...Он сердцем милый был не в е ж д а...
...Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он г о л о в у л о м а л
И чудеса подозревал.

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Вдруг среди таких возвышенных поэтических слов простые и даже грубоватые: «невежда» (хоть и «милый»); «голову ломал»! Более того: те высокие идеалы, которым верит, которым поклоняется Ленский, Пушкин называет «чудесами»! И дальше снова – с тем же повторением звука «Л» – Пушкин рассказывает о стихах Ленского:

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туману даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в Лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осмнадцать лет.

(Курсив Пушкина.)

(Выделено мною. – Н. Д.)

Вот эти две последние строчки – при всей их мелодичности – уже не простостораживают нас, а приоткрывают пушкинское отношение к Ленскому: любовно-ироническое. Наивный, восторженный мальчик воспекает «поблеклый жизни цвет» – увяданье. И это – «без малого в осмнадцать лет».

В возрасте Ленского и Пушкин писал очень грустные стихи:

Встречаюсь я с семнадцатой весной...
Моя стезя печальна и темна...
Вся жизнь моя – печальный мрак ненастья...

(«Послание Горчакову»)

Печаль, слезы, разлука, тоска, разочарование – изблюбленные темы поэтов-романтиков, а юный Пушкин был романтиком. Кюхельбекер вспоминал в 1824 году: «С семнадцати лет у нас начинают рассказывать про свою отцветшую молодость».

Но мы знаем: лично Пушкину такое восприятие жизни не свойственно. Он отдал дань общему увлечению разочарованностью – и преодолел это увлечение, как преодолел романтизм. В 1824 году Вяземский писал поэту-романтику А. А. Бестужеву: «Смотрите на Пушкина! И его грызет червь, но все-таки жизнь выбрасывает из него отпрыски цветущие. В других этого не вижу: ими овладевает малярия...»

Работая над «Евгением Онегиным», Пушкин не только отошел от романтизма, но и понял его слабости – отсюда ироническое отношение к Ленскому. Но ведь, с другой стороны, разочарованность юного поэта отражает его недовольство окружающим миром, и это нравится Пушкину в Ленском; он любит в нем свою юность – потому Ленский вызывает не только его улыбку, но и сочувствие.

Ленский наивен, не знает жизни, но Онегину, конечно, интереснее с ним, чем с остальными соседями, которые «благоразумно» беседуют

О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне.

В этом коротком перечне – полная картина их бессмысленной, тупой жизни. И Пушкин – тот самый Пушкин, который только что говорил о Ленском с мягкой, доброжелательной улыбкой, о соседях Онегина говорит с настоящей злостью и настоящим презрением:

Все дочек прочили своих
За полурусского соседа...
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!)
Приди в чертог ко мне златой!

(Курсив Пушкина.)

Итак, Онегин и Ленский подружились. Но они ведь такие разные:

Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.

Подружились они потому, что все остальные совсем уж не подходили для дружбы, потому что каждый сучал в своей деревне, не имея никаких серьезных занятий, никакого настоящего дела, потому что жизнь обоих, в сущности, ничем не заполнена.

Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья.

(Курсив Пушкина.)

Это «первый каюсь я» – характерно для Пушкина. Да, и в его жизни были такие дружеские отношения – от *делать нечего* – в которых пришлось потом горько каяться: с Федором Толстым – «Американцем», тем самым, о котором Грибоедов говорит: «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, и крепко на руку нечист; да умный человек не может быть не плутом». Быть может, Пушкин, когда писал эти строки, думал и об Александре Раевском, своем «демоне» – много горя принес ему этот друг.

Большинство людей вовсе не склонно признавать свои заблуждения, в особенности, когда речь идет о человеческих отношениях. В разладе любовном, дружеском всегда хочется обвинить другого и оправдать себя. Пушкин не делает этого: за тремя словами, стоящими в скобках, скрыто большое мужество, хотя сказаны эти слова шуточно. Каяться в своих ошибках неприятно, но как иначе понять и самого себя, и других?

Для Пушкина дружба – не только одна из главных радостей жизни, но и долг, обязанность. Он умеет относиться к дружбе и друзьям всерьез, ответственно, умеет думать о человеческих отношениях, и мысли его далеко не всегда веселы. В строфе XIV второй главы он с горечью размышляет:

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.

Прежде всего, кто это – «мы»? Онегин? Ленский? Сам Пушкин? Или – люди вообще? Попробуем начать рассуждать со второго четверостишия: «Мы все глядим в Наполеоны...»

Мировая слава, завоеванная за какие-нибудь тринадцать лет безвестным корсиканцем Бонапарте; фантастический путь от капрала до императора, пройденный Наполеоном, – все это вскружило головы многим молодым людям – и во Франции, и в России. Герой романа Стендаля «Красное и черное» Жюльен Сорель мечтает вслед за Наполеоном пройти столь же блестящий путь. Андрей Болконский на поле Аустерлица ждет «своего Тулона» – того мгновенья, когда он сможет совершить подвиг, спасти русскую армию и прославиться. Из седьмой главы мы узнаем, что и в кабинете Евгения стоял «столбик с куклою чугуной под шляпой, с пасмурным челом, с руками, сжатыми крестом», – модная тогда статуэтка Наполеона.

Наполеон привлекал молодых людей не только своим головокружительным успехом. В нем видели яркую, выдающуюся личность, которая сумела доказать всему миру свою силу и величие. С именем Наполеона стали связывать и такие философские проблемы, которые на самом деле не имели к нему отношения.

Русский молодой человек Родион Раскольников из романа Достоевского «Преступление и наказание»,

живший гораздо позже Наполеона, поставил перед собой вопрос: имеет ли он право убить одинокую старуху, чтобы завладеть ее богатством? Исходил он при этом из такого положения: старуха наживается на своем богатстве, приносит людям вред. Он же, Раскольников, сможет использовать эти деньги, чтобы выучиться и принести людям пользу. Значит, убийство старухи не преступление; цель, которую поставил перед собой Раскольников, оправдывает любые средства для достижения этой цели, даже убийство человека. Оправдывая свой поступок, Раскольников размышлял о Наполеоне: ведь ему же история простила множество погибших на войне во имя великих целей, которые тот ставил перед собой.

Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

Пушкин не разделял такой философии: «цель оправдывает средства». Он помнил лекции своего любимого лицейского профессора Куницына: «Человек имеет право на все деяния и состояния, при которых свобода других людей по общему закону разума сохранена быть может... Не употребляй других людей как средство для своих целей...»

Человеку свойственно эгоистическое чувство своего превосходства над окружающими. Но Пушкин рано научился преодолевать в себе это чувство. Когда он говорит:

Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя... –

«мы» означает у него то поколение, к которому он принадлежал, то поколение, достоинства и недостатки которого воплотились в Онегине.

Но ведь Онегин, Ленский и тем более Пушкин – все они действительно выше окружающих людей. Так, может быть, каждый из них имел право считать себя единицей, а остальных – нулями? И тогда на самом деле исключительные, выдающиеся личности имеют право жертвовать интересами и судьбами рядовых людей во имя своих великих целей?

Эта теория приобрела немало сторонников и привела человечество к многим трагедиям – даже в нашем, двад-

цатом веке. В сущности, на ней строились «идеи» фашистов, дымили трубы Майданека и Освенцима: тысячи «нулей» были обречены теми, кто считал себя «единицами»!

С нашей точки зрения, приравнивать человека к нулю б е з н р а в с т в е н н о. Никого нельзя считать нулем: ни себя, ни другого. Все люди – личности, все – единицы, каждый – неповторимое чудо.

Пушкин уже в свою эпоху понимал это, Онегин – нет. Пушкин говорит о нем: «Сноснее многих был Евгений...» – многих людей света. Но не умея уважать другого, как себя, не умея нести ответственность за свои отношения с людьми, он не мог найти себе настоящих друзей – таких, какими были для Пушкина Дельвиг, Кюхельбекер, Пущин, Жуковский, Вяземский, Плетнев...

Но вернемся к роману. Итак, Онегин и Ленский сблизились, и Евгений даже терпеливо выслушивал «юный жар и юный бред» суждений Ленского. Круг их разговоров серьезен, это не пустая болтовня:

 Племен минувших договоры,
 Плоды наук, добро и зло,
 И предрассудки вековые,
 И гроба тайны роковые,
 Судьба и жизнь в свою чреду,
 Все подвергалось их суду.

Это – темы разговоров мыслящих людей. Те же проблемы обсуждались будущими декабристами: читался «Общественный договор» французского просветителя Жан-Жака Руссо; решались задачи практического применения наук в сельском хозяйстве; о «добре и зле» сам Пушкин много говорил с Раевским, а в лицейские годы – с Кюхельбекером. В 1821 году Пушкин записал в своем дневнике: «Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор – метафизический, политический, нравственный и проч.». Вполне может быть, что и с Пестелем Пушкин беседовал о добре и зле, что их занимали «предрассудки вековые и гроба тайны роковые». В черновике у Пушкина вместо слов «судьба и жизнь» было написано «царей судьба» – значит, и политические разговоры могли вести Онегин с Ленским.

Следовательно, оба они умны и образованны, но каждому из них недостает очень важных человеческих качеств. Каких же? Об этом мы еще будем говорить.

Наивный, искренний Ленский не умел и не хотел скрывать свои чувства:

Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

Что значит «давно не новыми для нас»? Настоящее чувство всегда ново, всегда неповторимо. А вот чувства Ленского «не новы», и в описании его любви нас опятьстораживает та чуть насмешливая интонация, которую мы уже заметили, когда впервые познакомились с Ленским:

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят...

В строфах XX–XXIII, описывающих любовь Ленского, опять возникает та же мелодия: длинные, нежные, романтические слова: «мечтанье», «печаль», «разлука», «девственным», «плененный», «умиленный», «дубравы», «ландыш», «восторгов», «цевницы», «игры золотые»... И, наконец:

Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну...

Не очень веришь любви Ленского, когда видишь, какими романтическими атрибутами она непременно должна сопровождаться. И думается: может, Ленский любит не столько Ольгу, сколько все это окружение: «и ночь, и звезды, и луну»? Но вот перед нами сама Ольга.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела...
...Глаза как небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан...

Как выглядит Онегин? Какие у него глаза, волосы, какого он роста? Пушкин не нарисовал его портрета, да

и о Ленском мы знаем одну только деталь: «кудри черные до плеч». И дальше – познакомившись с Татьяной – мы ничего не узнаем о ее внешности: не это важно Пушкину. И в Онегине, и в Татьяне, и в Ленском важно другое: их духовный облик, мечты, страдания, мысли. А Ольга выписана так подробно: глаза, локоны, улыбка, легкий стан – и так привычно! Чтобы читатель не заблуждался, Пушкин и сам подчеркивает эту привычность, **б а н а л ь н о с т ь** внешности Ольги:

Все в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.

Такая, как все! Самая обыкновенная провинциальная барышня – и на нее, оказывается, обращены все вздохи, все восторги, все мечты. Ей посвящаются стихи, ей отдана «неземная» любовь Ленского – естественно, что у нас возникает сомнение: да знает ли Владимир Ленский свою избранницу? И если знает – как же любит?

А главное, здесь же, рядом, бродит по лесам, мечтает, думает совсем другая девушка.

Ее сестра звалась Татьяна...

Сам Пушкин делает такое примечание к этой строчке: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами». И поясняет в следующих строчках:

Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.

Нам странно представить себе, что в эпоху до «Евгения Онегина» это имя звучало совершенно так же, как теперь Матрена, Марфа, Прасковья, Лукерья, Фекла...

...с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей!

Это Пушкин сделал нам подарок – одно из самых красивых женских имен. Дело, значит, не в имени, а в том, кто его носит, – ведь и фамилии Пушкин, Глинка, Толстой показались бы нам смешными, если бы не были прежде всего великими. Так же имена. Назвал Пушкин свою героиню Татьяной – и вот уже полтора века мы восхищаемся ее именем, даем его своим дочерям, влюбляемся в девушек, названных Татьянами...

Татьяне посвящены четыре строфы – в трех из них бросается в глаза настойчивое повторение частиц НЕ и НИ:

НИ красотой сестры своей,
НИ свежестью ее румяной
НЕ привлекла б она очей.
...Она ласкаться НЕ умела
К отцу, НИ к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать НЕ хотела...

(Выделено мною. – Н. Д.)

И дальше: «ее изнеженные пальцы НЕ знали игл», «узором шелковым она НЕ оживляла полотна», «куклы... Татьяна в руки НЕ брала», «в горелки НЕ играла»...

Пушкин рассказывает не столько о том, какой была Татьяна, сколько о том, какой она не была: она не была обычной. Если «все в Ольге... но любой роман возьмите» и т. д., то в Татьяне все свое, все необычное, не похожа она ни на девиц из романов, ни на ту Дуню, что «разливает чай» и пищит: «Приди в чертог ко мне златой!», ни на свою сестрицу Ольгу и ее подруг.

...страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
...Она любила на балконе
Предупреждать зари восход...
...Ей рано нравились романы... –

вот и все, что мы пока знаем о привычках, вкусах, интересах Татьяны. Этого, казалось бы, совсем мало, но Пушкин пишет о ней очень серьезно, без улыбки, как о Ленском, без сожаления, как об Онегине, – и это настраивает нас на уважение к героине.

Но как только Пушкин переходит к родителям Татьяны и Ольги, возникает усмешка:

Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой...

Убийственная строчка: «в прошедшем веке запоздалый»! Достойный сосед дядюшки Онегина, единственным чтением которого был «календарь осьмого года» (а действие происходит в 1821-м!).

Вся история матери Татьяны и Ольги, описанная Пушкиным подробно, хотя и коротко, грустна именно потому, что обыкновенна. Была романтическая девица, «писывала кровью она в альбомы нежных дев»... Не «писала» – писать можно и один раз, – а «писывала», то есть не раз, значит, проделывала это романтическое действие; «звала Полиною Прасковью... корсет носила очень узкий», а книг не читала: слышала о модном тогда английском писателе Ричардсоне и его герое Грандисоне от своей московской кузины! И влюблена была очень возвышенно в романтического юношу, который на самом деле

...был славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

Невольно вспоминается Ленский с его неземной любовью к такому земному созданию! Мать Татьяны и Ольги быстро преодолела свою любовь к «Грандисону»: ее выдали замуж за другого, а она «привыкла и довольна стала». Может, и любовь Ленского так же быстротечна?

Привычка свыше нам дана:
Замена счастью она, –

грустно замечает Пушкин. К сожалению, это правда. Привычка определяет многое в жизни человека, иногда лишая его жизнь всяких духовных интересов, поисков, страстей... Так и Ларина силой привычки превратилась из возвышенного создания в чрезвычайно практическую – чтоб не сказать низменную – особу:

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы...

Обыкновенная барышня стала обыкновенной барыней – вполне закономерное превращение! И дочь ее Ольга спокойно может повторить путь своей маменьки. А вот дочь Татьяна – та не сможет, мы уже почувствовали это, хотя знаем о Татьяне совсем мало.

Пушкин грустно и насмешливо смотрит на стариков Лариных: они ведь добрые, в сущности, люди, а как тускло и мелко живут! «Привычки милой старины», царствующие в доме Лариных, приятны поэту:

У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод...

Но эта размеренная, спокойная жизнь по раз навсегда установленным традициям не освящена мыслью, делом; она бесполезна и потому страшна. А ведь отец Татьяны Дмитрий Ларин тоже не всегда был «простым и добрым барином»: в молодости он участвовал в русско-турецкой войне, заслужил чин бригадира и медаль за взятие Очакова – об этой медали вспоминает Ленский, посетив могилу старого Ларина.

Куда же все-таки уходят поиски, метания, стремления молодости, когда приближается старость? И неужели неизбежно вот это превращение юного, страстного, деятельного человека в слишком уж спокойного, медлительно доживающего свой век обывателя? Неужели привычка сильнее всех бурных сил, живущих в человеческой душе?

Ученик и последователь Пушкина Николай Васильевич Гоголь написал в шестой главе «Мертвых душ», в ужасе остановившись перед обратившимся в «прореху на человечестве» Плюшкиным: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете по-

том! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно!»

Нет, нельзя поддаваться привычке, надо нести с собой в зрелые и старые годы бодрость и дух молодости — об этом невозможно не думать, читая о судьбе отца и матери Татьяны.

Кладбище, на котором похоронен Дмитрий Ларин, естественно, вызывает у Ленского грустные размышления. И вот тут впервые на всем протяжении главы перед читателем открыто появляется сам Пушкин. Сначала он как будто подхватывает грустные мысли Ленского:

Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время...

Пушкин пишет эти строки, когда ему вот-вот исполнится двадцать пять лет: еще, казалось бы, рано задумываться о смерти, о смене поколений, об уходе из жизни. Но Пушкин был мудр даже в молодости, он умел такое подарить людям, что дух захватывает и жить хочется:

Придет, придет и наше время.
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

В добрый час! Через семь лет, в трудные годы, после смерти Дельвига, Пушкин напишет в письме Плетневу: «Хандра хуже холеры — одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, погоди — умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата. Мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья. Дочь у тебя будет расти, вырастет невестой. Мы будем старые хрычи, жены наши старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята. Вздор, душа моя. Не хандри — холера на днях пройдет. Были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы».

Это, может быть, самое трудное умение, какого способен достичь человек: не раздражаться на молодость за то, что она молода, а радоваться и любоваться ею. Находить радость в каждом возрасте, который приходит к человеку. Называть добрым тот час, когда придется уйти из жизни, потому что останутся другие люди, наступит их черед мечтать, любить, горевать, бороться, страдать – жить. Этим умением обладал Пушкин – он подарил, оставил его нам. А ему хотелось, чтобы мы его помнили:

Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
...Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет,
И молвит: то-то был поэт!

Даже об этих серьезных, может быть, самых серьезных своих мыслях он говорит легко, с улыбкой, немножко насмешливо, избегая высокопарности, торжественных слов, подшучивая над самим собой. Ему хотелось, чтобы мы его помнили, но он не желал остаться в нашей памяти классиком, «стариком» – он пишет об этом с иронией, но в то же время с благодарностью думает о тех, кто его не забудет:

Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

*Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?*

«Куда? Уж эти мне поэты!»
– Прощай, Онегин, мне пора.
«Я не держу тебя: но где ты
Свои проводишь вечера?»
– У Лариных...
.....
«Представь меня».
– Ты шутишь.
«Нету».
– Я рад.
«Когда же?»
– Хоть сейчас. Они с охотой примут нас.
Поедем.

Перед вами – начало третьей главы «Онегина». Я только расположила пушкинские строки так, чтобы нам легче было услышать разговор друзей: Онегина и Ленского. Странно подумать, что разговор этот происходит почти полтора века назад: «уж эти мне поэты», «мне пора», «я не держу тебя», «ты шутишь», «хоть сейчас» – все это привычные, сегодняшние разговорные выражения, и даже не верится, что в начале девятнадцатого века люди уже говорили так...

Говорили – да! Но не писали! До Пушкина никто бы не осмелился ввести в поэтическое произведение такую будничную, прозаическую беседу. А Пушкин не боялся «низких», «простых», «разговорных» слов и выражений, смело вводил их в поэзию.

В пушкинском плане романа третья песнь называется «Барышня». И эпиграф подсказывает: глава эта будет посвящена Татьяне. Вот этот эпиграф: «Elle était fille, elle était amoureuse». Malfilâtre. В переводе это значит: «Она была девушка, она была влюблена». Мы сразу понимаем: Татьяна влюбится в Онегина. А Пушкин и не

думает этого скрывать: в его романе главное не повороты сюжета (все в нем очень просто), а мысли, чувства, искания героев и автора.

Глава начинается тем, что Онегин едет с Ленским к Лариным, чтобы «увидеть... предмет и мыслей, и пера» поэта. Онегин очень точно представляет себе, что ждет его у Лариных: «варенье, вечный разговор про дождь, про лен, про скотный двор...» И действительно, друзей встречает

Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья...

Пушкин, как всегда, предельно краток. Мы ничего не узнали о том, как друзья провели вечер у Лариных, как Татьяна впервые увидела Онегина, что он ей сказал... Пушкин вообще не описывает этого вечера. Но тем не менее мы знаем о нем все. Татьяна не встретила гостей, а вошла в гостиную позже. Она молча сидела у окна – развлекала гостей, видимо, Ольга. Но умный Онегин сразу понял обеих сестер:

«Неужто ты влюблен в меньшую?»
– А что? – «Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт»...

Каждый читает «Онегина» по-своему, и я вовсе не считаю свое прочтение правильным. Но для себя я знаю: вот здесь начинается складываться трагедия Онегина.

«Скажи, которая Татьяна?»

Ведь Евгений поехал знакомиться с Ольгой. Его интересовала Ольга – возлюбленная друга. Почему же спрашивает он не о ней, а о ее сестре? Почему говорит: «Я выбрал бы другую...» и тут же спохватывается: «Когда б я был, как ты, поэт...»

Встретились два человека, которые могут дать друг другу счастье. Встретились – и заметили друг друга, и могли бы полюбить... Но Онегин отталкивает от себя эту возможность: он не верит в любовь, не верит в счастье, ни во что не верит, не умеет верить...

А Татьяна – умеет! И верить, и мечтать, и ждать, и надеяться, и любить:

Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!

Что это значит: «душа ждала... кого-нибудь»? Неужели Татьяне действительно все равно, кого полюбить? Ведь вокруг нее много молодых людей; мы познакомимся с ними в следующих главах – всякие Петушковы, Пыхтины, Буяновы, – но эти люди не привлекают Татьяну, она ждет кого-нибудь необыкновенного, отличного от всех, с кем ей приходилось до сих пор встречаться. «И дождалась!»

Белинский, объясняя характер Татьяны, говорит: «Весь внутренний мир Татьяны заключался в жажде любви; ничто другое не говорило ее душе; ум ее спал... Девические дни ее ничем не были заняты, в них не было своей череды труда и досуга... Дикое растение, вполне предоставленное самому себе, Татьяна создала себе свою собственную жизнь, в пустоте которой тем мятежнее горел пожиривший ее внутренний огонь, что ее ум ничем не был занят...

...И вдруг является Онегин. Он весь окружен тайной: его аристократизм, его светскость, неоспоримое превосходство над всем этим спокойным и пошлым миром, среди которого он явился таким метеором, его равнодушие ко всему, странность жизни – все это произвело таинственные слухи, которые не могли не действовать на фантазию Татьяны, не могли не расположить ее к решительному эффекту первого свидания с Онегиным».

Татьяна совсем не знает Онегина: она видела его один только раз, да еще слышала неодобрительные разговоры «расчетливых соседей». Она знает лишь, что Евгений не такой, как все вокруг, – этого оказывается достаточно, чтобы заинтересоваться, а потом и полюбить. Но ведь надо же знать, кого любишь! А Татьяна не знает людей – за исключением соседей, она никого не видела, –

мужчины знакомы ей только по романам, она и наделяет Онегина качествами литературных героев:

Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон, —
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

Рассказывая о любви Ленского, Пушкин никак не позволял читателю отнестись к этой любви слишком серьезно: мы видели его легкую улыбку, чувствовали его недоверие к возвышенным страстям героя. Описывая любовь Татьяны, Пушкин один только раз позволяет себе улыбнуться: «бесподобный Грандисон, который нам наводит сон...» Но эта улыбка адресована не Татьяне, а Ричардсону — создателю нестерпимо скучного романа.

К любви Татьяны Пушкин относится всерьез и, более того, благоговейно. Почему же? Ведь на первый взгляд, это та же романтически-напыщенная, выдуманная страсть, что у Ленского: ведь Татьяна тоже

Вздыхает и, себе присвоя
Ч у ж о й восторг, ч у ж у ю грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя...

(Разрядка моя. — Н. Д.)

Ведь Татьяна так же не знает и не понимает Онегина, как Ленский не знает и не понимает Ольги! И, казалось бы, Пушкин, рассказывая в строфах VIII–X о любви Татьяны, выбирает такие же возвышенные слова, как те, которыми говорил о Ленском: «очи», «жаркий одинокий сон», «волшебной силой», «уныние», «сладостный роман», «обольстительный обман», «плоды сердечной полноты»...

Слова такие же, а отношение автора к герою — иное. И это отношение, естественно, передается читателю. Если Ленский «сердцем милый был невежда», душа у него «безумная», блаженство «минутное», чувства «давно не

новые» – то Татьяну Пушкин называет «девой милой», «мечтательницей нежной».

Вот что пишет Белинский: «Здесь не книга родила страсть, но страсть все-таки не могла не проявиться немножко по книжному. Зачем было воображать Онегина Вольмаром, Малек-Аделем, де-Линаром и Вертером?.. Затем, что для Татьяны не существовал настоящий Онегин, которого она не могла ни понимать, ни знать; следовательно, ей необходимо было придать ему какое-нибудь значение, напрокат взятое из книги, а не из жизни, потому что жизни Татьяна тоже не могла ни понимать, ни знать. Зачем было ей воображать себя Кларисой, Юлией, Дельфиной? Затем, что она и саму себя так же мало понимала и знала, как и Онегина».

Татьяна очень мало знала жизнь, людей и даже себя, как и Ленский. Но по характеру она совсем иной человек, чем Ленский: «существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная» (Белинский). И если придуманная любовь Ленского может оказаться недолговечной, рассыпаться от первого же прикосновения жизни, то любовь Татьяны – настоящее, большое чувство, как бы по-книжному оно ни проявлялось. Вот почему Пушкин уважает эту любовь и преклоняется перед Татьяной.

В третьей главе Пушкин опять, не таясь и не прячась, беседует с читателем – на этот раз о книгах, о литературе, о деле поэта, о том, что волнует его больше всего. Строфы XI–XII – короткая и предельно точная картина современной Пушкину литературы:

Свой слог на важный лад настроя,
Бывало, пламенный творец
Являл нам своего героя
Как совершенства образец.
Он одарял предмет любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умом
И привлекательным лицом.
Питая жар чистейшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой,
И при конце последней части

Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.

В четырнадцати строчках – полная, исчерпывающая характеристика законов литературы предшественников. Современные Пушкину книги – другие:

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен и в романе,
И там уж торжествует он.
Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы...

Британская муза – это, конечно, творения Байрона и его последователей, романтические книги. Пушкин любит Байрона, преклоняется перед ним – и в то же время осуждает «безнадежный эгоизм» его героев.

Пушкин знает, что человек может и должен быть счастлив и приносить счастье другим. В своем романе он показывает, как несчастлив и горек жребий безнадежного эгониста; он спорит с Байроном, ищет новых путей и в жизни и в литературе:

Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы...

Пушкин умеет писать о себе удивительно легко, а между тем – очень серьезно и про самое важное в его писательской жизни. Шутливое «и, Фебовы презрев угрозы, унижусь до смиренной прозы» написано в 1824 году, а первое прозаическое произведение Пушкин начал писать через несколько лет. Но уже в это время он замышлял переворот не только в поэзии («Евгений Онегин»), но и в драматургии («Борис Годунов»), и в прозе (предполагаемый «роман на новый лад»). Что же это за будущий роман, о котором мечтает Пушкин?

НЕ муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но ПРОСТО вам перескажу

Преданья русского семейства...
...Перескажу ПРОСТЫЕ речи
Отца иль дяди-старика...

(Выделено мною. – Н. Д.)

Эта простая программа не так уж проста, как кажется. Прежде всего, Пушкин демонстративно отказывается от литературных позиций своих предшественников: «Не муки тайные злодейства я грозно в нем изображу...» Время, эпоха требуют от писателя не выдуманных колоссальных страстей и титанических фигур, а простого изображения простой жизни: «любви пленительные сны да нравы нашей старины», «несчастной ревности мученья, разлука, слезы примиренья» – вот что привлекает Пушкина. Это – обычная, будничная жизнь обычных людей, и в этой обычной жизни поэт хочет найти высокие страсти и прекрасные чувства, глубокие и сильные характеры...

Эту программу он уже выполняет – в стихах – в своем романе «Евгений Онегин». В обыкновенной русской деревне среди глупых надутых помещиков и замученных ими крестьян, среди пошлых сельских барышень вырос характер яркий, сильный, способный на трудное счастье неразделенной любви...

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепительной надежде
Блаженство темное зовешь...

На протяжении пяти строк Пушкин два раза называет Татьяну «милой», да и вообще это слово постоянно сопутствует Татьяне. «Волшебный яд желаний», «искуситель роковой», «недвижны очи», «мгновенное пламя» – все эти слова Пушкин употребляет всерьез; потому что любит Татьяна всерьез, а других слов она не знает.

Знаменитый разговор Татьяны с няней – две любви, две судьбы. Казалось бы, огромная разница: девушка-дворянка 20-х годов XIX века, окруженная вниманием семьи, заботами крепостных, – и крестьянская девушка

чуть не середины XVIII века, ребенком еще отданная «в семью чужую», скорее как работница, чем как жена. Татьяне уже кажется невероятным такое замужество:

«Да как же ты венчалась, няня?»
– Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.

Но ведь и судьба Татьяны, с нашей точки зрения, ужасна: запертая в деревне среди диких людей, она волей-неволей вынуждена повторить жизнь своей маменьки, выйдя замуж за какого-нибудь отпрыска Скотининых, или ждать, когда ее повезут «в Москву, на ярманку невест» – каким унижительным кажется нам подобное путешествие!

Татьяна пытается вырваться из этого привычного для сельской барышни круга. Она – первая! – пишет письмо Онегину. Даже и в наше время не принято девушке первой открывать свою любовь – и это ведь, в сущности, правильно: такие понятия, как гордость, честь, не стареют. Во времена же Татьяны такой поступок был совсем уж неприличным. А мы не только не осуждаем Татьяну, но и сочувствуем ей. И читатели-современники сочувствовали. Потому что у нее есть могучий защитник – Пушкин. Он сравнивает искреннюю, бесхитростную Татьяну с девушками и женщинами света – и мы с отвращением смотрим на изображаемых Пушкиным «причудниц»:

Внушать любовь для них беда,
Пугать людей для них отрада.
...Они, суровым поведеньем
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умели вновь...
...Кокетка судит хладнокровно...
...говорит она: отложим –
Любви мы цену тем умножим,
Вернее в сети заведем...

Все эти дамы отвратительны своей неискренностью. А для Пушкина неестественность, лицемерие, фальшь – страшное зло! Гораздо позже, в 1833 году, в «Сказке о мертвой царевне» он снова воспевает простоту и естественность царевны, которая «живет без всякой славы, средь

зеленя дубравы у семи богатырей». И в жене своей Пушкин больше всего ценил ее «милый, простой тон». В том же 1833 году он писал ей: «Ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышней». Потому и защищает Пушкин Татьяну, что

...в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте...

Она «любит без искусства», «доверчива», «от небес одарена воображением мятежным, умом и волею живой, и своенравной головой, и сердцем пламенным и нежным». Главное же для Пушкина – «милая простота» Татьяны. Те самые условности света, которые заставят Онегина выстрелить в Ленского, не имеют для Татьяны значения. Она полюбила – и знает, что полюбила навсегда; это дает ей право написать своему избраннику.

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала...

Эти строчки каждый раз заново удивляют. Как?! Татьяна – «русская душою», Татьяна с ее любовью к русским лесам, с ее няней, «выражалася с трудом на языке своем родном»? Как же она с няней разговаривала? С няней, конечно, по-русски – но, видимо, только с няней да с дворовыми. Читала Татьяна по-французски и по-английски, писать ей тоже было легче на чужом языке – так ее воспитали.

Татьяна написала и сложила письмо в строфе XXI, кончающейся вопросом: «Татьяна! для кого ж оно?» Целых десять строф отделяют этот вопрос от самого письма. Пушкин описывает лицемерных светских красавиц, сообщает о своей нелюбви к ученым женщинам; обращается к «певцу пиров и грусти томной», поэту Баратынскому, с «просьбой нескромной»: «чтоб на волшебные напевы переложил... страстной девы иноплеменные слова».

Пушкин сознательно нагнетает тот трепет ожидания, которым уже охвачен читатель. Что же написала

Татьяна Онегину? ЧТО и – КАК?! – если сам Пушкин не осмеливается «переложить» ее письмо «на волшебные напевы»?

И вот, наконец, строфа XXXI – одна из самых нежных, и страстных, и сильных строф романа:

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц...

Письмо Татьяны пронизано тем же громадным чувством, о котором уже рассказывал нам Пушкин, и выражено теми же книжными словами, которые уже показал нам поэт: «несчастливая доля», «души неопытной волненья», «то в вышнем суждено совете», «до гроба ты хранитель мой», «ты в сновиденьях мне являлся», «кто ты, мой ангел ли хранитель или коварный искуситель»... Более того, в письме есть места, прямо заимствованные из любимых книг Татьяны: недаром она бродила по лесам, «воображаясь героиней своих возлюбленных творцов», и «в забвенье» шептала «наизусть письмо для милого героя».

Но в том-то и дело, что Пушкин сумел показать, как за книжными словами живет настоящее чувство. Татьяна прекрасно понимает, что поступок ее неприличен с точки зрения привычной морали окружающих людей:

Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.

Любой знакомый Татьяне молодой человек стал бы презирать ее за то, что она первая написала ему письмо. Любой – но не Онегин! Неопытная Татьяна чувством понимает людей лучше, чем умом, она знает: Онегин не такой, как все, для него не такое значение имеют законы света, он не осудит, не станет презирать ее, – ведь эта самая необычность Онегина и привлекла ее к нему! Она верит Онегину:

Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.

Когда читаешь книги гениальных писателей, испытываешь трепет перед необъяснимым чудом. Как, откуда, каким образом мог Толстой узнать, почувствовать и передать ощущения шестнадцатилетней девушки на ее первом бале? Кто дал Чехову этот дар проникновения в душу женщины, ждущей ребенка, или в мучительную тоску старого извозчика, у которого вчера умер сын – и некому поведать свою печаль?

Письмо Татьяны – одно из таких чудес. Оно все – порыв, смятение, страсть, тоска, мечта, и при этом оно все – подлинно, оно написано именно русской девушкой, начитанной и неискушенной, нежной и одинокой, чувствительной и застенчивой.

Татьяна начинает свое письмо, как полагается: она обращается к Онегину на «вы», объясняет мотивы своего поступка:

Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас...

Как и всякий влюбленный человек, Татьяна невольно обманывает себя. Ей только кажется, что это – уже счастье: «хоть редко, хоть в неделю раз» видеть Онегина. Разумеется, ей не хватило бы встреч раз в неделю, душа ее слишком богата, ей надо или все – или ничего. Поэтому она и пишет, не в силах ждать, не в силах переносить неизвестность: может быть, Онегин тоже заметил,

тоже полюбил ее. Тогда – счастье, тогда – полная радости жизнь. Если же нет – что ж, лучше горе, чем неизвестность. Татьяна пытается обмануть себя и в другом:

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Верная супруга – кого? Петушкова? Скотинина? Да невозможно же это! Не могла Татьяна с ее пламенной душой, с ее «воображением мятежным» полюбить обыкновенного, низменного, средненького человека из окрестных поместий! Не могла – да и не хотела! Потому что для настоящего человека есть радость и в неразделенной любви. Есть радость в «горьком мученье» – такая чистая, огромная радость, какой никогда не узнать Ольге с Ленским при всем «благополучии» их любви

Татьяна и сама понимает, что обманывать себя незачем. Начав письмо спокойно, она через несколько строк сбивается на другой тон – взволнованный, страстный:

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя...

В одном из пушкинских стихотворений есть такие строчки:

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила...

Вот и Татьяна заменяет пустое «вы» сердечным «ты», сама не замечая этого, потому что слишком она полна своей любовью, своей печалью, своей надеждой...

«Здесь не книга родила страсть, но страсть все-таки не могла не проявиться немножко по-книжному...» Все, что пишет Татьяна Онегину, сбивчиво, искренне и... все-таки заимствовано из ее любимых романов:

...Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся...
...Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
...Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души...
...Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искушитель...

Все это – признания любимых героинь Татьяны, их слова, их чувства – но, в то же время, это и чувства самой Татьяны, только выраженные заимствованными словами. Один-единственный раз прорывается ее собственная интонация:

Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает...

Мы уже видели: ни мать, ни отец, ни Ольга, ни соседи, ни даже Ленский не в состоянии понять Татьяну. Ее может – и должен! – понять Онегин: недаром она так долго ждала его – «и дождалась!» А он не захотел, не сумел, испугался понять Татьяну.

Пушкин не любит многоточий, он почти никогда не употребляет их в своей авторской речи. Но здесь – в концовке письма Татьяны – он три строчки из четырех заключает многоточиями, и мы чувствуем смятение героини, мучительную смену тоски и надежды... И снова возникает это «вы» – как и в начале, неудавшаяся попытка сохранить спокойный, вежливый тон:

Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

Письмо написано. Но нужно ведь еще решиться его отправить!

Татьяна то вздохнет, то охнет;
Письмо дрожит в ее руке;
Облатка розовая сохнет
На воспаленном языке.
К плечу г о л о в у ш к о й склонилась.
Сорочка легкая спустилась
С ее прелестного плеча...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Пушкин не только понимает свою героиню, он любит и жалеет ее. Всего два слова: «головушка», «прелестного» – но за этими двумя словами – нежность и сочувствие.

Наступило утро. Но Татьяна ничего не видит. «Она зари не замечает», и только появление няни прерывает ее задумчивость. Второй разговор Татьяны с няней снова удивительно точно рисует два совсем разных мира: молодой, яркий, влюбленный, мятущийся мир девушки и спокойный, медлительный, скучно-однообразный мир няни. Татьяна в волнении, речь ее прерывиста:

Не думай... право... подозренье...
Но видишь... ах! не откажи.

Она просит няню послать «тихонько внука с запиской этой к О... к тому... к соседу...» А няня так далека от волнений любви, что ничего не может сообразить:

«Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолкова.
Кругом соседей много есть;
Куда мне их и перечеть».

Кто же поймет Татьяну, с кем разделить чувства, переполняющие душу? Не с Ольгой же – она так спокойна и так прилично счастлива со своим Ленским! Нет, один Онегин может понять, один Онегин! И Татьяна отправляет письмо.

Но день протек, и нет ответа.
Другой настал: все нет как нет.

Татьяна извела муку ожидания вполне. Уже и Ленский приехал, а от Онегина – никакой весточки. Так и

представляешь себе мучительную тоску Татьяны, ее нетерпение, видишь, как она выглядывает из окна, прислушивается к каждому звуку, доносящемуся с дороги: не топот ли его коня?! А кругом – обычная жизнь:

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал...

Пушкин умеет рассказать о будничном вечере в помещицкой семье так, что читателю кажется: сам он сидит в гостиной старого дома. Поэт замечает все милые мелочи быта: самовар, китайский чайник, душистый запах крепкого чая – но Татьяне не до того: она видит все это каждый день, ей опостытели и эти чашки, и эти разговоры – ее другое занимает; она, как миллионы девушек до и после нее, уносится мыслями в другой мир, уходит от привычного, обыденного, пишет на стекле заветный вензель...

Когда чего-нибудь очень ждешь, всегда пропускаешь необходимую минуту и это «что-то» совершается неожиданно. Так и Татьяна, прождав Онегица два дня, все-таки не была подготовлена к его приезду, все-таки восприняла топот его коня как что-то неожиданное, внезапное. Она в таком волнении, что бежит от Онегина – бежит, сама не зная куда; бежит от встречи, которой ждала с таким нетерпением... В глазах у нее мелькают предметы: «куртины, мостики, лужок...», она их не замечает:

Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью,
И, задыхаясь, на скамью
Упала...

В первый раз за все три главы Пушкин переносит одно слово в следующую строфу: «упала...» А до этого – нагромождение глаголов, выражающих движение: «летит, летит... обежала... переломала... летя... задыхаясь...» – и, наконец, «на скамью упала...»

Что же такое – любовь, если она приносит такие муки? Может быть, лучше прожить жизнь спокойно, не зная ни ее быстролетных радостей, ни ее долгих мук? Вероятно, нельзя дать общего ответа на этот извечно мучающий людей вопрос. Татьяна, во всяком случае, предпочла беды и радости любви спокойному и рассудительному течению привычной жизни. Онегин – тот выбрал другое. Кто из них счастливее, кто богаче?

Татьяне кажется, что весь мир перевернулся, все вокруг должно быть так же взволновано, так же взвихрено, как ее душа. Но – ничего подобного! – жизнь идет своей чередой:

В саду служанки, на грядках,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

В жизни часто случается такое: горе перемешивается с радостью, возвышенное с низким, громадные трагедии с мелкими расчетами... Татьяну волнует одно: что скажет ей Онегин. А вот мать Татьяны обеспокоена совсем другим: чтобы все ягоды были собраны, чтобы ничего не попало крепостным девушкам.

Татьяна не слушает песни девушек – ей не до нее. А песня эта прекрасна. Написал ее Пушкин в Михайловском в то самое время, когда, надев красную рубашку, ходил на ярмарку слушать и записывать народные песни и сказки. Он подарил пачку записанных им песен собирателю народного творчества П. В. Киреевскому и предложил ему разобрать, «которые поет народ и которые смастерил я сам». Песня девушек в «Евгении

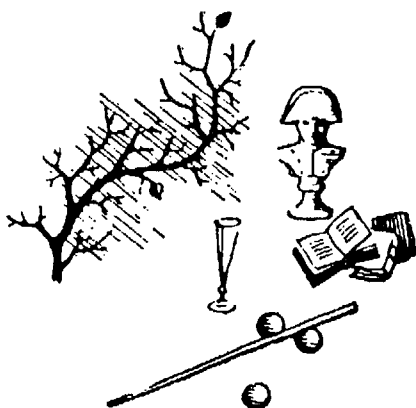
Онегине» пронизана народным духом – и в этом ничего нет удивительного.

Но Татьяне не до песен – ей лишь бы как-нибудь совладать со своим волнением, взять себя в руки. Вот наконец ей это удастся, – но, едва завидев Онегина, она снова теряет самообладание:

Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блестая взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И, как огнем обожжена,
Остановилась она.

Если бы у такого свидания были свидетели, они, без сомнения, не увидели бы в Онегине ничего особенного, никакого «блистающего взора», и нисколько он бы не напомнил «грозную тень». Это – восприятие Татьяны, романтической, влюбленной, страдающей, терзаемой раскаянием, надеждой, страхом. Пушкин довел до самой высшей точки напряжение героини, а вместе с ней и читателя. Но именно в этом самом месте, когда читателю уже не терпится узнать, что будет дальше, как сложатся отношения героев, Пушкин прерывает рассказ, со своим милым хитроватым юмором объясняя читателю:

Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

*Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей...*

Четвертая песнь называется в пушкинском плане «Деревня». Но ведь о деревне рассказано и во второй, и в третьей главах, названных «Поэт» и «Барышня». Во второй главе самым важным для Пушкина лицом был Ленский, в третьей – Татьяна, отсюда и названия этих глав. В четвертой главе, как и в первой, на первом плане – Онегин, его жизнь в деревне. И снова, как в первой главе, рядом с героем открыто стоит автор.

Эпиграф к четвертой главе заставляет задуматься. «Нравственность – в природе вещей». *Неккер*. Кто такой Неккер и почему его цитирует Пушкин? С одной стороны, это один из крупнейших французских банкиров, и может показаться странным, почему Пушкину понадобилось именно у банкира заимствовать суждение о нравственности. С другой стороны, Неккер – умный и образованный человек, один из французских просветителей, друг Вольтера и отец умнейшей женщины-писательницы мадам де Сталь – цитата, кстати, взята Пушкиным из ее книги о французской революции.

Так что же Пушкин хотел сказать своим эпиграфом? Здесь возможно множество толкований: может быть, эпиграф о нравственности полон иронии, а может, наоборот, предпослан четвертой главе вполне серьезно. Бесспорно только одно: в этой главе для Пушкина особенно важны проблемы нравственные.

Беда многих великих произведений литературы в том, что их невольно растаскивают по кусочкам, часто при этом забывая общий смысл произведения в целом. Мы повторяем чеховскую фразу: «В человеке дол-

жно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», даже не помня, откуда она, но, по крайней мере, Чехов действительно так думал, он солидарен со своим героем доктором Астровым, произносящим эти слова. С Пушкиным часто получается хуже. Слова и мысли Онегина, вырванные из контекста романа, приобретают чуждый, даже ненавистный Пушкину смысл, а мы приписываем ему эти слова. Вспомните хотя бы строчку, о которой мы уже говорили: «Друзья и дружба надоели»!

Так происходит и с началом четвертой главы. Пушкин все еще испытывает терпение читателя, откладывает объяснение Татьяны с Онегиным и на протяжении пяти строф рассказывает о взглядах и чувствах Евгения.

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

Кто это написал? Пушкин! Выходит, он так считает? Значит, он исповедует философию эдакого игрока в любовь... А ведь Пушкин дальше пишет совсем другое. Он прямо называет игру в любовь развратом и осуждает ее:

Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен...

Кстати, Пушкин думал об этих проблемах задолго до работы над четвертой главой и еще в 1822 году почти в тех же словах писал брату: «Чем меньше любишь женщину, тем верней овладеваешь ею. Но это удовольствие достойно старой обезьяны 18-го столетия».

Игра в любовь тем и страшна, что она опустошает душу:

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,

В чем все уверены давно...
...Кого не утомят угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах...

Все эти атрибуты любви имеют бесценное значение, когда за ними – действительно любовь, настоящее чувство. Когда же они – только внешние проявления чувства, которого на самом деле нет, когда «моления, клятвы... записки» возникают просто по условиям игры, – тогда они, во-первых, безнравственны, а во-вторых, не могут не наскучить.

Это – мысли Онегина. Но в данном случае они совпадают с мыслями Пушкина:

Так точно думал мой Евгений.

Здесь, в начале четвертой главы, Пушкин опять возвращается к петербургской жизни Онегина. То, что произойдет сейчас между Евгением и Татьяной, не случайно, а подготовлено всей предыдущей жизнью Онегина. Когда-то в юности, едва вступив в свет, Евгений был искренен, знал подлинные чувства:

Он в первой юности своей
Был жертвой бурных заблуждений
И необузданных страстей.

Но годы, прожитые в фальшивом мире, не прошли даром. «Роптанье вечное души» сменилось равнодушием и к людям, и к чувствам:

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут – мигом утешался;
Изменят – рад был отдохнуть.

Искренние увлечения сменились игрой; надежды и мечты молодости показались наивными, несбыточными; пришло неверие, а с ним – безразличие к жизни:

Так точно равнодушный гость
На *вист* вечерний приезжает,

Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,
Спокойно дома засыпает
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.

(Курсив Пушкина.)

Жизнь – вист, карточная игра; ведется она, чтобы занять время – и только, чтобы как-то протянуть дни, «зевоту подавляя смехом»; так и Онегин прожил лучшие годы: с шестнадцати до двадцати четырех лет.

Вот как убил он восемь лет,
Утратя жизни лучший цвет.

У б и л! Это не случайное слово – у Пушкина не бывает случайных слов. Конечно, после «таких» восьми лет Евгений не подготовлен к настоящему чувству, не умеет предаться ему. Этим и объясняется его трагическое непонимание Татьяны. Ведь

...получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был...
...И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но...

Но... Что же помешало Онегину отдаться чувству? Почему он отодвигает, стряхивает с себя «сладостный, безгрешный сон»? Да потому, что сам себе не верит, потому, что, убивая восемь лет жизни, он и сам не заметил, как убил в себе в ы с о к о е и оставил только измененное, а теперь, когда это высокое готово воскреснуть, – он испугался. Испугался волнений любви, потрясений, страданий, и даже слишком больших радостей испугался – предпочел холодный покой... Разумеется, себе самому он не хочет признаться в этом и объясняет свои поступки д л я с а м о г о себя заботой о юной, неопытной, искренней Татьяне:

Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелстим,
Где встретилась Татьяна с ним.

Проповедь Онегина, на первый взгляд, очень благородна. Будь на его месте обычный светский денди, он не преминул бы именно «обмануть... доверчивость души невинной», развлечься в деревенской глуши с наивной сельской барышней – и, расставшись с ней, едва она ему надоест, обречь ее на мученья и беду... Онегин не сделал этого – но ведь он не обычный светский денди! Он – как-никак – добрый приятель Пушкина. Он знает цену свету и его «важным забавам», сам Пушкин любит в нем «мечтам невольную преданность» – и вот эти мечты готовы осуществиться: прекрасная, гордая, душевно богатая, возвышенная девушка предлагает ему свою любовь, а он бежит от нее, бежит от своей мечты. Во имя чего?

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел...
...То верно б кроме вас одной
Невесты не искал иной...
...Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя...

Это неправда! Как может человек говорить о себе: «я не создан для блаженства»?! Все люди созданы для счастья, но не все умеют быть счастливыми – вот Онегин не умеет, боится. Он проговаривается:

Скажу без блесков мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных...

Значит, такая девушка, как Татьяна, была когда-то идеалом Онегина! Но идеал этот – «прежний», Онегин больше не верит в него; поздно, как ему кажется, встретил он Татьяну... Ненавидя и презирая свет, он тем не менее заражен его взглядами, его предрассудками:

Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его...

Почему Онегин так уверен, что иного «семейного счастья» быть не может? Потому что слишком много подобных примеров он видел в свете:

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу однако ж проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!

Когда-то, в ранней юности, Онегин верил, вероятно, в возможность высокой любви на всю жизнь. Но свет убил эту веру – и даже надежду на ее возвращение:

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...

Вот она – главная трагедия Онегина: «не обновлю души моей»! Конечно, с его точки зрения, он прав, он поступает благородно: не веря в возможность любви, отказывается от нее, да еще и воспитывает попутно наивную Татьяну:

Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет.

В том-то и трагизм этого мучительного для обоих разговора, что к беде поведет не неопытность Татьяны, а опытность Онегина! Думая, что оберегает Татьяну, Онегин сам, своими руками, убивает свое будущее счастье, как убил восемь лет жизни, свои мечты, свои искренние чувства...

Что было делать бедной Татьяне – как могла она не поверить Евгению, как могла не смириться со своей

горькой долей? Ведь она совсем не знает Онегина. Может ли ей прийти в голову, что все благородные и, казалось бы, такие искренние слова об отказе от семейного блаженства на самом деле только стремление сохранить покой, уйти от душевных бурь; что на самом деле Онегин глубоко несчастлив от своего неверия, от своей опустошенности...

Вот так встретились в саду два человека, которые могли и должны были полюбить друг друга и быть счастливыми. Встретились – и друг друга не поняли. И разошлись, несчастливые.

«Кто виноват?» Этот роковой вопрос Герцен сделал названием своего романа о человеке, похожем на Онегина. Кто виноват в трагедии людей ярких, благородных, но разочарованных в жизни, никому не верящих, превращающихся в «умные ненужности» и в «лишних людей»?

Едва кончилось объяснение Татьяны с Онегиным в саду, Пушкин обращается к совсем, казалось бы, не связанной с переживаниями героев теме. Целых пять строф (XVIII–XXII) он посвящает дружбе, родственным отношениям, любви – говорит о них вроде бы от себя, но мы уже знаем: не может Пушкин сказать о своих настоящих друзьях:

Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!

Речь идет о светских чувствах – тех самых, которые заменили в душе Онегина настоящие и погубили его счастье. Ведь в свете именно так и случается,

Что нет презренной клеветы,
На чердаке вралем рожденной
И светской чернью ободренной...
...Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторил стократ ошибкой...

Пушкин имеет в виду конкретный факт: Толстой-Американец, называвший себя его другом, распростра-

нял клевету на поэта в то время, как он был в ссылке и не мог ни опровергнуть слухов, ни вызвать Толстого на дуэль... Но сколько таких конкретных фактов можно было найти в мире лицемерия, окружавшем Онегина, – и Пушкина окружавшем тоже...

Любые человеческие отношения оказываются ложью в этом мире:

Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать...
...О рождестве их навещать...
...Чтоб в остальное время года
Не думали о нас они...

Вспоминается начало романа: Онегин, едущий к дяде из-за наследства и вздыхающий: «Когда же черт возьмет тебя!»

Итак, ни дружбы, ни родства не существует в мире, где живет Онегин.

Зато любовь красавиц нежных
Надежней дружбы и родства...
...Конечно так. Но вихорь моды,
Но своенравие природы,
Но мненья светского поток...

Вот в чем главная беда: «мненья светского поток» оказывается сильнее любого чувства, даже любви. А поток этот всегда мутен, всегда несет грязь! Страшный вывод делает Пушкин:

Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
...Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!

Пушкин, как и Герцен после него, не дает прямого ответа на вопрос: кто виноват? Но всем ходом событий он подсказывает читателю этот ответ: виноват стиль жизни, бездеятельной и лицемерной, бесстрастной и пустой, который убил в Онегине живые чувства; то общество, которое обрекает живущих в нем людей на подобие любви,

подобие дружбы, подобие деятельности... Так вот и живет Онегин: много раз обманувшись в людях, он теперь боится и не умеет любить кого-нибудь, кроме самого себя. Но Татьяне-то от этого не легче!

Увы, Татьяна увядает,
Бледнеет, гаснет и молчит!
Ничто ее не занимает,
Ее души не шевелит...
...Но полно. Надо мне скорей
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольню, милые мои,
Меня стесняет сожаленье;
Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!

Все, что здесь сказано, – правда. Пушкин любит Татьяну и сочувствует ей – правда. В следующих строфах он «развеселит воображенье» картиной любви Ленского и Ольги – правда. Но только счастливая ли это любовь? Об этом Пушкин предлагает подумать читателю. Проявления любви Ленского он рисует с почти неуловимой, но колкой иронией:

Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое;
Они в саду, рука с рукой,
Гуляют утренней порой...
...Он иногда читает Оле
Нравоучительный роман...
...А между тем две, три страницы
(Пустые бредни, небылицы,
Опасные для сердца дев)
Он пропускает, покраснев.
Уединясь от всех далеко,
Они за шахматной доской...
...Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеянье свою.

Поедет ли домой, и дома
Он занят Ольгою своей.
Летучие листки альбома
Прилежно украшает ей...

Итак, прогулки, чтение нравоучительных романов, игра в шахматы, стихи в альбоме – что ж, все это вполне возможные занятия для влюбленных. Но Пушкин не позволяет читателю отнестись к ним всерьез. Прогулки с Ольгой Пушкин называет «сладостной неволей»; в романах Ленский, оберегая Ольгу, пропускает «опасные» страницы; игра в шахматы нужна, только чтобы посидеть рядом, и, наконец, над альбомом Ольги Пушкин прямо смеется:

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.

Лет сорок назад альбомы такого типа и с теми же «Кто любит более тебя, пусть пишет далее меня» можно было встретить – и не так уж редко – у наших современных девочек. Сейчас альбомы вывелись, их заменили тетрадки со стихами; часто в таких тетрадках записываются действительно прекрасные стихи Блока, Есенина, Заболоцкого, Мартынова, Смелякова, но ведь и то, над чем смеялся Пушкин, осталось! Остались сделанные «назло правописанью» записи стихов «без меры», они бывают «уменьшены, продолжены», как у Ольги Лариной!

Надо сказать, что, как бы мы ни смеялись вместе с Пушкиным над глупенькими провинциальными барышнями, мы в то же время должны быть им благодарны. Ведь их альбомы сохранили для нас бесценные сокровища: стихи Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Языкова и многих, многих великолепных поэтов. Сколько пушкинских стихов осталось в альбомах барышень из Тригорского! И сам Пушкин, вдоволь насмеявшись, все-таки признается:

В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я,
Уверен будучи душою,
Что всякий мой усердный вздор
Заслужит благосклонный взор...

Эти смешные, наивные, но искренние альбомы Пушкин предпочитает «разрозненным томам из библиотеки чертей» – великолепным альбомам петербургских дам, где оставили свои стихи и рисунки лучшие люди эпохи, но где нет искренности, все дышит фальшью; Пушкин с ненавистью пишет о них:

И дрожь, и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!

Мадригал – хвалебное, воспевающее кого-нибудь стихотворение. Пушкин не хочет обидеть Ленского: молодой поэт искренен, он «не мадригалы... пишет в альбоме Ольги...»

Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой...

Мы совсем уже готовы после таких строк поверить любви Ленского, как вдруг одна строчка снова настораживает нас:

Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь, бог ведает, кого...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Значит, и Ольга – «бог ведает кто»? Значит, она – вовсе не тот идеал, который видит в ней Ленский?!

Вот так, неназойливо, едва заметно Пушкин подсказывает читателю: не верь глубине любви Ленского, нет там глубины... Более того, он сам все время отвлекается от этой «картины счастливой любви»: начал рассказывать о Ленском и Ольге в строфах XXV–XXVII и тут же отвлекся воспоминаниями об альбомах (строфы XXVIII–

XXX), вернулся к Ленскому в строфе XXXI – и снова забыл о нем, вспомнил Языкова, элегии, которые тот пишет, вспомнил бурный литературный спор с «критиком строгим» – другом своим Кюхельбекером.

Из десяти строф, казалось бы, посвященных любви Ленского и Ольги, на самом деле о них говорится только в пяти, да и то с легкой насмешкой. Незаметно, но настойчиво Пушкин подготавливает читателя к тому, что произойдет с героями дальше: к крушению их любви, такой возвышенной, но такой непрочной.

Совсем иначе, подчеркнуто просто, невесело, хотя, как всегда, шутливо рассказывает Пушкин о своей деревенской жизни и работе:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

Там, в Михайловском, и сейчас сидят на пологом берегу озера такие же утки, и так же слетают они с берегов, услышав голос человека...

Горько и трудно, одиноко живется Пушкину в ссылке. Но он не любит и не хочет долго жаловаться на свою жизнь. Одна строфа – читателю-другу она откроет многое, а с равнодушным и незачем делиться. Поэтому, не рассказывая больше о себе, Пушкин переходит к Онегину:

А что ж Онегин? Кстати, братья!
Терпенья вашего прошу:

Его вседневные занятия
Я вам подробно опишу.

Как только ни обращался Пушкин к читателям! «Друзья «Людмилы и Руслана», «милые друзья», «други», «читатель благородный», «достопочтенный мой читатель», «друзья мои», «милые мои»...

Когда Пушкин пишет о свете, его законах, его морали, – он и читателя видит перед собой нелюбимого, и обращается к нему с иронией: «достопочтенный», «читатель благородный»... Там же, где он пишет всерьез, где открывает свое, глубокое и возвышенное, понимание жизни, там и читатели для него – друзья, милые, други и, наконец, братья! А в седьмой главе мы прочтем: «Ах, братцы, как я был доволен...»

Так «что ж Онегин»? Его «вседневные занятия» очень напоминают жизнь самого поэта в Михайловском: Пушкин тоже вставал летом рано, «отправлялся налегке к бегущей под горой реке», переплывал ее, потом завтракал... Пушкин подшучивает над Онегиным:

Певцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонт переплывал...

Известно, что Байрон (в его поэме «Корсар» героиню зовут Гюльнара), несмотря на свою хромоту, отлично плавал и даже переплыл один раз Дарданельский пролив, который в древности называли Геллеспонтом. Конечно, небольшая русская речка возле поместья Онегина не Геллеспонт, но она – похожа на Сороть, которую переплывал по утрам Пушкин.

В рукописи сохранилась строфа, не включенная Пушкиным в окончательный текст, где описана одежда Онегина, тоже очень напоминавшая одежду самого Пушкина в Михайловском:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шляпу с кровлею, как дом

Подвижный. Сим убором чудным
Безнравственным и безрассудным
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина...

(Курсив Пушкина.)

Это одеяние и особенно восприятие его «псковскими дамами» очень напоминает и ту одежду, в которой Пушкин бродил по ярмарке, собирая народные песни, и возмущение псковского дворянства «безнравственным и безрассудным» поведением поэта.

Мы снова видим, как много общего у Пушкина и его героя. Чем же занят Онегин в деревне?

Прогулки, чтение, сон глубокий,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина...

Все это было и в жизни Пушкина. Но в ней было и то, чего лишен Онегин: труд, творчество. В этом огромная разница между поэтом и героем, между богатой, возвышенной, значительной жизнью — и бедной, тягостной, пустой...

Знаменитое, с детства каждому знакомое отступление об осени и приближающейся зиме печатается в детских книжках и хрестоматиях с сокращениями. А ведь у Пушкина важны каждая строчка, каждое слово! Вот мы видели, как живет Онегин летом, и даже позавидовали: «прогулки, чтение, сон... обед — довольно прихотливый... уединенье»...

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет...

Как точно сказано: «карикатура южных зим»! Всем, кто проводил летние месяцы под Петербургом, на

Псковщине, знакома и понятна эта пушкинская формула. Лето быстро кончается, приближается зима.

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день...

Мы привыкли повторять «Пушкин – реалист» и не всегда задумываемся, что это, собственно, значит. А вот вспомните начало стихотворения «Осень»:

Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает –
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...

Это не сентябрь и не начало октября, это именно середина октября по нашему календарю, а для пушкинской эпохи начало октября: отсюда и слова «уж наступил». И приметы природы не просто осенние, а рисуют ту пору, когда осень переходит к зиме: облетают последние листья, дорога промерзла, и далеко слышны шаги человека или топот коня, стоячая вода в пруде замерзла, а бегущая в ручье еще не застыла. Это – пушкинская точность и пушкинская краткость описаний, пушкинский реализм. И он же – в осенней картине, о которой мы говорим:

Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу...

Печальный шум падающих листьев и крик гусей – это именно конец октября, начало ноября. С такой же предельной точностью рисует Пушкин и наступление зимы:

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк...

Уже наступили темные зимние вечера, и уже «в избушке, распевая, дева прядет, и, зимних друг ночей, трещит лучинка перед ней».

Пришла зима. «Мелькает, вьется первый снег». И сразу вас покидает то легкое чувство зависти, которое мы все-таки испытывали к Онегину летом.

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.
Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот W. Scott,
Не хочешь? – поверяй расход,
Сердись иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдет, а завтра то ж,
И славно зиму проведешь.

Не позавидуешь зимней жизни Онегина:

Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.

Одна радость – ждать, когда кто-нибудь придет, хоть кто-нибудь... Выбирать друзей, даже собеседников, Онегин не может: рядом с ним только один не отвратительный ему человек – Ленский. Вот он и ждет Ленского к обеду – больше некого ждать.

В четвертой главе, как мы уже видели, Пушкин почти не уходит со страниц романа: он начинает главу своими мыслями о «важной забаве... старых обезьян хваленых дедовских времен», он сам, от своего имени, подводит итог петербургской жизни Онегина, присутствует при его объяснении с Татьяной, с гневом рассказывает о светской дружбе, любви; он сочувствует горю Татьяны,

смеется над альбомами сельских барышень, спорит с Кюхельбекером, страдает от вынужденного одиночества в Михайловском, а теперь рассказывает читателю о своих любимых винах, о том, как в молодости пил крепкое шампанское Аи, теперь же предпочитает более легкое красное вино Бордо...

Онегин и Ленский беседуют после обеда возле теплого камина, за бутылкой вина:

«Ну, что соседки? Что Татьяна?

Что Ольга резвая твоя?»

– Налей еще мне полстакана...

Довольно, милый... Вся семья

Здорова; кланяться велели...

Разговор неспешный, ленивый, не увлекающий собеседников, – в сущности, говорить им не о чем: все уже много раз обсуждено, теперь осталось перебрасываться неторопливыми словами, и важнее попросить еще вина, чем ответить на вопрос, заданный скорее из вежливости, чем из настоящего интереса... А любовь Ленского, эту возвышенную любовь Пушкин убивает одной фразой:

Ах, милый, как похорошели

У Ольги плечи, что за грудь!

Что за душа!..

Ленский же романтик, идеалист, – а душа Ольги, оказывается, стоит для него в одном ряду с прочими прелестями!

Ленский зовет Онегина на именины Татьяны и уверяет, что там не будет никакого «сброда», только «своя семья». Легкий, пустой, незначительный разговор, легкий обман: конечно, Ленский понимает, что на именины непременно съедется вся округа, но ему хочется развлечь Онегина, сделать приятное Лариным – он от чистого сердца немножко обманывает друга и не придает этому обману никакого значения. А между тем с этих случайно брошенных слов: «И, никого, уверен я!» – начнется конфликт, который приведет, в конце концов,

к гибели Ленского, к трагедии Онегина, к несчастью Татьяны...

Над Ленским нависает беда. И мы чувствуем эту беду, хотя сам он счастлив. Чувствуем потому, что Пушкин подготавливает нас к ней. Он называет Ленского «бедным» – в первый раз. Он сомневается в счастье поэта:

Он был любим... по крайней мере,
Так думал он, и был счастлив.
Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как п ь я н ы й п у т н и к на ночлеге,
Или, нежней, как м о т ы л е к,
В весенний впившийся цветок...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Пушкин сравнивает Ленского сначала с пьяным, а затем... с мотыльком! Эти странные, на первый взгляд, сравнения заставляют читателя задуматься. «Стократ блажен, кто предан вере», – с этим хочется согласиться, особенно после того, как мы поняли, что причина несчастья Онегина – именно его неверие в счастье. А все-таки почему же Ленский похож на «пьяного путника» – не потому ли, что жизнь предстает перед ним в тумане, что его вера, как и безверие Онегина, основана, в сущности, на непонимании жизни и людей?

Задумавшись над отношением Пушкина к будущему Ленского, читатель непременно ощутит беспокойство за эту судьбу – так Пушкин заранее подготавливает будущую трагическую, но неизбежную развязку.

Конец четвертой главы возвращает нас к Онегину:

Но жалок тот, кто все предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил!

И наивная вера Ленского, и холодная «опытность» Онегина влекут за собой несчастье.

Пушкин умеет, как и Онегин, «все предвидеть», но его правда состоит в том, чтобы, зная жизнь и людей, все-таки не давать своему сердцу остыть, все-таки радоваться, и любить, и «забываться»...

И снится чудный сон Татьяне...

«Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю», – пишет Пушкин в одном из примечаний к «Евгению Онегину». В романе нет ни одной даты, но, если внимательно читать его, можно точно установить, когда происходят события. Онегин уехал в деревню к дяде в то самое время, когда Пушкина выслали из Петербурга. Помните:

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
Отец его тогда скончался...
...Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле...

Пушкин был выслан на юг весной 1820 года. Онегин уехал из Петербурга тогда же. До этого «убил он восемь лет» в свете – значит, появился в обществе примерно в конце 1812 года. Сколько лет могло быть Онегину в это время? В пушкинских черновиках сохранилось прямое указание на этот счет: Онегин «шестнадцати не больше лет» появился в свете. Значит, Онегин родился в 1796 году, он старше Пушкина на три года. Встреча с Татьяной, знакомство с Ленским происходят весной и летом 1820 года – Онегину уже 24 года, он не мальчик, а взрослый мужчина, особенно по сравнению с восемнадцатилетним Ленским. Неудивительно поэтому, что он относится к Ленскому чуть покровительственно, по-взрослому смотрит на его «юный жар и юный бред».

Но ведь дело не только в возрасте. Пушкин, как мы уже видели, моложе Онегина на три года, а он мудрее, мировоззрение его более глубоко, более зрело. Легкое же

отношение к жизни всегда в конце концов обходится дорого: и Онегину, и Ленскому – обоим предстоит расплата за свое не серьезное и не мудрое восприятие жизни. В пятой главе завязывается, возникает тот трагический конфликт, который приведет друзей к расплате. Один заплатит за свою наивную восторженность жизнью; другой – за свой эгоизм, за неумение думать о других людях – муками совести, горьким раскаянием, одиночеством, крушением всех надежд. Трагические события надвигаются – их неизбежность станет очевидной во время бала, на именинах Татьяны. Поэтому и глава была названа в пушкинском плане «Именины». Читатель еще не предвидит трагедии, но автор знает, что ждет героев впереди, – и с первых же строк пятой главы, таких спокойных, описательных, уточняет время, когда происходят события, – зима 1821 года.

Описание этой зимы совпадает со свидетельствами современников Пушкина:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.

Такая бесснежная зима, конечно, многим запомнилась – это было именно в 1821 году. Сам Пушкин ведь не был в это время в Михайловском и знал о поздней зиме по рассказам няни и соседей, может быть, барышень из Тригорского, в одной из которых современники видели черты Татьяны.

Картина зимы, когда «крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь... бегают дворовый мальчик, себя в коня преобразив, в салазки жучку посадив» (курсив Пушкина), – эта картина, с такими зорко увиденными деталями, нравится нам с детства. И трудно себе представить, почему Пушкин оговаривается:

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут:
Все это низкая природа;
Изящного не много тут.

Литература до Пушкина не признавала описания таких «низких» предметов, как дровни, лошадка, кибитка, тулуп, пальчик дворового мальчишки... Пушкина обвиняли в грубости, интересе к низменным предметам, упрекали за то, что он вводит в поэзию очень уж прозаические, житейские слова. А он видел прекрасное в самой жизни: в тулупе, в дворовом мальчишке – и еще с мягким юмором поддразнивал своих литературных противников:

Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег;
Он вас пленит, я в том уверен...

Речь идет о друге Пушкина поэте Вяземском – его стихотворение «Первый снег» прекрасно, но оно написано до Пушкина и так, как после Пушкина уже нельзя было писать, возвышенно и красиво:

Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной он сосне разрисовал узоры...

слишком возвышенно, слишком красиво. Пушкин уважает, ценит и Вяземского, и «певца финляндки молодой» Баратынского, о котором он уже упоминал в третьей главе, – но, ценя и уважая друзей-поэтов, он не может и не хочет идти их путем. Путь у него – свой. И героиня – своя, не похожая ни на одну из литературных героинь, именно потому, что она – из жизни, что таких девушек, как Татьяна, Пушкин видел, знал, пытался понять их.

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму...
Татьяна верила преданьям
Простонародной старины...
Ее тревожили приметы...

Так какая же она была, Татьяна Ларина? С одной стороны, очень близкая нам, совсем похожая на современных девушек, любящих книги и природу, склонных,

не очень афишируя это, и мечтать, и ждать «милого героя». С другой стороны, верила приметам, бледнела, увидев молодую луну слева, а не справа; боялась встретить монаха; трепетала, когда заяц перебежал ей дорогу...

Вот такая она и была, очень противоречивая, очень разная. Ведь характер ее складывался под разными влияниями: то, что дали ей книги, рассказы няни, одинокие прогулки, сформировало ее мечтательность, гибкий ум, тонкие чувства, смелость в человеческих отношениях. Но с другой стороны, нянины сказки и старинные обычаи, жившие в доме, воспитали в ней и суеверие, и страх перед потусторонними силами. Да и романтические книги, переполненные разными ужасами, тоже оставили свой след в душе Татьяны: как же не трепетать перед черным монахом!

Настали святки. То-то радость!

Гадает ветреная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

Удивительное это свойство человеческого характера: очень хочется, очень надо непременно заглянуть в будущее, узнать, что будет завтра, и через год, и через десять лет. Но это невозможно и, пожалуй, хорошо, что невозможно. Разумом мы все это понимаем, а все-таки... все-таки очень хочется знать, что будет впереди! Потому-то так устойчивы всяческие гадания: на картах, на книгах, на лепестках ромашки.

Народные гаданья привлекали людей самого разного возраста еще и своей красотой, поэтичностью. Ведь сбывалось, по преданью, не всякое предсказание, а полученное в определенные дни, особенно на святках – зимних праздничных днях от рождества (25 декабря по старому стилю) до крещенья (6 января).

В темную зимнюю ночь гадать было страшно и в то же время очень заманчиво. Собрались девушки, растопили воск и льют его в холодную воду. Воск застывает, превращаясь в причудливые фигуры, — что они предсказывают? Одной — явно жениха, вон какой красавец, с усами, в шляпе; а другая — ужас какой! — видит не то лешего, не то домового, с хвостом, с рогами... Девушки бросают воск и начинают гадать по-другому: опускают в воду свои колечки, накрывают платком блюдо с водой, а сами садятся вокруг и поют песни, вынимая кольца из воды. Под какую песню вынется колечко — то и сбудется. Татьяне не повезло:

И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
*«Там мужички-то всё богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!»* Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошулка сердцу дев.

(Курсив Пушкина.)

Почему же песня о богатстве «сулит утраты»? Оказывается, дело не в содержании песни, а в тех приметах, которые с нею связаны. Песня про кота и кошулку предвещает свадьбу, а про богатых мужиков — смерть, горе. Нужно было знать массу примет и условий, чтобы гадать по кольцам, опущенным в воду. Зато вот простое гаданье: выйти крещенским вечером, наставить зеркальце на небо — что увидишь, то и сбудется. Или — еще проще: выбежать за ворота и спросить имя у первого прохожего. Какое имя он назовет — так и зовут суженого.

Татьяне не повезло: в зеркальце она увидела только луну, а прохожего спросила:

Как ваше имя? Смотрит он
И отвечает: Агафон.

(Курсив Пушкина.)

И тогда Татьяна решается на последнее средство: гадать в пустой, заброшенной бане. Сесть одной за стол,

накрытый двумя приборами, и ждать... Ровно в полночь за вторым прибором появится суженый.

Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я – при мысли о Светлане
Мне стало страшно – так и быть...
С Татьяной нам не ворожить.

Светлана – героиня баллады Жуковского. Она вот так же гадала ночью одна, к ней явился долгожданный жених, но – о ужас! – он оказался мертвецом, выходцем из могилы. Правда, в конце баллады выясняется, что все эти ужасы Светлана увидела во сне, что на самом деле жених ее жив, здоров и идет к крыльцу, навстречу невесте. Жуковский сочувствует своей героине:

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Эти строчки Пушкин делает эпиграфом к пятой главе – конечно, не случайно. Главное место в этой главе занимает сон Татьяны – вещий сон, который очень скоро сбудется.

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жердочки, склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток...

Природа в сне Татьяны живая, земная, ничуть не сказочная: печальная зимняя ночь, бегущий ручей, хрупкий мостик из обледенелых жердочек... Каждый, кто бродил по ночному зимнему лесу, знает, как правдиво этот лес описан:

...недвижны сосны
В своей нахмуренной красе;

Отягчены их ветви все
Клоками снега; сквозь вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных...

И ведет себя Татьяна в этом лесу вполне естественно, не как сказочная героиня, а как земная, реальная девушка, – она боится:

Снег рыхлый по колена ей;
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок...

Конечно, страшно одной ночью в темном лесу – темном, но, право же, вовсе не сказочном. В самом обыкновенном лесу с Татьяной происходят удивительные приключения. Ей встречается не какой-нибудь другой зверь, а самый что ни на есть главный герой русских сказок – медведь, Мишка, Михаил Иванович или Потапович. Он-то и приводит ее к таинственному шалашу, где «ярко светится окошко». Тут уж начинаются чудеса:

...за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой...
...Вот мельница в присядку пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ!

Мы знаем, что Татьяна с детства любила «страшные рассказы зимою, в темноте ночей», – в ее сне оживают чудовища народных сказок, но среди этих чудовищ оказывается Онегин, он властвует над всеми, «он там хозяин, это ясно...» В сне отражаются мечты Татьяны, ее надежды, ее любовь: Онегин спасает ее, он нежен и ласков с нею – такой сон понятен, объясним: ведь именно этого ждала девушка от гаданий, именно это хотела увидеть –

любовь Онегина. Но в конце сна появляются Ольга и Ленский, возникает ссора...

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский...

Как могла Татьяна предугадать случайную, нелепую ссору между друзьями, которая возникает через несколько дней? Об этом у нас пойдет речь впереди. А пока вернемся к испуганной Татьяне. Где искать ей объяснение своему сну? Кругом люди еще более суеверные, чем она сама. Разве что Онегин мог бы развеять ее грустные предчувствия, посмеяться над сном, а может быть, и задуматься над ним, и остановиться на своем страшном пути к гибели Ленского; но как же может Татьяна рассказать свой сон Онегину после его отповеди? А остальные – мать, сестра, няня – что им рассказывать, разве они поймут? Только начнутся ахи да охи, расспросы, догадки... Вот и остается один советчик –

...Мартын Задека,
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

Каких только книг не покупали легковверные читатели того времени! Ведь выбора не было – что привезут в именье, то и покупай. Так и Татьяне досталась гадательная книга:

Сие глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к ним в уединенье
И для Татьяны наконец
Его с разрозненной *Мальвиной*
Он уступил за три с полтиной...

(Курсив Пушкина.)

Над Татьяной и ее сном Пушкин не смеется. Слишком многое в этом сне трагично, слишком многое связано с жизнью, окружающей бедную девушку. Но над «глубоким твореньем» Мартына Задеки Пушкин прямо-таки издевается:

Татьяна в оглавление кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит...

Хорошо Ольге: она живет, «как ландыш потаенный, незнаемый в траве глухой ни мотыльками, ни пчелой». Ей ничто страшное не снится, потому что она ни о чем серьезном, ни о чем трагическом никогда не задумывается. Хорошо Ольге... А так ли уж хорошо? Это ведь один из главных вопросов, которые задают себе люди во все времена: кому лучше жить – тому, кто не задумывается, дни его текут легко и однообразно, или тому, кто думает, страдает, радуется полной мерой?

Кто счастливее – Гамлет или могильщик? Этот вопрос, казалось бы никакого отношения не имеющий к «Евгению Онегину», обсуждался в одном девятом классе два урока подряд. Гамлет измучен мыслями и сомнениями, он задает себе бесконечные вопросы, ни на один из которых не может дать прямого и окончательного ответа, страдает и терзается, ничего не может для себя решить твердо и до конца... И вот в одну из самых страшных минут его жизни – на кладбище, у могилы Офелии, – он встречает могильщика. Тот прожил жизнь не задумываясь: копал могилы, нисколько не интересуясь, какие люди, страсти, мечты, идеи будут в них похоронены; для него в жизни все ясно, все просто, и череп королевского шута Йорика, валяющийся на кладбище, для него просто ненужная кость; а для Гамлета – напоминание о величайшей беде человечества: смертности всех людей – даже самых умных, добрых, благородных...

Кому же лучше – Гамлету или могильщику? Ответ на этот вопрос каждый выбирает для себя сам. Можно выбрать путь могильщика, можно – Гамлета. Первому, безусловно, легче спокойнее, проще жить. Но счастливее ли? Жизнь второго полна страданий, но и радости его глубже, острее; да и в самом его страдании есть радость – оно дает познание мира, то самое познание, которое недоступно могильщику.

Конечно, нелепо сравнивать Татьяну с Гамлетом – что может быть общего у наивной провинциальной девушки, выросшей в русской деревне XIX века, с титаническим характером эпохи Возрождения, с философом и мучеником – принцем датским! А вот Пушкина и Шекспира можно сравнивать, можно ставить рядом – оба они задавали человечеству вопросы, мучающие нас до сих пор, – вопросы, на которые мы должны непременно ответить своей жизнью: будем мы мыслить или только существовать?

В свое время, в своей деревне, среди своего окружения Татьяна бессознательно, но твердо выбирает путь трудный, мучительный, но богатый, а Ольга – легкий, радостный... и нищий. Каждому свое.

События в романе развиваются – приближается самый острый момент развития сюжета, кульминация. Наступает утро 12 января по старому стилю – именины Татьяны. Пушкин начинает описывать этот день легко, весело, пародируя известную в его время всем оду Ломоносова «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны» 1746 года:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою...

В молодости Пушкин подражал поэтам-классицистам, вполне серьезно писал, например, в «Кавказском пленнике»:

Заря на знойный небосклон
За днями новы дни возводит...

Теперь он не просто отказался от подражания классицизму, но и смеется над ним:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.

В этом пародийном четверостишии слово «веселый» звучит насмешливо, тем более, что мы знаем: Татьяне

вовсе не весело; Онегин тоже скрепя сердце согласился поехать на праздник – кто же будет здесь веселиться?

С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.
В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмокание девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

Прочтем еще раз повнимательней эти строки. Что-то они нам напоминают – что именно? Да мы же только недавно читали:

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, Лай мосек, чмокание девиц,
Людская молвь и конский топ... Шум, хохот, давка у порога...

Если сравнить эти строки из сна Татьяны и из описания собравшихся на бал соседей, сразу становится яснее, кто именно снился Татьяне и почему среди чудищ оказался Онегин. Тупые, ничтожные соседи Лариных только внешне походили на людей, а на самом деле вот они какие: «один в рогах с собачьей мордой, другой с петушьей головой... вот череп на гусиной шее вертится в красном колпаке...»

Татьяна видела во сне не сказку, не просто ужасы, рожденные фантазией. Ее тонкий, хотя и суеверный ум не мог не оценить по заслугам окружающих жалких людей; она не смогла бы объяснить, конечно, почему ей кажется неизбежной ссора Онегина с Ленским, но ведь эта ссора и на самом деле была неизбежна: слишком холоден и себялюбив был Онегин, слишком наивен Ленский... Ничего таинственного, необъяснимого нет, оказывается, в сне Татьяны: просто любящее сердце помогло ей понять и предугадать приближение несчастья...

А чудовища из сна – вот они, наяву. И неизвестно еще, где они страшнее:

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков...

Всего две строчки сказаны о Пустяковых, а больше ничего не нужно: супруга дородная, сам толстый, а фамилия чего стоит: Пу-стя-ков...

Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков...

Первое, что приходит на память, – строчка Грибоедова: «Сам толст – его артисты тощи». Здесь тот же ненавистный и Пушкину, и Грибоедову тип: «хозяин превосходный» в отличие, например, от Чацкого, который именем управляет «оплошно», мужиков не мучает. Нет, хозяин п р е в о с х о д н ы й – тот, у кого мужики нищие. Фамилия объясняет, как он управляет своими мужиками: Гвоздин – от выразительного глагола «гвоздить».

Но этого мало. Среди гостей Лариных

Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов...

Старый знакомый! Еще полвека назад Фонвизин в мечтах своих отнял имение у его сестрицы, Простаковой, да и самому Скотинину пришлось с опаской убраться восвояси, но ничего дурного с ним не приключилось: жив, здоров, обзавелся женой, многочисленными чадами, и действительно в его деревнях – лучше живет свиньям, чем людям. А вот и молодежь:

Уездный франтик Петушков,
Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком)...

«Уездный франтик Петушков» – три слова, больше ничего не сказано. Но мы зрительно ощущаем этого пустопорожнего шалопаю, с петушиным хохолком, в пестром одеянии, с дурным французским выговором и без единой мысли в голове. Буянов – герой поэмы Василия Львовича Пушкина «Опасный сосед». Поэтому наш Пушкин и называет его двоюродным братом, раз он – создание дяди. Но самая страшная фигура завершает галерею:

И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

Слова падают, как ядра: о б ж о р а, в з я т о ч н и к и ш у т! Грубые слова с грубыми звуками: бж, р, вз... и, наконец, короткое, как удар: ш у т! Флянов снова воскрешает в памяти знакомые лица: Фамусова с его важными заботами: «ешь три часа – а в три дни не сварится», «она не родила, но по расчету, по моему, должна родить...»; его обожаемого дядю Максима Петровича, умевшего «подслужиться» перед царицей, а для низших – «тупеем не кивнуть». Конечно, и Флянов – взяточник для маленьких людей, шут – для знатных.

Такой разнообразной компании не хватает, разумеется, и своего иностранца – вот он, тут как тут, «мосье Трике, остряк, недавно из Тамбова, в очках и в рыжем парике». Да еще с переделанной на подходящий к случаю лад модной песенкой в кармане! Поневоле посочувствуешь Онегину, не желавшему принимать участия в этом сборище!

Современные Пушкину читатели возмутились тем, что крестьянскую девушку поэт назвал девой («в избушке, распевая, дева прядет...»), а дворянских барышень – д е в ч о н к а м и («Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают заране...»). Пушкин знал, что им будут недовольны и читатели, и критики, когда писал эти строки, но все равно написал их. Он не боялся таких нападков и умел стоять на своем.

Здесь, в пятой главе, Пушкин в первый и единственный раз на протяжении романа употребляет глагол «кушать», получивший в наше время широкое распространение.

Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране;
Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой...

В наше время слово «кушать» стало вытеснять слово «есть» – и напрасно. Это влияние мещанского представления, что «есть» – грубо, некрасиво, а кушать –

«культурно». Совсем как гоголевские дамы, которые вместо «я высморкалась» говорили изящно: «я облегчила свой нос посредством платка». Во времена Пушкина «кушать» было лакейское слово, его произносили слуги, приглашая к столу: «Кушать подано», подчеркивая этим словом свою приниженность и благоговение перед господами. Вот и здесь в повествование автора как будто врывается голос лакея: «Но кушать подали...» У нас слуг нет, господ тоже, нам незачем стыдиться нормального русского слова «есть» и заменять его жеманным «кушать» — ведь смешно и нелепо, когда взрослый дядя говорит о себе: «Я сегодня покушал...»

А обед между тем в разгаре:

На миг умолкли разговоры;
Уста жуют...
...Но вскоре гости понемногу
Подъемлют общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пищат.

Как мог чувствовать себя Онегин, попав на этот «пир огромный»? Мы еще во второй главе видели его отношение к соседям: он мчался из своего поместья куда глаза глядят, «лишь только вдоль большой дороги слышит их домашни дроги». А здесь, у Лариных, все общество в сборе, несмотря на уверения Ленского, что никого не будет, только «своя семья»... Онегин раздражен, а тут еще Татьяна бледнеет и краснеет, чуть не плачет, чуть не падает в обморок — это совсем уж выводит Евгения из себя.

Недовольство и раздражение Онегина понятны. Странно другое: рассердившись на Татьяну за «трагичервические явления», Евгений тут же пожалел ее: «Он молча поклонился ей, но как-то взор его очей был чудно нежен...» Сложно это — движения человеческой души. Единственный человек, вызывающий у Онегина добрые чувства, — Татьяна. Он ощущает ее прелесть, его привлекает эта не похожая на обычных барышень девушка, но он сам себя отталкивает, запирается в крепости своего неверия, холодности, равнодушия...

На одну только минуту Онегин позволил себе быть искренним, отдаться чувству, но он уже недоволен собой,

растет его раздражение. Пир между тем подходит к концу, гости начинают развлекаться, кто как может:

Довольный праздничным обедом,
Сосед сопит перед соседом;
Подсели дамы к камельку;
Девицы шепчут в уголку;
Столы зеленые раскрыты...

Подобные развлечения надоели Онегину еще в Петербурге, а здесь и подавно. Гнев его снова обращается на Ленского:

К минуте мшенья приближаясь,
Онегин, втайне усмехаясь,
Подходит к Ольге. Быстро с ней
Вертится около гостей...
...Все в изумленье. Ленский сам
Не верит собственным глазам.

Что, собственно, произошло? Человек пригласил на вальс невесту друга – ни по каким светским канонам это не запрещено. Но здесь, в деревне, где так мало пищи для сплетен, это вызвало бурю пересудов... и раззадорило Онегина. Увидев, что его месть удалась, Онегин не остановился, как следовало бы, а продолжал развлекаться:

Онегин с Ольгою пошел;
Ведет ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал,
И руку жмет – и запылал
В ее лице самолюбивом
Румянец ярче. Ленский мой
Все видел: вспыхнул, сам не свой...

Хороша же Ольга! Уж ей-то, кажется, следовало бы знать любимого человека, понимать его состояние, бояться огорчить его. Ничуть не бывало! Она ведь любит Ленского потому, что никого другого нет под рукой, а вот подвернулся Онегин – и нисколько она не думает о своем возлюбленном, веселится, наслаждается успехом, пересудами соседей...

Так из мелких, необдуманных, эгоистических поступков Онегина и Ольги складывается трагедия. Далеко не всегда большие беды и большие радости происходят от крупных, значительных причин. Очень часто совсем мелкие, незаметные людские поступки приводят к огромным результатам – плохим и хорошим. Мы так часто забываем об этом, так часто не ведаем, что творим, а потом, когда опомнимся, поймем, – уже поздно, уже принесли непоправимую беду другим или себе!

Разве может смеющаяся Ольга представить себе, что вот сейчас, принимая приглашение Онегина на последний танец – котильон, она приближает трагическую развязку, что, может, из-за этого котильона Ленский через день будет убит? И Онегин, конечно же, не думает о тех последствиях, к которым приведет его «мщение». А между тем события развиваются, и направляет их не судьба, а сами люди.

Наивный, восторженный, ничего в жизни не понимающий Ленский уничтожен, разбит, раздавлен изменой друга и невесты. Изменой! Иначе он не может назвать то, что происходит. Ведь его представление о жизни прямолинейно и кристально: «Он верил, что друзья готовы за честь его приять оковы», что возлюбленная глаз с него не будет сводить до могилы... Первое же столкновение его розовых мечтаний с жизнью разрушает весь его внутренний мир, красивый и хрупкий.

Прав Ленский или неправ, когда так резко осуждает Ольгу:

Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок!
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена!

Ведь Ольга не хитрит, она как раз совершенно естественна: ей весело с Онегиным, она и веселится, ни о чем не думая, и вовсе не воспринимает это как измену.

Ленский обвиняет Ольгу не в том, в чем она действительно виновата. Все гораздо проще, чем видится Ленскому, и в то же время сложнее. Не происходит никаких громадных событий: измен, трагедий. События совсем

незначительные: маленькое предательство, очень маленькое, и заключается оно не в том, что Ольга разлюбила Ленского и полюбила Онегина. Она просто не думает о Ленском, только и всего. Ленскому этого не понять; в романтическом мире бедного поэта нет серой краски, есть только розовая и черная. Для Ленского теперь наступила черная ночь. Все рухнуло...

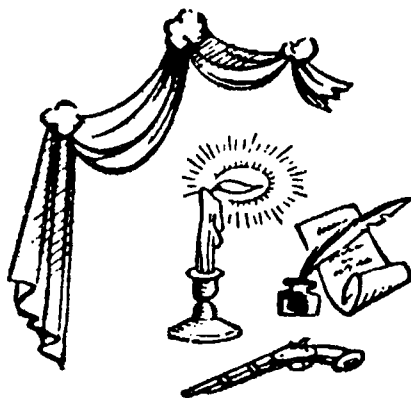
...Пистолетов пара,
Две пули – больше ничего –
Вдруг разрешат судьбу его.

Так кончается пятая глава. Мир мечты приходит в соприкосновение с миром реальности – и разрушается. Это трагично, но неизбежно – поэтому, жалея Ленского, Пушкин даже и здесь все еще чуть-чуть подсмеивается над ним: «две пули – больше ничего»; а что такое, собственно, случилось? Ведь можно еще повернуть вспять, ведь завтра все забудут о событиях на бале, все пойдет по-старому – так считают и Онегин, и Ольга... Но так не может считать Ленский, а до его смятения, страданий, горести никому нет дела.

На всем протяжении пятой главы сам Пушкин только раз предстал перед читателем – во время бала, чтобы напомнить о лирическом отступлении из первой главы, о «ножках... знакомых дам» и заявить:

С изменой юности моей
Пора мне сделаться умней,
В делах и слоге поправляться
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.

В последних четырех главах действительно меньше отступлений, чем в первых четырех. Но Пушкин вовсе не собирается отказываться от них совсем. В пятой главе ему хотелось быть незримым – мы и не видели его, но чувствовали все время, что он рядом: любили его любовью, ненавидели его ненавистью, а ему этого и надо было.

*Простимся дружно,
О юность легкая моя!*

*Там, где дни облачны и кратки,
Родится племя, которому умирать не больно.*

Петрарка

Эпиграф к шестой главе разбивает все наши надежды. Так нелепа и – внешне, во всяком случае, – незначительна ссора Онегина и Ленского, что нам хочется верить: все еще обойдется, друзья помирятся, Ленский женится на своей Ольге... Эпиграф исключает благополучный исход. Дуэль состоится, кто-то из друзей погибнет. Но кто? Даже самому неискушенному читателю ясно: погибнет Ленский. Пушкин незаметно, исподволь подготовил нас к этой мысли.

Случайная ссора – только повод для дуэли, а причина ее, причина гибели Ленского гораздо глубже, мы уже говорили о ней: Ленский с его наивным, розовым миром не может выдержать столкновения с жизнью. Онегин, в свою очередь, не в силах противостоять общепринятой морали, но об этом речь впереди.

События развиваются своим чередом, и ничто уже не может остановить их. А внешне ничего особенного еще не произошло: Ленский уехал домой, но ни Онегин, ни Ольга не придают этому значения. Онегин доволен своим мщением и не помышляет о последствиях, «Оленька зевала, глазами Ленского искала»... Бал кончился, но дом Лариных еще полон чудовищами:

Все успокоилось: в гостиной
Храпит т я ж е л ы й Пустяков
С своей т я ж е л о й половиной,
Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, н е с о в с е м з д о р о в ы й,
На стульях улеглись в столовой...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Кто может помешать дуэли? Кому есть дело до нее? Все равнодушны, все заняты собой. Одна Татьяна стра-
дает, предчувствуя беду, но и ей не дано угадать все раз-
меры предстоящего несчастья, она только томится, «тре-
вожит ее ревнивая тоска, как будто холодная рука ей серд-
це жмет, как будто бездна под ней чернеет и шумит...»

В ссору Онегина и Ленского вступает сила, которую
уже нельзя повернуть вспять, – сила «общественного мненья». Носитель этой силы ненавистен Пушкину больше,
чем Пустяков, Гвоздин, даже Флянов, – те только ничто-
жества, угнетатели, взяточники, шуты, а теперь перед
нами – убийца, палач:

Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

На таких людях, как Зарецкий, стоит мир Петуш-
ковых и Фляновых; он – опора и законодатель этого
мира, охранитель его законов и свершитель приговоров.
В каждом слове Пушкина о Зарецком звенит ненависть,
и мы не можем не разделять ее. Уже самая фамилия За-
рецкого напоминает о грибоедовском Загорецком и его
характеристике: «лгунишка он, картежник, вор... при
нем остерегись: переносить горазд и в карты не садись:
продаст». Поначалу пушкинская характеристика как
будто просто продолжает грибоедовскую: «некогда буян,
картежной шайки атаман, глава повес...» – но дальше
Пушкин приоткрывает такие глубины мерзости, кото-
рые даже грибоедовскому герою не снились. Как много
можно сказать в двух словах! Трибун – это блестящий
оратор, человек, ведущий за собой единомышленников
на битву за высокие идеалы; у Пушкина Зарецкий – три-
бун т р а к т и р н ы й... Если трибун – то трактирный,
если отец семейства – то холостой, если «надежный друг,
помещик мирный» – то в следующей строчке: «и даже
честный человек» – такова сила пушкинского сарказма,

что это убивает все предыдущие слова. Все противоестественно, античеловечно в Зарецком, и нас уже не удивляет следующая строфа, в которой выясняется, что и храбрость Зарецкого «злая», что «в туз из пистолета» он умеет попасть, но

в сражение

Раз в настоящем упоенье
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого свалясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!

Честь, долг, патриотизм – все это недоступно Зарецкому. Он готов снова попасть в плен, чтобы только опять пьянствовать в долгу французского ресторатора!

Многочисленные уменья Зарецкого – «весело поспорить, остро и тупо отвечать, порой расчетливо смолчать, порой расчетливо повздорить» – все эти уменья подлые, гнусные, но они ценятся тем обществом, в котором и Пушкину приходится жить! Даже Онегин, умный и благородный человек, не избегает Зарецкого: «Не уважая сердца в нем... он с удовольствием, бывало, встречался с ним...»

Исследователи творчества Пушкина видят в Зарецком черты современника Пушкина, называвшего себя одно время его другом, а потом сеявшего клевету на поэта, – графа Федора Толстого, по прозвищу Американец, о котором мы уже говорили. Но в то же время Зарецкий гораздо больше, чем просто портрет знакомого Пушкина или даже чем тип современного Пушкину человека из общества. Идет время, меняется жизнь людей, общество, происходят величайшие социальные изменения, а психология человека меняется всего медленней. Когда мы сегодня читаем про Зарецкого, мы, конечно, не видим вокруг себя таких именно людей, но учимся у Пушкина отличать показное благородство от настоящего, честную храбрость от бесчестной, сдержанность чувств – от подлого умолчания, теплоту души – от прикрытого лакированной словесной добротой равнодушия...

А Ленский именно Зарецкому поручает отвезти Онегину «приятный, благородный, короткий вызов иль

картель» (курсив Пушкина). Поэтический Ленский все принимает на веру, искренне убежден в благородстве Зарецкого, считает его «злую храбрость» мужеством, уменье «расчетливо смолчать» – сдержанностью, «расчетливо повздорить» – благородством... Вот эта слепая вера в совершенство мира и людей губит Ленского.

Но Онегин! Он-то знает жизнь, он отлично все понимает. Сам говорит себе, что он

Был должен оказать себя
Не мячиком предрассуждений,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и с умом.

Пушкин подбирает глаголы, очень полно рисующие состояние Онегина: «обвинял себя», «был должен», «он мог бы», «он должен был обезоружить младое сердце...» Но почему все эти глаголы стоят в прошедшем времени? Ведь еще можно поехать к Ленскому, объясниться, забыть вражду – еще не поздно... Нет, поздно! Вот мысли Онегина:

«...в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шепот, хохотня глупцов...»

Так думает Онегин. А Пушкин объясняет с болью и ненавистью:

И вот общественное мнение!
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

Пушкин не любит нагромождения восклицательных знаков. Но здесь он венчает ими подряд три строки: вся его мука, все негодование – в этих трех восклицательных знаках подряд. Вот что руководит людьми: шепот, хохотня глупцов – от этого зависит жизнь человека! Ужасно жить в мире, который вертится на злой болтовне!

«Наедине с своей душой» Онегин все понимал. Но в том-то и беда, что умение остаться наедине со своей

совестью, «на тайный суд себя призвав», и поступить так, как велит совесть, — это редкое уменье. Для него нужно мужество, которого нет у Евгения. Судьями оказываются Пустяковы и Буяновы с их низкой моралью, выступить против которой Онегин не смеет.

Строчка «И вот общественное мненье» — прямая цитата из Грибоедова, Пушкин ссылается на «Горе от ума» в примечании. Но и предыдущая строчка отсылает читателя к монологу Чацкого:

Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют;
И вот общественное мненье!

Мир, убивший душу Чацкого, всей своей тяжестью наваливается теперь на Онегина. И нет у него нравственных сил, чтобы противостоять этому миру, — он сдается.

Ленский всего этого не понимает. Нарастает трагедия, а Ленский все еще играет в жизнь, как ребенок играет в войну, похороны, свадьбу, — и Пушкин с горькой иронией рассказывает об игре Ленского:

Теперь ревнивцу то-то праздник!
Он все боялся, чтоб проказник
Не отшутился как-нибудь,
Уловку выдумав и грудь
Отворотив от пистолета.

Ленский и будущую дуэль видит в романтическом, книжном свете: обязательно «грудь» под пистолетом. А Пушкин знает, как оно бывает в жизни, проще и грубей: противник метит «в ляжку иль в висок» — и это земное слово «ляжка» звучит страшно, потому что подчеркивает пропасть между жизнью, как она есть, и представлениями Ленского.

И все-таки, если смотреть на вещи нормальными человеческими глазами, еще не поздно. Вот Ленский едет к Ольге — и убеждается, что она вовсе ему не изменила, что она

Резва, беспечна, весела,
Ну точно та же, как была.

Ольга ничего не понимает, ничего не предчувствует, наивно спрашивает Ленского, зачем он так рано скрылся с бала...

Все чувства в Ленском помутились,
И молча он повесил нос...

(Разрядка моя. - Н. Д.)

Романтический герой, каким видит себя Ленский, не может вешать носа – он должен заворачиваться в черный плащ и уходить, непонятый, гордый, таинственный... Но Ленский на самом деле – просто влюбленный мальчик, который не хотел видеть Ольгу перед дуэлью, а все-таки сам не заметил, как «очутился у соседок»; который «вешает нос» от малейшей неприятности, – таков он есть, таким видит его Пушкин. А самому себе он кажется совсем другим – грозным мстителем, который может простить Ольгу, но Онегина никогда:

Не потерплю, чтоб развратитель...
...Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек...

Все эти громкие фразы Пушкин переводит на русский язык просто и в то же время трагически:

Все это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я.

Вот так оно и бывает в жизни: надвигаются страшные события, их можно изменить, если люди приложат к этому усилия, но усилия не прикладываются – и события происходят неотвратимо. Если бы Ленский знал о любви Татьяны... Если бы Татьяна знала о назначенной на завтра дуэли... Если бы хоть няня сообразила рассказать Ольге, а та – Ленскому о письме Татьяны... Если бы Онегин преодолел свой страх перед общественным мнением... Ни одно из этих «если бы» не осуществилось.

Петр Ильич Чайковский – замечательный композитор, и опера его «Евгений Онегин» – прекрасное музыкальное произведение. Но, если мы хотим понять всю глубину пушкинского романа, нам непременно надо

забыть либретто оперы – оно обедняет, а кое-где и прямо искажает текст Пушкина. Так происходит прежде всего с Ленским. В опере Ленский подан глубоко всерьез. Он стоит на авансцене в черном одеянии, снег падает на его плечи, и волшебная музыка заставляет нас не вслушиваться в стихи, которые он поет. В романе – все иначе. Пушкин сознательно снимает всякую романтическую окраску с поведения Ленского перед дуэлью:

Домой приехав, pistols
Он осмотрел, потом вложил
Опять их в ящик и, раздетый,
При свечке, Шиллера открыл...

Что еще может читать перед дуэлью Ленский, кроме как духовного отца всех романтиков – Шиллера? Так предполагается по игре, в которую он играет сам с собой, но читать ему не хочется:

Владимир книгу закрывает,
Берет перо; его стихи
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются. Их читает
Он вслух, в лирическом жару,
Как Дельвиг пьяный на пиру.

Ведь Пушкин любит и жалеет своего героя, почему же он так странно говорит о его предсмертных стихах: «полны любовной чепухи», да еще и читает он их, «как Дельвиг»; это вызывает симпатию к Ленскому, – но «как Дельвиг пьяный на пиру» – тут ведь уже насмешка слышится! И дальше Пушкин опять скажет шутливо:

Стихи н а с л у ч а й сохранились;
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?..»

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Пушкин написал за Ленского блистательное романтическое стихотворение – так думают некоторые литературоведы до сих пор. Так считал, видимо, и Чайковский, раз эти стихи вдохновили его на серьезную и грустную

музыку. Так думал и Лермонтов: ведь он, в сущности, приравнивает к Ленскому самого Пушкина:

И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой...

(Лермонтов. «Смерть Поэта»)

Для Лермонтова, который сам был еще и в 1837 году поэтом-романтиком, такое восприятие стихов Ленского естественно. Но сегодня с этими стихами, на мой взгляд, происходит недоразумение.

Как можно не видеть в этих стихах пародии на романтизм? Они не только введены в роман насмешливо – об этом мы уже говорили, – но и самые стихи по своим поэтическим достоинствам невозможны, неприемлемы для зрелого Пушкина.

В молодости Пушкин сам мог бы писать так туманно, неопределенно: «в глубокой мгле таится он» (день); но и тогда Пушкин старался не употреблять привычных, стертых, много раз употреблявшихся другими поэтами слов и образов. А у Ленского – подряд: золотые дни, день грядущий, судьбы закон, луч денницы, таинственная сень, ранняя урна, рассвет печальный жизни бурной...

Зрелый же Пушкин, автор пяти глав «Онегина» и «Бориса Годунова», давно отошел и от того стиля, и от тех слов, которые употребляет Ленский. Через несколько строк мы увидим, как Пушкин точно и зорко описывает дуэль, а Ленский, только что осмотрев pistols, пишет: «паду ли я, стрелой пронзенный»; ему точность описаний не важна.

Пушкин не просто написал за Ленского стихи, но и ясно выразил свое отношение к ним. Он еще раз подчеркивает это отношение в строфе XXIII:

Так он писал *темно и вяло*
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут нимало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарею,
Склонясь усталой головою,

На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал...

(Курсив Пушкина.)

То литературное направление, которое создал Пушкин, гораздо позднее стали называть критическим реализмом. Сам Пушкин называл его «истинным романтизмом», поэтому он и пишет, что не видит в стихах Ленского «романтизма... нимало».

Так что же, Пушкин не любит Ленского, только и знает, что смеяться над ним, не верит его чувствам? Нет, конечно. И любит, и верит. Ленский предельно искренен в своих стихах, но искренности еще мало для того, чтобы создавать настоящее искусство. Поэзия Ленского не самостоятельна – это первый ее недостаток. Но и те высшие образцы, которым подражает молодой поэт, Пушкина не устраивают. В начале двадцатых годов Пушкин пользовался теми же рифмами, теми же поэтическими приемами, что и Ленский. Ведь и «Руслан и Людмила», и «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан» – романтические поэмы. Но уже в «Цыганах» Пушкин развенчал романтического героя, а теперь выступает против самого принципа романтической поэзии, подсмеиваясь над ней.

Ночь, проведенная Ленским перед дуэлью, характерна для мечтателя: Шиллер, стихи, свеча, «модное слово идеал»... Равнодушный Онегин «спал в это время мертвым сном» и проснулся, когда давно пора было выехать к месту дуэли. Собирается Евгений торопливо, но без всяких вздохов и мечтаний, и описывает Пушкин эти сборы очень коротко, четко, подчеркивая бытовые детали:

Он поскорей звонит. Вбегает
К нему слуга француз Гильо,
Халат и туфли предлагает
И подает ему белье.

(Разрядка моя. – Н. Д.)

И вот они встречаются за мельницей – вчерашние друзья. Для секунданта Ленского, Зарецкого, все происходящее *н о р м а л ь н о, о б ы ч н о*. Он действует по законам своей среды, для него главное – соблюсти форму, отдать дань «приличиям», традиции:

В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял не как-нибудь,
Но в строгих правилах искусства,
По всем преданьям старины
(Что похвалить мы в нем должны).

Пожалуй, нигде еще так не прорывалась ненависть Пушкина и к Зарецкому, и ко всему его миру, как в этой последней саркастической строчке: «Что похвалить мы в нем должны...» – что похвалить? И кто должен похвалить? То, что он не позволяет р а с т я н у т ь (страшное какое слово) человека не по правилам?

Удивителен в этой сцене Онегин. Вчера у него не хватило мужества отказаться от дуэли. Его мучила совесть – ведь он подчинился тем самым «строгим правилам искусства», которые так любит Зарецкий. Сегодня он бунтует против «классика и педанта», но как жалок этот бунт! Онегин нарушает всякие правила приличия, взяв в секунданты лакея. «Зарецкий губу закусил», услышав «представление» Онегина, – и Евгений вполне этим удовлетворен. На такое маленькое нарушение законов света у него хватает мужества.

И вот начинается дуэль. Пушкин с т р а ш н о играет на словах «враг» и «друг». В самом деле, что они теперь, Онегин и Ленский? Уже враги или еще друзья? Они и сами этого не знают.

В р а г и стоят, потупя взор.

В р а г и! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дела
Делили д р у ж н о? Ныне злобно,
Врагам наследственным подобно,
Как в страшном, непонятном сне,
Они д р у г д р у г у в тишине
Готовят гибель хладнокровно...
Не засмеяться ль им, пока

Не обагрилась их рука,
Не разойтись ль полюбовно?..
Но дико светская вражда
Боится ложного стыда.

...Плащи бросают два в р а г а.
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Д р у з е й развел по крайний след,
И каждый взял свой пистолет.

(Разрядка моя. — Н. Д.)

Та мысль, к которой Пушкин подводил нас всем ходом событий, теперь сформулирована коротко и точно:

Но дико светская вражда
Боится л о ж н о г о стыда.

(Разрядка моя. — Н. Д.)

Но ведь Пушкин сам стрелялся с Дантесом! Если он понимал бессмысленность дуэли, почему сам прибегнул к ней? Дуэль Онегина с Ленским имеет только то сходство с дуэлью Пушкина, что она происходит тоже зимой, почти в те же числа на такой же белый снег через десять лет после того, как написана шестая глава, прольется кровь Пушкина. Но причины дуэли разные, хотя, казалось бы, оба поединка происходят из-за женщины. Даже если не учитывать того, что за спиной Дантеса стоит царский двор, ненавидевший поэта и устроивший его травлю, даже если забыть об этом, Дантес действительно в р а г Пушкина, он оскорбил жену поэта, и Пушкин — рыцарь, благородная и мужественная личность — не мог смириться с оскорблением. Тут не было никакого ложного стыда, а была оскорбленная честь. В дуэли же Ленского с Онегиным все нелепо, противники до последней минуты не испытывают друг к другу настоящей вражды: «Не засмеяться ль им, пока не обагрилась их рука?» Быть может, нашел бы Онегин в себе смелость засмеяться, протянуть другу руку, переступить через ложный стыд — все повернулось бы иначе. Но Онегин этого не делает, Ленский продолжает свою опасную игру, а в руках у секундантов уже не игрушки:

Вот пистолеты уж блеснули.
Гремит о шомпол молоток.
В граненый ствол уходят пули,
И щелкнул в первый раз курок.

Пушкин описывает приготовления к дуэли с такой точностью, как будто составляет руководство по стрельбе. Если бы мы ничего не знали об оружии пушкинской эпохи и его применении, мы по одному этому описанию могли бы восстановить это оружие: молоток, забивающий шомпол; граненый ствол... «И щелкнул в п е р в ы й р а з курок» – какая безнадежность в этой строчке! В первый раз – когда заряжают, но он щелкнет и во второй раз – во время выстрела...

Вот порох струйкой сероватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведен еще...

Мы видели игру слов «враг–друг» в описании подготовки к дуэли. Теперь, когда все уже готово, в последнюю минуту, Пушкин еще раз называет противников друзьями: Зарецкий, с удовольствием **выполняя** свои обязанности, «друзей развел по крайний след, и каждый взял свой пистолет».

«Теперь сходитесь».

Хладнокровно,
Еще не целя, два в р а г а
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Вот теперь они уже окончательно стали врагами. Уже идут, поднимая пистолеты, уже несут смерть... Так долго, так подробно Пушкин описывал подготовку к дуэли, а теперь все происходит с непостижимой быстротой:

Онегин выстрелил... Пробыли
Часы урочные: пост
Роняет молча пистолет,
На грудь кладет тихонько руку
И падает...

Второй раз на протяжении всего романа Пушкин не заканчивает описание события в одной строфе, а резко переносит его в следующую. Так он сообщил нам смятение Татьяны перед свиданием с Онегиным:

И, задыхаясь, на скамью
Упала.

Так он сообщает о смерти Ленского. Строфа XXX кончается строчкой: «роняет молча пистолет» и запятой – у читателя есть еще надежда: может, только ранен? Но строфа XXXI снимает надежду:

На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку.

И вот здесь, перед лицом смерти, Пушкин уже очень серьезен. Когда Ленский был жив, можно было, любя, посмеяться над его наивной мечтательностью. Но теперь случилось непоправимое:

Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..

Те же самые слова, которые так любил бедный романтик: «младой», «буря», «увял», «потух огонь», – Пушкин отдает дань романтическому стилю Ленского, но уже в следующих строках пишет о его смерти по-своему, по-пушкински:

Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навывлет ранен;
Дымясь, из раны кровь текла.

Это не «стрелой пронзенный» – здесь абсолютная, почти научная точность описания: «под грудь он был навывлет ранен» – и вместе с тем та мрачная торжественность, которую несет с собой смерть, высокие слова: «томный мир его чела...»

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,

Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь...

Если умирает старый, больной человек, – все равно ничего не может быть страшнее минуты, когда вот – только что он шевелился, дышал, глаза жили – и нет ничего: недвижим и холоден... Но когда это происходит с молодым, полным сил, только что блиставшим здоровьем и красотой...

Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окны мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и след.

Сколько бы я ни перечитывала шестую главу, меня каждый раз заново поражает это сравнение погибшего человека с опустелым домом.

И – главное – сразу за привычными, много раз использованными романтиками сравнениями: «цвет... увял», «потух огонь»...

Мне всегда кажется, что, горюя о Ленском, жалея его, Пушкин в шестой главе еще больше жалеет Онегина.

Приятно дерзкой эпитафией
Взбесить оплошного в р а г а;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится...
...Но отослать его к отцам
Едва ль приятно будет вам.
Что ж, если вашим пистолетом
Сражен п р и я т е л ь молодой...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Так Пушкин возвращается к словам-антонимам: враг друг, приятель. Так он, гуманист, разрешает проблему, волнующую людей всегда: имеет ли человек право лишить другого человека жизни? Достойно ли это – испытывать удовлетворение от убийства, даже если убит враг?

Разумеется, Пушкин не говорит здесь об убийстве врага во время войны. Его волнует другое: личная вражда. Поставить врага в унижительное положение – да, это приятно. Но убить его, взять на себя единоличную ответственность за лишение человека жизни – нет! Даже если он твой враг – нет! А если друг?!

Онегин получил суровый, страшный, хотя и необходимый урок. Перед ним – труп друга. Вот теперь окончательно стало ясно, что были они не врагами, а друзьями. Пушкин не только сам понимает мученья Онегина, но и читателя заставляет понять их:

Скажите: вашею душой
Какое чувство овладеет,
Когда недвижим, на земле
Пред вами, с смертью на челе,
Он постепенно костенеет,
Когда он глух и молчалив
На ваш отчаянный призыв?

Онегину невероятно тяжело. Но Зарецкого ничто не мучит. «Ну что ж? убит», – решил сосед.

Убит! .. Сим с т р а ш н ы м восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит и людей зовет.
Зарецкий бережно кладет
На сани труп оледенелый;
Домой везет он с т р а ш н ы й клад.
Почуя мертвого, храпят
И бьются кони...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

В шести строчках два раза повторяется слово страшный. Пушкин нагнетает, сознательно усиливает тоску, ужас, охватившие читателя. Вот теперь уже ничего нельзя изменить; то, что произошло, необратимо. И никакие романтические слова так не передали бы ужаса происходящего, как бытовая деталь: «Почуя мертвого, храпят и бьются кони...»

Ленский ушел из жизни, уходит и со страниц романа. Мы уже говорили о том, почему он погиб. Нет места романтике и романтикам в слишком уж трезвом и слиш-

ком низменном мире; Пушкин еще раз напоминает об этом, прощаясь с Ленским навсегда. Строфы XXXVI–XXXIX посвящены Ленскому – уже без малейшей шутиливой интонации, очень серьезно. Какой был Ленский?

Во цвете радостных надежд,
Их не свершив еще для света,
Чуть из младенческих одежд,
Увял!

Все в нем было прекрасно: «благородное стремление и чувств и мыслей молодых», и «бурные любви желанья, и жажда знаний и труда, и страх порока и стыда», и «сны поэзии святой»... Все это было прекрасно, но так недолговечно...

В последний раз возникает в романе сопутствующая Ленскому стилистическая нота: все эти возвышенные слова «жаркое волнение», «заветные мечтанья», «признак жизни неземной». Розовый мир поэта исчезает – он не мог сохраниться в соприкосновении с окружавшим его миром пошлости. Для Ленского возможны были три пути: гибель; разрушение мечтаний – замена их будничной жизнью; и – третий – путь самого Пушкина, пересмотревшего свои романтические увлечения.

Быть может, он для блага мира
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла...

Но путь к славе не легок и не прост; хватило бы у Ленского мудрости, воли, таланта, труда, чтобы идти этим путем?

А может быть и то: поэт
Обыкновенный ждал удел...
...Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне, счастлив и рогат,
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле...
...И наконец в своей постеле

Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей.

Ужасно подумать, что такая судьба могла ждать чернокудрого мечтателя – но что поделывать, она не просто возможна, а даже наиболее вероятна. Ведь прочны только выстраданные, проверенные умом, сердцем, делом убеждения, а Ленский-то жил в выдуманном мире, любил выдуманную женщину...

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель,
Убит приятельской рукой!

Какое бы будущее ни предстояло Ленскому, Онегин отнял жизнь у человека, который мог быть счастлив. Пушкин ничего не говорит об Онегине, но мы неотступно думаем о нем. Как ему жить теперь в своем доме, где все напоминает о друге: вот здесь обедали вдвоем, в этой карете ездили к Лариным, об этих книгах говорили, из этого бокала любил он пить вино, здесь у камина сидел вечерами... Сколько должен был Онегин передумать, как истерзать себя за малодушие, за трусость, каким судом осудить?

Пушкин не обвиняет Онегина, а объясняет нам его. Неумение и нежелание думать о других людях обернулось такой роковой ошибкой, что теперь Евгений казнит самого себя. И уже не может не думать о содеянном. Не может не научиться тому, чего раньше не умел: страдать, раскаиваться, мыслить... Так смерть Ленского оказывается толчком к перерождению Онегина. Но оно еще впереди. Пока Пушкин оставляет Онегина на распутье – верный своему принципу предельной краткости, он не рассказывает нам, как Ленского привезли домой, как узнала Ольга, что было с Татьяной...

Все это мы отлично можем себе представить, зная характеры людей, близких Ленскому. А Пушкин не отвечает на наши вопросы:

Что-то с Ольгой стало?
В ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слез прошла пора?

И где теперь ее сестра?
И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудак,
Убийца юного поэта?

Пушкин оставляет своих героев, чтобы встретиться с читателем лицом к лицу. Он обещает: «Со временем отчет я вам подробно обо всем отдам, но не теперь». И признается: «Хоть я сердечно люблю героя моего... но мне теперь не до него». Не до него – потому что настала пора рассказать читателю-другу об очень важных мыслях, чувствах, о новом понимании жизни, которое открылось Пушкину. Именно здесь, к концу шестой главы, после смерти Ленского, Пушкин прощается со своей молодостью. Это понятно: Ленский и есть молодость Пушкина, мечты, романтизм, восторженное отношение к жизни...

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я – со вздохом признаюсь
За ней ленивей волочусь...
...Другие, хладные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

Плохо это или хорошо, когда уходит молодость, когда появляются «другие, хладные мечты, другие, строгие заботы»? Есть радость и в мудрости, приходящей к человеку в зрелые годы, – если, конечно, она приходит. Ужасна потеря юных идеалов и мечтаний, когда вместо них ничего не обретаешь; когда жизнь кажется пустой, знакомой и неинтересной...

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья...

Разве легкая была у Пушкина юность? Неприязненное, почти враждебное отношение родного отца, шестилетняя ссылка, нападки литературных врагов, недовольство царя – у Пушкина было достаточно оснований считать свою юность трудной. Но он сам умел внести в свою вовсе не легкую жизнь светлое, веселое, радостное – и с этим умением он вступает в зрелость, об одном мечтая: чтобы сохранилось творчество.

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье...
...Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь...

Это написано в середине 1826 года. Не только молодость прошла – погибли и отправлены на каторгу люди, которых он уважал, друзья: нет Рылеева, Пестеля, в Сибири Пущин, Кюхельбекер. И сам он прошел через горе, разлуку, разочарование в людях – прошел и сохранил свою живую душу, и вдохновенье, и даже веселье...

*Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?*

... Я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен... –

так пишет Пушкин в стихотворении «Осень». В «Евгении Онегине» он подробно и грустно объясняет, почему не любит весну.

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

Когда смотришь на картины, написанные великими мастерами, не только видишь то, что изобразил художник, но и кажется тебе, что слышишь: вздохи отца над вернувшимся блудным сыном у Рембрандта; грубый хохот рубенсовских героев; шелест травы на полотнах Мане и Левитана...

Когда читаешь пушкинские пейзажи, не просто представляешь их себе, но видишь, как бегут ручьи с холмов, как «еще прозрачные, леса как будто пухом зеленеют...»

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...

Сквозь сон улыбаясь, просыпаются дети – вот и весенняя природа кажется ему ребенком, весело начинающим жить... И читатель настраивается на умиленно-восторженное восприятие весны, обновленной жизни... И кажется – улеглись зимние бури, сошел снег, повеяло теплом – и растворятся горести, забудутся несчастья... Но во второй строфе Пушкин сразу снимает наше умиление:

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!

Почему же грустно? Любить весну, радоваться ей
свойственно человеческой природе, а тут вдруг – грустно!

С каким тяжелым умиленьем
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Пушкин, написавший эти строки, уже не тот, который весело, легко, задорно беседовал с нами на страницах первой главы. Прошло пять лет – и каких лет! «Беспечный, влюбчивый», двадцатичетырехлетний, писал он «строфы, первые» в южной ссылке, не очень серьезно огорчаясь тем, что сослан, непобедимо веря, как и всякий очень молодой человек, что жизнь впереди – долгая и светлая. А жизнь не радовала. Одна ссылка сменилась другой; родной отец согласился следить за сыном; потянулись одинокие месяцы в Михайловском: зимние вечера при свечах в холодном, неудобном доме, и ни огонька кругом, и волки воют под самыми окнами, и только с няней можно перемолвиться добрым словом, и неизвестно, сколько лет еще сидеть здесь взаперти... Но в одиноком этом доме он писал:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!..
...Да здравствует солнце, да скроется тьма!

И еще:

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

Он сохранил бодрость и мужество, остался верен своим друзьям и своей молодости.

А мысли у него были невеселые: мы знаем это из стихов михайловского периода. Нечему было радоваться: что-то непонятное и страшное нависало над Россией, над родиной – Пушкин, историк и философ, не мог этого не чувствовать. Друзья, братья – Пущин, Кюхельбекер, другие лицейские товарищи; не считаясь с опасностью, шли,

может быть, на гибель. От Пушкина скрывали существование тайного общества, и все же он чувствовал надвигающуюся грозу. Она разразилась, когда Пушкин работал над четвертой главой «Онегина». Мучительная неизвестность – что в Петербурге? Потом – письмо Жуковского о следствии по делу декабристов, о стихах Пушкина, найденных чуть ли не у каждого из подсудимых; известие о казни одних друзей, о ссылке на каторгу других; вызов в Москву и встреча с царем...

Его везли в Москву «свободно, не в виде арестанта» (так было сказано в приказе), но в сопровождении фельдъегеря, и оставшаяся в Михайловском няня не знала, куда и зачем его повезли, металась в отчаянии.

Разговор Пушкина с Николаем I широко известен. «Что сделали бы вы, если бы четырнадцатого декабря были в Петербурге?» – спросил царь. «Стал бы в ряды мятежников», – ответил поэт.

Он был г р а ж д а н и н о м, этот легкий и веселый человек. Шесть лет назад брат императора Николая Александр I отправил Пушкина в ссылку за то, что он «наводил всю Россию возмутительными стихами». Слово «возмутительный» употреблялось тогда в ином значении, чем теперь: призывающий к возмущению, к мятежу. Тогда он написал оду «Вольность», и послание к Чаадаеву, и «Деревню»; он показывал знакомым в театре портрет Лувеля, убившего родственника французского короля, с надписью: «Урок царям», – но тогда он еще верил в конституционную монархию. В «Вольности» он прославлял Закон, которому должны подчиниться и цари, и народы; в «Деревне» надеялся увидеть «рабство, падшее по манию царя».

За шесть лет он многое узнал, и передумал, и понял. В Михайловском он читал бесконечно, требовал от брата еще и еще книг; изучал «Историю государства Российского» Карамзина, думал над опытом русской истории. Незадолго до декабрьского восстания он кончал «Бориса Годунова» – трагедию, в которой главным героем стал народ.

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых, –

говорил царь Борис в его трагедии.

Александр Пушкин в 1825 году понял то, чего не могли понять люди XVII века, герои его трагедии: всякая царская власть ненавистна народу. Трагедия кончается сценой возведения на престол Самозванца, которого народ поддерживал, пока он воевал против царя Бориса. Бояре обращаются к народу: «Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!» Народ безмолвствует (выделено Пушкиным). Сначала Пушкин хотел кончить трагедию иначе: запуганный боярами народ кричит то, что от него требуют. Потом изменил концовку: в безмолвии народа он услышал ненависть и силу.

Гаврила Пушкин, предок Александра, воюющий на стороне Самозванца, говорит в трагедии такие слова:

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! мнением народным.

Мы не можем знать, о чем думал Пушкин, работая над своей трагедией осенью 1825 года, но мы знаем: он понимал, что всякая попытка захватить и сохранить власть без поддержки народа обречена на неудачу. «Сто прапорщиков не могут изменить государственный строй России», – сказал Грибоедов. Пушкин тоже пришел к этой мысли. И все-таки ответил на вопрос царя: «Стал бы в ряды мятежников».

Не мальчиком, не юношей – взрослым человеком разговаривал он с царем. Знал, какие последствия может иметь его ответ. И – сказал то, что думал. Не хотел и не мог иначе.

Зачем ему было рисковать собой, ведь друзьям от этого не стало легче? Может, благоразумнее было промолчать или сказать царю что-нибудь более для него приемлемое? Что бы от этого изменилось?

Изменилось бы то, что это был бы ответ другого человека, не Пушкина. Пушкин не мог ответить иначе, таков он был – и, написав Николаю I стихи, он поставил ему в пример Петра I и посоветовал:

Во всем будь пращуро подобен;
Как он, неутомим и тверд.
И памятью, как он, незлобен.

Царь не внял его советам. Он сам знал, как ему править Россией. Герцен писал об этом времени: «Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений...» Но и этой песне подрезали крылья: в Петербурге в Институте литературы, который чаще называют Пушкинским домом, хранится рукопись «Медного всадника», исчерканная красным карандашом царя, — «Медный всадник» не был напечатан при жизни автора. После его смерти Жуковский нашел у него в столе много стихов, о существовании которых даже самые близкие люди не знали. Десятую главу «Онегина» Пушкину пришлось сжечь — хранить ее было опасно.

Молодость не вернешь — он это знал. Вспоминать о ней было тяжело: слишком многие люди приходили на память — те, о ком он позже скажет: «Иных уж нет, а те далече...» Но идеалам своей юности он остался верен — одинокий, измученный человек.

Не случайно годы 1826–1830 биографы Пушкина называют годами странствий: он места себе не находил, тоскливо было ему жить — и преодолеть тягостные мысли было не так-то просто. Шестую главу «Онегина» он кончил в середине 1826 года и, хотя обещал читателям вернуться к своему герою, не возвращался к нему долго — трудное было время. Вот почему так грустно начинается седьмая глава; горькие мысли приходили ему на ум, когда он видел просыпающуюся весну:

Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?
Быть может, в мысли нам приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна...

Что же случилось с героями романа? Онегина нет — и где он, неизвестно. Ленский похоронен, на могилу его еще недавно «ходили две подруги... но ныне... памятник унылый забыт». Ольга вышла замуж. Пушкин рассказывает о ее судьбе неуважительно, насмешливо. Избранник Ольги не имеет никаких человеческих качеств: он «улан» — и только! От этого дважды повторенного

чина («улан умел ее пленить, улан любим ее душою») пошлостью веет. Восторженный Ленский или бравадный, вполне земной офицер – не все ли ей равно, в конце концов...

Мой бедный Ленский! за могилой
В пределах вечности глухой
Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой...
...Так равнодушное забвеньё
За гробом ожидает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Вдруг молкнет. Про одно именьё
Наследников сердитый хор
Заводит непристойный спор.

Татьяна бы не забыла Онегина. Татьяна могла выйти замуж, быть хорошей женой и даже полюбить другого человека, но у Татьяны все было бы настоящее: и горе, и радость, и любовь... А у Ольги – другая мораль, чем у Татьяны: ей, выходит, и правда, легче жить, чем сестре: вот поплакала, утешилась, вышла замуж, уехала с мужем в полк, опять поплакала, расставаясь с матерью и сестрой...

Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью покрылось
Ее печальное лицо.

У Ольги впереди – ровный и легкий путь, без особых страстей и страданий. У Татьяны – и слезы, и горе, и неизвестность. Трудно да и незачем доказывать, что ей живется на свете лучше, чем Ольге. Но – мы уже говорили об этом – что значит: лучше? Для одних людей путь Ольги бесспорно привлекательней, для других – все равно, все равно – путь Татьяны, как бы ни был он горек.

И вот одна, одна Татьяна!
...И облегченья не находит
Она подавленным слезам,
И сердце рвется пополам.

Боль и тоска по Онегину еще осложняются тем, что

Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего...

Для Ольги этих высоких моральных категорий не существует. Она живет по тем же привычным законам, что все люди вокруг: Зарецкий, Буянов, Пустяковы... Онегин убил Ленского не из-за угла, а на дуэли, в честном бою – такова уж судьба, что же Ольге ненавидеть Евгения? У Татьяны же, сверх общепринятой морали, есть еще та необходимая каждому человеку личная мораль, которая не позволяет ей забыть, простить...

Поэта память пронеслась
Как дым по небу голубому,
О нем два сердца, может быть,
Еще грустят... На что грустить?..

Д в а сердца! Два: Татьяны и Онегина. Потому что они двое и лучше, и чище, и глубже остальных людей. Белинский говорил об Онегине, что «он не был ни холоден, ни сух, ни черств, что в душе его жила поэзия и что вообще он не был из числа обыкновенных, дюжинных людей». Он и Татьяна могли быть счастливы вместе. Но они не понимали ни друг друга, ни даже самих себя. Только теперь, когда Онегин далеко, Татьяна может наконец хоть немного узнать человека, которого она полюбила навсегда.

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий...

Мы читаем это – такое поэтическое – описание летнего вечера, и нам в голову не может прийти, что именно оно вызвало нападки на Пушкина: что это за предмет для поэзии – жук! Какую красоту можно найти в рыбачьем костре! «Все это – низкая природа; изящного не много тут», – эти слова Пушкину приходилось выслушивать не раз. Современники обвиняли его в грубости, в бедности воображения. По поводу седьмой главы было особенно много насмешек, толков, пересудов. Говорили – и даже в критических статьях – рассуждали о том, что Пушкин «исписался», что талант его иссяк...

«Я очень люблю обширный план твоего «Онегина», но большее число его не понимают... Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностью вымысла», — так писал Пушкину талантливый поэт Баратынский, тот самый, к которому Пушкин обращался с просьбой помочь ему «переложить» письмо Татьяны «на волшебные напевы». А сам Пушкин говорил: «Поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем».

Даже многие друзья не понимали того, что сделал Пушкин для русской литературы. А он все шел своим путем, пока не поднялись новые друзья, ученики: Гоголь, позднее — Лермонтов, а за ним все те, кого мы сегодня называем классиками...

Летним вечером, бродя по окрестным лесам, Татьяна случайно заходит в поместье Онегина. Какая проза, казалось бы, окружает влюбленную девушку в этот возвышенный момент ее жизни:

К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный ея
Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. Не без драки
Мальчишки разогнали псов...

Но для Татьяны — а за ней и для Пушкина, за ним и для читателя все, что связано с Онегиным, окружено поэзией. Она на всю жизнь запомнит этот вечер: и собак, и мальчишек, и жука, и рыбацкий костер... Прекрасное — вокруг нас; прекрасны не вымыслы, мечты романтиков, а сама жизнь «со всем холодом, со всею прозою и пошлостью», — такую именно жизнь, по словам Белинского, Пушкин описал в своем романе. И в этой будничной, простой жизни нашел красоту...

Только теперь, войдя в опустелый дом Онегина, Татьяна начинает хоть по предметам, окружавшим Евгения, знакомиться с его бытом:

Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал,
На смятом канапе лежал
Манежный хлыстик...

Из рассказа старой Анисьи Татьяна узнает те подробности жизни Онегина, которые уже знакомы читателю:

«А вот камин;
Здесь барин сживал один.
Здесь с ним обедал зимою
Покойный Ленский, наш сосед».

Пушкин передает народную речь очень экономно: всего два слова в непривычном виде: сживал, обедал – и мы видим старую крестьянку с ее неторопливой певучей речью... В кратком рассказе Анисьи – вся деревенская жизнь Онегина: «Здесь почивал он, кофей кушал, приказчика доклады слушал и книжку поутру читал...»

Влюбленной Татьяне, попавшей в дом Онегина, «все здесь кажется бесценным». Кабинет Евгения – совершенно такой, как десятки кабинетов модных молодых людей начала XIX века, но Татьяна впервые оказалась «в келье модной», и ее поражает все:

И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

А ведь в Онегине тоже живет романтик! Помните, еще в первой главе Пушкину нравилась его «мечтам невольная преданность»! И теперь мы видим в кабинете Евгения любимых героев романтической молодежи: Байрона и Наполеона. Пушкин тоже увлекался этими яркими личностями: в стихотворении «К морю», одном из последних своих романтических стихов, именно Байрона и Наполеона вспоминает он, прощаясь с морем. Но Пушкин преодолел и эту разновидность романтизма – эгоистическую, как и восторженную мечтательность Кюхли или Ленского; Пушкин пришел к трезвому и доброму взгляду на мир и людей. А для Онегина – такого, каким он жил в опустевшем теперь кабинете, – люди все еще делились на единиц и нулей, он все еще «глядел в Наполеоны».

Конечно, неопытной, хотя и чуткой Татьяне не понять всего этого сразу, с одного взгляда на кабинет Онегина. Перед ней только приоткрывается его жизнь. Но, когда «через день... вновь явилась она в оставленную сень», когда погрузилась в книги Онегина, всмотрелась в его пометки на полях, — тогда Татьяна, впервые за мучительный год любви к Онегину, стала понемногу узнавать и понимать его.

...Чтению предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир и н о й.

(Разрядка моя. — Н. Д.)

Иной! Лучше или хуже, чем ее собственный, — это трудно определить сразу. Но конечно, совсем другой, чем тот, в котором она жила до сих пор. Сказки и преданья, приметы, народные обычаи и «разговор благоразумный о сенокосе, о вине», сентиментальные романы с их дивными героями и жуткими злодеями — весь этот мир, знакомый Татьяне, вдруг обрушился. Поэмы и романы, найденные Татьяной в кабинете Онегина, были совсем не похожи на то, что она читала раньше. Здесь были книги,

В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Эта характеристика современного Пушкину умного, так называемого передового и очень несчастливого человека может быть применена и к Онегину. Очень важно понять, почему душу современного ему человека Пушкин называет **б е з н р а в с т в е н н о й**. Он говорит об этой душе, что она «себялюбивая, сухая, мечтанью преданная безмерно» — где же безнравственность? Все дело в том, что у Пушкина была та самая **л и ч н а я м о р а л ь**, которой обладала Татьяна и которой не хватало Онегину. Пушкин не ограничивался и не подчинялся удобной для

всякой подлости и пошлости морали общества, в котором он жил. По его, пушкинской, морали себялюбие и душевная сухость — безнравственны. Потому что человек не для того живет на свете, чтобы любить одного себя. Потому что любить одного себя невозможно без того, чтобы ранить и убивать — пусть даже только духовно — других людей.

В седьмой главе Онегин не появится перед читателем ни разу. Но мы не забываем о нем ни на минуту: он живет в любви Татьяны, в ее памяти, в ее пристальном внимании к вещам и книгам любимого человека, к каждому знаку, в котором

...Онегина душа

Себя невольно выражает...

Трагедия, начавшаяся во время свидания в саду, углубленная смертью Ленского и отъездом Онегина, продолжается и теперь, когда его нет. «Получив посланье Тани, Онегин живо тронут был», но не смог преодолеть своего эгоизма, равнодушия, сухости и глухоты душевной... Он не сумел понять Татьяну и приблизиться к ней. Теперь Татьяна узнала Онегина — и тоже не сумела понять его. Мысли Татьяны о том, кого она полюбила, «по ком она вздыхать осуждена судьбою властной», — очень несправедливы, хоть во многом и верны:

Чудак печальный и о п а с н ы й,

Созданье ада иль небес,

Сей ангел, сей надменный бес...

(Разрядка моя. — Н. Д.)

Татьяна не умеет мыслить иначе, чем научили ее сентиментальные романы. Человек, по ее мнению, может быть или прекрасным, или злым, ангелом или бесом, созданием ада или неба... А Пушкин знает, что добро и зло живут в одном и том же человеке; что один и тот же человек может быть прекрасным или отвратительным; что Онегин не демон и не святой; он человек, страдающий от своих ошибок и недостатков, одинокий, нуждающийся в любви и опоре...

Татьяне кажется, что книги Байрона и французских писателей, найденные ею в кабинете Онегина, вполне исчерпывают и растолковывают характер их владельца:

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

Это очень горькие раздумья. Неужели тоска, разочарование Онегина – действительно, только подражание байроновским героям, в особенности Чайльд Гарольду? Да, «преждевременная старость души» – тяжелый крест не одного Онегина, а многих молодых людей и в России, и в Западной Европе. Но разве страдания Онегина делаются от этого неискренними? Разве легче ему нести свое одиночество, равнодушие к радостям жизни, неудовлетворенность ее законами оттого, что эти же чувства испытывал Чайльд Гарольд?

Книги помогли Онегину понять самого себя, но не приносили облегчения. И уж конечно, он не подражал их героям, не был пародией – он искал забвения или совета, как избавиться от своей беды....

Не может Татьяна, при всей тонкости ее души, понять всего этого. Ей недостает и жизненного опыта, и той культуры ума, которая позволила бы сделать правильные выводы из пометок Онегина на полях книг. Вот она и останавливается на горькой мысли: «Евгений – чужих причуд истолкованье... пародия».

Ужель загадку разрешила?
Ужели *слово* найдено?
Часы бегут; она забыла,
Что дома ждут ее давно...

(Курсив Пушкина.)

Да, не просто быть думающим, чувствующим, душевно богатым человеком. Ольга, например, отродясь бы не стала терзаться вопросами о том, что собой представляет ее избранник. Нравится – полюбила, не нравится – разлюбила.

А Татьяне не нравится Онегин – такой, каким она его узнала вот здесь, в книгах. Но разлюбить его она

уже не может, потому что, полюбив раз и навсегда, несет за него ответственность в своем сердце. Тем ведь и отличается настоящая любовь, что отвечаешь за того, кого любишь, – и никуда от этой ответственности не денешься.

Может, если бы Татьяна смогла дольше пробыть наедине с самой собой в доме Онегина, глубоко погрузиться в его мир, – она бы больше поняла. Но именно в этот самый момент глубокомысленные соседи решают, что ей пора замуж, и советуют старушке Лариной везти ее

В Москву, на ярманку невест!

Там, слышно, много праздных мест.

Они даже добрые, эти соседи: предлагают матери Татьяны займы, беспокоятся, как бы девушка не осталась незамужней... Только доброта их – на свой манер: не понимают они другого счастья, кроме своего. Бедная, бескрылая доброта бедного, бескрылого мира. Но мир этот властвует над Татьяной, он постановил: ехать в Москву.

И Таня слышит новость эту.

На суд взыскательному свету

Представить ясные черты

Провинциальной простоты,

И запоздалые наряды,

И запоздалый склад речей;

Московских франтов и цирцей

Привлечь насмешливые взгляды!..

О страх!

Принято считать, что молодость – самый легкий, беззаботный, свободный возраст. А ведь это не так. Очень много трудностей стоит перед человеком в юные годы: все еще неясно в жизни, и мучают бесчисленные вопросы: как сложится моя жизнь, кем я буду, найду ли свою любовь, свое счастье? Страшно за свое будущее; страшно быть не таким, как окружающие люди, а особенно – провинциальным, запоздалым, недостаточно модным... Всех этих мучений не избежала и Татьяна.

Куда, зачем стремлюся я?

Что мне сулит судьба моя? –

спрашивает она себя, и не находит ответа, и боится ехать в Москву, и жалко ей расстаться «с своими рощами, лугами», но в то же время и манит неизвестность, как всякого молодого человека: может, там, вдали, — счастье?

Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва, пышно убрана...

Всего три строчки сказал Пушкин о своей любимой осени — а как по-новому, неожиданно и прекрасно, встанет она перед читателем: «природа трепетна, бледна» — тут и светлое осеннее небо, и дрожащие листья, и вой ветра, грозный, предвещающий недоброе...

В пятой главе Пушкин не хотел соперничать с описавшим русскую зиму Вяземским. Здесь, в седьмой главе, он в восьми строках рисует зиму — и она именно русская:

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов...

Слышите посвист и вой ветра, сыплющего снег, — преобладают звуки п-с-в... Это — начало зимы. А вот она уже утвердилась:

Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.

Не радо потому, что обрывается привычная, милая жизнь, когда можно в любую минуту выскочить на крыльцо «морозной пылью подышать», когда полагается «первым снегом с кровли бани умыть лицо, плеча и грудь», — эта жизнь уходит, а что впереди?

Описание отъезда Лариных, разумеется, было воспринято многими современными Пушкину критиками как непристойное нарушение поэтических норм. Но мы уже знаем, что Пушкин не боялся критиков.

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осьмнадцать кляч...

Если бы таким образом описывался выезд старой помещицы Лариной, над которой автор смеется, – тогда критики ничего не могли бы возразить. Но кроме старушки Лариной, на «осьмнадцати клячах», с кастрюльками, горшками и тазами отправляется в Москву героиня романа, прекрасная возвышенная девушка, да еще влюбленная, да еще несчастная, этого не только враги Пушкина, но и многие друзья не могли ни понять, ни принять. Как – на фоне бранящихся баб, бородатого фрейтора, прощающейся с барами челяди – героиня произносит романтическую речь:

«Простите, мирные места!
Прости, приют уединенный!
Увижу ль вас?..» И слез ручей
У Тани льется из очей.

Голос автора, такой веселый в первых главах, теперь звучит грустно. Российские дороги, немало измучившие поэта, не меняются со времени Соловья-разбойника и – так думает Пушкин – если изменятся, то «лет через пять-сот». Тогда наступит блаженство:

Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой

Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

Это не насмешка – про трактир, это стон человека,
много ездившего по стране, где

Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит.

Мне всегда страшно и больно думать, что такому человеку, как Пушкин, столько приходилось терпеть простых земных неудобств: писал он своего «Онегина» при жалкой свечке, умывался из ковшика, ездил в неудобных повозках, тащили его полудохлые клячи, нестерпимо медленно – да еще ругань станционных смотрителей, да еще перекусить негде: «трактиров нет»... А у нас все это есть, только работать так, как Пушкин, мы не умеем.

И все-таки, несмотря на грустный жизненный опыт, на потери и беды, на крайнюю неопределенность в будущем, все-таки Пушкин не расстается с милым своим юмором, с веселой насмешкой: «сельские циклопы» (он имеет в виду кузнецов) у него благословляют «колеи и рвы отеческой земли», поскольку им достается немалый заработок при починке непрерывно ломающихся колясок и карет; зимняя дорога у него гладка, «как стих без мысли в песне модной». И только над бедной Татьяной он не смеется, а сочувствует ей:

...наша дева насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.

И тут же делится с читателем своей радостью – так ему было одиноко в Михайловском, и вот, наконец, увидел он Москву:

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!

И после интимного, чуть насмешливого тона – торжественные, возвышенные строки о Москве:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Пушкин умел отделять парадный, казенный патриотизм царских манифестов и светских раутов от того народного патриотизма, который живет в душе каждого честного человека и который через полвека воплотил Толстой в «Войне и мире». И кто знает – не выросла ли поразительная сцена, когда Наполеон ждет депутацию бояр с ключами от города, из коротких пушкинских строк:

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою...

Москва пушкинской эпохи – торговый город, обиталище» старого российского барства, «ярманка невест» – описана с исчерпывающей полнотой: в девяти строчках Пушкин только перечисляет то, что видит Татьяна из окна возка: «будки, бабы, мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри» и т. д. В этом списке – все противоречия большого города: рядом оказываются дворцы – и лачужки, купцы – и монастыри, аптеки – и магазины моды... Но «бульвары, башни, казаки» – все это героиня Пушкина видит из окна. А тот мир, в котором ей предстоит жить, напоминает знакомое окружение – Петушковых, Гвоздиных и прочих...

Мы еще не говорили об эпитафиях к седьмой главе. Их три, и все они обращают наше внимание на Москву. Татьяна приедет в этот город только к концу главы – до этого произойдут многие важные события: известие о замужестве Ольги; знакомство Татьяны с книгами Онегина, а следовательно, и с его внутренним миром; прощанье Татьяны с вольной деревенской жизнью...

Все это очень важно. Но самое главное в седьмой главе все-таки московская жизнь. В пушкинском плане седьмая песнь называется «Москва». Три эпиграфа, каждый по-своему, раскрывают отношение Пушкина к старинному русскому городу.

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?

Дмитриев

Это – серьезный и восторженный отзыв поэта о городе, перед которым можно и нужно преклоняться, имя которого напоминает героические страницы русской истории.

Второй эпиграф: «Как не любить родной Москвы?» – Баратынский. Можно принять его всерьез, если помнить предыдущий эпиграф из Дмитриева. Но можно понимать его и как переход к следующему, явно издевательскому эпиграфу из Грибоедова: «Гоненье на Москву! что значит видеть свет! Где ж лучше? Где нас нет».

В сознании Пушкина живут две Москвы: величественная, народная, героическая – и барская грибоедовская Москва, над которой он смеется.

Быт московского барства хорошо знаком Пушкину. Эти старые полуживые княжны, «простертые на диванах» и живущие событиями полувековой давности; их престарелые слуги, вяжущие чулки в передних, чтобы хоть как-то заполнить тупое свое безделье; эти жеманные восклицания на «смешенье языков: французского с нижегородским» – все это Пушкин помнит с детства.

Но Пушкин не только подсмеивается над московской престарелой барышней – теткой Татьяны – он еще и жалеет ее. Весь век свой прожить вот так – воспоминаниями о бывшем Грандисоне, который теперь сына женил; весь век свой ничего не знать, кроме сплетен, ничего не уметь – только кокетничать в молодости да сватать в старости – ведь это жалкая жизнь!

Здесь, в этом новом для Татьяны мире московского барства, люди тоже не злые, а скорее даже приветливые, славные – пока каждый из них существует сам по себе. Вот тетушка Татьяны вспоминает возлюбленного своей молодости, жалуется на больную одинокую старость.

Вот родственницы ласково встречают Татьяну и твердят то, что во все эпохи повторяют взрослые, видя выросших детей:

«Как Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я так на руки брала!»...
... И хором бабушки твердят:
«Как наши годы-то летят!»

Казалось бы, славные, простые люди. Но в пушкинской интонации начинают звучать и злость, и гнев:

Но в них не видно перемены;
Все в них на старый образец...
...Все белится Лукерья Львовна,
Все то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны
Все тот же друг мосье Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж...

Это восприятие – не Татьяны, которая была маленькой девочкой, когда видела в последний раз своих родственников и не помнит их совсем. Это – восприятие Пушкина. Не так уж безобидны эти бабушки, такие милые по отношению к своей родне. Ведь именно они объявили безумным Чацкого, изгнали его из Москвы... Пушкин сознательно напоминает читателю «Горе от ума»: «Все тот же шпиц и тот же муж» почти цитата из комедии Грибоедова. О московском барстве Пушкин скажет очень мало – он только напомним, что есть пьеса, в которой описаны эти самые люди в эту самую эпоху... Почему получается, что человек, сам по себе и не вредный, а даже добрый, оказывается с т р а ш е н, когда объединяется с подобными себе против чуждого ему нового, молодого движения? Ведь и Фамусов у Грибоедова не тиран, не деспот, а любящий отец, хлебосольный хозяин – а вот именно он оказывается во главе травли Чацкого!

Пушкин знает: «человек по природе своей добр» – так говорил великий французский просветитель Жан-Жак Руссо. Возможности, заложенные в каждом челове-

ке, прекрасны, но как осуществить их в мире зла и лицемерия? Из любой Лукерьи Львовны мог бы выйти отличный человек, и даже – из Молчалина. Но условия жизни, среда, законы общества сформировали в этих людях качества отвратительные и заглушили добрые. И едва они оказываются все вместе, каждый из них перестает быть человеком, личностью, превращается в часть машины, именуемой обществом...

Сельские дворяне все-таки лучше. Они что-то понимают хоть в сенокосе, у них общие обычаи с народом, в их среде могла вырасти такая богатая и цельная личность, как Татьяна. А здесь, в Москве, «младые грации» все на одно лицо, все сначала находят Татьяну странной,

Потом, покорствуя природе,
Дружатся с ней, к себе ведут,
Целуют, нежно руки жмут,
Взбивают кудри ей по моде,
И поверяют нараспев
Сердечны тайны, тайны дев...

Что ж, это все само по себе не так уж худо, если бы не одно, как будто вскользь брошенное Пушкиным замечание:

Текут невинные беседы
С прикрасой легкой клеветы.

А главное, что же находит Татьяна в этом мире, представлявшемся ей таким ярким, умным, блестящим?

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор;
Все в них так бледно, равнодушно;
Они клеветуют даже скучно...
...И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой.

Читая эту строфу, я всегда вспоминаю человека гораздо старше Татьяны, и умней, и образованней ее, вот так же, с широко открытыми глазами вошедшего

впервые в светскую гостиную — только петербургскую — и все мечтавшего услышать свежие слова, умные мысли... Это — Пьер Безухов. Ничего, конечно, общего нет — только одно: тяжело живому, светлой души человеку в этом мире бездушия!

Разумеется, Татьяна не могла понравиться людям, воплощающим этот мир. «Архивны юноши толпою на Таню чопорно глядят и про нее между собою неблаго-склонно говорят», можно себе представить, что это в большинстве своем за юноши, если «служить в архи-вах» Чацкому советовал Молчалин! Но Пушкин верен себе: и здесь, в московской гостиной, он посылает на по-мощь Татьяне своего друга:

У скучной тетки Таню встреть,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел...

Конечно, яркие, умные, добрые люди встречаются изредка и здесь. Но их немного, им тоже тоскливо... И не может Татьяна, привыкшая к свободной жизни и естественным человеческим отношениям, смириться с московской шумной и бестолковой жизнью, с показными чувствами, с миром, где

... кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет,

где

Шум, хохот, беготня, поклоны,
Галоп, мазурка, вальс... —

вот и все, чем живут люди.

Вероятно, Ольге было бы весело на московском бале. На нее, должно быть, обратились бы и «дам ревнивые лорнеты», и «трубки модных знатоков из лож и кресельных рядов». Ольга ведь и в деревне жила по-верхностной жизнью, какая царствует в Москве. Но Татьяна знает иную жизнь: мечты, глубокие и сложные мысли, серьезные чувства, настоящие страдания и подлинные радости.

Ей душно здесь... она мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселянам...
...И в сумрак липовых аллей,
Туда, где он являлся ей.

(Курсив Пушкина.)

И вот в такую минуту, когда «мысль ее далече бродит; забыт и свет и шумный бал», – в жизнь Татьяны входит то, что любая из присутствующих в зале женщин, молодых и старых, красивых и некрасивых, умных и глупых, назвала бы счастьем:

А глаз меж тем с нее не сводит
Какой-то в а ж н ы й генерал.

(Разрядка моя. – Н.Д.)

В либретто оперы «Евгений Онегин» генералу дана звонкая оперная фамилия Гремин, и он даже впрямую объясняет зрителю, как любит Татьяну и как она зажгла его жизнь. Ничего этого у Пушкина нет. О муже Татьяны мы узнаем мало – меньше, чем об Ольге, меньше даже, чем о Зарецком, – и это тоже явное нарушение существовавших до Пушкина литературных норм: как-никак, муж героини – значительное лицо, а ему не дается даже фамилии, даже возраста. Представление о муже Татьяны как о старом человеке тоже порождено оперой. Пушкин – здесь, в седьмой главе, – не дает никаких указаний на его возраст. Он вообще определяет генерала только двумя словами: «важный» – это восприятие тетушек, и «толстый» – это восприятие Татьяны. Но толстым ведь может быть и не старый человек!

Более подробно мы вместе с Пушкиным будем говорить о супруге Татьяны в связи с восьмой главой. Сейчас нас волнует другое.

Но здесь с победою поздравим
Татьяну милую мою
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою...
Да кстати, здесь о том два слова:
Пою приятеля младого

*И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая муза!
И, верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкривь.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.*

(Курсив Пушкина.)

Удивительно верен себе Пушкин! Вдруг в конце предпоследней главы он пишет – по всем правилам классицизма – вступление!

*Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель...*

Весной 1942 года мой отец подарил мне на день рождения стакан семечек и... восьмую главу «Евгения Онегина». С тех пор прошло много лет, и, конечно, я получала много подарков, но никогда уже не получу такого бесценного. Теперь я знаю «Онегина» наизусть, тогда я вообще не читала его, слышала, правда, о его героях, учила, как все дети, отрывок про солнышко, которое реже блистало, и, разумеется, не могла даже приблизительно понять глубину и мудрость восьмой главы, перед которой преклоняюсь теперь. Но тогда, девочкой, слушая восьмую главу, я впервые не поняла еще, но ощутила, что есть высокая радость в душевном прикосновении к гению...

«Прощай! и если навсегда, то навсегда прощай». Эпиграф из Байрона ранит сердце – грустное это слово: «прощай!» – мучительно расставаться с близкими, а в восьмой главе много расставаний. Потеряют друг друга Онегин и Татьяна, расстанется с ними поэт, и с нами, читателями, он тоже простится в этой главе. Но прежде чем мы закроем последнюю страницу романа, наш Пушкин, уже не мальчик, а зрелый человек, столько дум передумавший, столько чувств перечувствовавший, щедро – как только он умеет щедро – подарит нам и мысли свои, и чувства.

В восьмой главе Пушкин не уходит со страниц романа. Он напрямую разговаривает с читателем, он не оставляет героев, потому что им трудно; он хочет помочь им жить – и нам тоже; он с открытой душой раздает нам то богатство, которое накапливал всю жизнь: мудрость и чистоту своего сердца...

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал...

Я люблю Пушкина вот за это удивительное сочетание простоты и величия – он был мальчишкой, как все, он «читал охотно» веселую и не очень приличную книгу римского писателя Апулея и не хотел читать серьезного Цицерона, «полагавшегося» по программе... Он расцветал «безмятежно в садах Лицея», потому что, как ни много у детей своих трудностей, их восприятие мира все-таки, как правило, светло и... вот именно, разве найдешь другое слово, именно безмятежно! Мальчишка как все – но уже поэт, потому что

В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Светлый звон слышится в первых восьми строчках главы, описывающих безмятежное и поэтическое детство. Короткие, прозрачные слова первого четверостишия о простом, обычном детстве сменяются длинными, возвышенными, когда в мир детства входит Поэзия: таинственные долины; клики лебединые; воды, сиявшие в тишине... И как точно описано именно Царское Село!

Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

Когда мне говорят «реализм» – я вспоминаю не длинные, подробные описания комнат, людей, полян, которые читала у других писателей, а эти вот легкие, шуточные строчки, по которым можно изучить историю русской литературы. В одной строфе – семь лет жизни гениального мальчика, и мы все узнали из этой строфы: где он рос и как, что любил, прилежно ли учился, в какой

маленькой комнате (похожей на монашескую келью) жил, а главное – о чем думал, о чем писал... Точность абсолютная, необыкновенная: к каждому слову можно подобрать, так сказать, факты: муза «воспела детские веселья» – вспомните стихотворение «Пирующие студенты» с привычной насмешкой над бедным Кюхлей:

Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Или прямо перекликающееся с написанными через пятнадцать лет онегинскими строками послание Пушкину: «Веселье, будь до гроба спутник верный наш!»

Муза воспела «славу нашей старины» – вот они, знаменитые, читанные в присутствии Державина «Воспоминания в Царском Селе». А уж «сердца трепетные сны» – чуть не в каждом стихотворении: «К Наташе», «К живописцу», «Пробуждение», «Морфей», «Желание»...

Но уже тогда, в Лицее, четырнадцатилетний мальчик знал, на какой путь вступает, понимал, что есть судьба поэтов в злом мире: «Их жизнь – ряд горестей, гремуща слава – сон», и все-таки выбрал себе этот путь – не другой. И пошел по своему пути, не отступая...

Мы снова возвращаемся к вопросу, который ставит жизнь перед каждым: как жить – легко и бездумно или трудно, но полной жизнью? Для Пушкина жизнь всегда была праздником – как бы горько ни было порой угощение на этом празднике. И не случайно уже в детстве муза его устраивает «пир молодых затей» – праздник дружбы, любви, творчества, веселья, наслаждения природой – богатство необычайное принесла ему муза! А он не хотел хранить это богатство для себя одного.

Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров...
...И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

Тридцатилетний Пушкин, имеющий цензором самого царя, не может ничего больше рассказать о той светлой эпохе, сыном которой он был и остался, – о «буйных

спорах» декабристов, поклонявшихся его музе... Но и здесь он успевает сказать так много: «А я гордился меж друзьями...» – где друзья? Погибли, сосланы, заточены в сырые казематы, объявлены государственными преступниками! А он помнит их, несет свет их дружбы, гордится их любовью к своей музе...

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал... Она за мной.
Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!

Не только внешние факты биографии поэта переданы в начале восьмой главы: ссылка, Кавказ, Крым, Молдавия – но, главное, внутренний его мир, движение творческой мысли, развитие души его – все в этих строчках.

Молодой Пушкин на юге был романтиком. Зрелый Пушкин – реалист, описывая это время, вспоминает и прежние слова: «услаждала», «волшебством», «во мгле ночной», «немолчный шепот»... Но вот – после того, как муза «смиранные шатры племен бродящих посещала, и между ими одичала», –

Вдруг изменилось все кругом,
И вот она в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

И снова перед нами – зрелый Пушкин, автор «Онегина». Только пять строф понадобилось ему, чтобы вспомнить всю свою жизнь – нелегкую и счастливую, переполненную бедами и радостями. Есть немало людей, уходящих от своей молодости без оглядки, – зачем хранить свежую наивность юных дней, без нее проще... Есть другие – они несут юность свою в сердце до гроба, остаются верны ей.

Таков Пушкин. Все, что он очень серьезно скажет нам о трудной жизни взрослого человека, – все окрашено чистым светом его юности, который он пронес через жизнь. Была молодость – она ушла. Были друзья – их погубили.

Но осталась память о них, верность этой памяти, тому делу, за которое они отдали жизнь, пошли в нерчинские рудники. Осталась муза. Она неизменна, она всегда останется честной и светлой, везде поможет жить.

И ныне музу я впервые
На светский раут привожу...

В первой главе мы видели петербургский бал глазами Пушкина – но мельком, в сущности, с улицы, через окно: «По цельным окнам тени ходят...» Мы успели увидеть, как вошел Онегин, как «летают ножки милых дам», но не видели петербургского света близко и не слышали его суждений. Теперь, в восьмой главе, нас приводят на «светский раут» вместе с музой и заставляют смотреть вокруг ее любопытным и чистым взглядом. Но ведь и этот взгляд – пушкинский! Он, проведший в свете молодость, увлекавшийся «шумной теснотой», отвергнувший это увлечение, как многие другие, отлично знающий цену очарованиям и разочарованиям света, – он умеет взглянуть свежо, беспристрастно на то, что хорошо знакомо, и поделиться с любопытным читателем не только опытом своим, но и новизной восприятия!

В свете многое привлекательно. Мы вместе с музой любимся

шумной теснотой,
Мельканьем платьев и речей,
Явленьем медленным гостей
Перед хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчин
Вкруг дам, как около картин.

Не случайно же Пушкин почти дословно повторяет слова, найденные в первой главе: опять «шумная теснота» – атмосфера вечного праздника, легкости, веселья... И музыка – медлительная мелодия старинного танца звучит в пушкинских строках: «мельканье», «явленье медленное» – слышатся неторопливые звуки полонеза...

Гоголь, издеваясь над балом в губернском городе N, сравнивает мужчин в черных костюмах, кружащихся вокруг дам в светлых платьях, с мухами на сахаре! Пушкин любит живописную картину бала, он видит «темную

раму мужчин вокруг дам»... Чистому взгляду музы не просто интересна, но и приятна в н е ш н я я сдержанность и красота светского собрания. Но...

Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
Для всех он кажется чужим.
Мелькают лица перед ним
Как ряд докучных привидений.

Пушкин умеет смотреть сразу за всех: и за нас с вами, только на сцене видевших балы, и за свою «музу резвую», и за Онегина, знающего цену и внешней красоте света, и внутренней его низости. «Для всех он кажется чужим». Это новость. Онегину первой главы свет наскучил, опостылел, но он был там своим. А теперь – он чужой, и ему привычные лица кажутся «рядом докучных привидений».

Пушкин забрасывает читателя вопросами – и не так уж просто догадаться, от кого исходит каждый из этих вопросов:

Зачем он здесь?
Кто он таков? Ужель Евгений?
Ужели он?.. Так, точно он.
– Давно ли к нам он занесен?

Самый главный из этих вопросов и бесспорно принадлежащий Пушкину – вот какой: «Зачем он здесь?» Мы не видели Онегина три года. Мы расстались с ним в горькую, переломную минуту его судьбы – он отказался от любви, убил друга и ужаснулся тому, что совершил. Где он был эти три года, о чем думал, что чувствовал – мы не знаем. Но «зачем он здесь»? Мы все-таки верим в Онегина, в его душу, и очень не хочется думать, что здесь, в свете, он найдет себе место и успокоение. Пушкин сам себя спрашивает и сам себе отвечает: «Ужели он?.. Так, точно он». Но в размышления поэта врывается другой голос, холодный, иронический голос светского человека: «Давно ли к нам он занесен?» И это «к нам», и то, что Онегин «занесен» каким-то роком, судьбой, как будто не своей волей, не сам приехал, а занесен, – все это развивает уже высказанную мысль: «Для всех он кажется чужим». Пересуды светских франтов злы и разнообразны:

Все тот же он иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажит, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?

Здесь каждое слово расширяет и углубляет пропасть между Онегиным и обычным светским человеком. Почему, спрашивается, он должен «усмириться»? Значит, в прежние годы, живя в свете, Евгений уже раздражал окружающих своей необычностью? Да, конечно, раз о нем говорят резкое слово: «корчит чудака».

Главная доблесть всякого мещанина – самолюбование, самовосхваление. Те, кто не похожи на него, кажутся ему чужаками: разве можно искренне не хотеть походить на него? Значит, все, кто не похожи на него, что-то из себя «корчат». И не случайно светские пошляки спрашивают: «Чем ныне явится?» – ч е м, а не к е м.

Предположения о том, каким «явится» теперь Евгений, сыплются одно за другим:

Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль м а с к о й щегольнет иной...

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Свет старается подогнать Онегина под привычный шаблонный тип – то, что человек может быть не таким, как все, и в то же время с а м и м собой, непонятно свету. Все, что не похоже на общий уровень, объявляется маской, и никому не приходит в голову, что именно люди общего уровня – маски, а те, кто не похож на них, – живые...

И, конечно, как всякая ограниченная душа, человек света считает себя всеведущим и дает указания:

Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?
По крайней мере м о й с о в е т:
Отстать от моды обветшалою.

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Посредственность страх как не любит тех, кто выделяется. Ей обязательно нужно, чтобы все были похожи

друг на друга, чтобы все были «средними», обычными, не «выскакивали»... Вот и советуют Онегину быть «добрым малым», как все...

Пушкин стоял в стороне и слушал, как судили о его герое. Он терпел, пока Онегина называли то космополитом – гражданином вселенной, то патриотом, то Гарольдом – разочарованным героем Байрона, то квакером – религиозным сектантом... Но когда Онегину начали советовать и указывать, как жить, Пушкин не выдержал и ворвался в разговор:

– Знаком он вам? – И да и нет.

Это очень важная строчка. Да, конечно, Евгений знаком свету: он провел в нем восемь лет, и жизнь его была на виду у всех – «однообразна и пестра», как у «добрых малых». Но что-то в нем и раньше было не такое, как у других. А теперь, после трехлетнего отсутствия, может, разрослась в нем эта непохожесть на других? Вот почему человек света отвечает: «И да и нет». А Пушкин уже не хочет остановиться, уже бросился в бой за своего героя:

– Зачем же так неблагосклонно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем...

Кто это – мы? Люди вообще? Или люди в пышном петербургском зале? Хотелось бы ответить: конечно, только светские бездельники. Но ведь и сейчас мы умеем – все еще умеем «неугомонно» и скоропалительно судить о тех, кого считаем странными! А Пушкина возмущает,

Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,
Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

Строфы IX–XI восьмой главы едва ли не самые важные в романе. Они написаны подряд, без кавычек, и мы не сразу догадываемся, что говорит их вовсе не один человек. Это принципиальный, идейный спор Пушкина с человеком из враждебного, ненавистного ему мира; это – два прямо противоположных мировоззрения.

Вмешавшись в светскую беседу об Онегине, Пушкин в строфе IX горько смеется над тем идеалом, который создали себе «важные люди». Посредственность, самолюбивая ничтожность – вот кто счастлив, вот кто не вызывает удивления или недовольства. «Молчалины блаженствуют на свете!»

И сейчас же – в строфе X – эта самая посредственность отвечает поэту, рисуя свой идеал:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался...

«Смолоду был молод» и «вовремя созрел» – ведь это же тот самый тип человека, который забыл, предал свою юность, оставил «на дороге» ее идеалы и пошел дальше без них.

Жизнь, как у всех, расчисленная заранее, без неожиданностей, без взлетов, без падений:

Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился...

Нам вполне знакомы такие люди. Вот Молчалин «в двадцать лет был франт иль хват, а в тридцать выгодно женат». Вот Скалозуб «славы, денег и чинов спокойно в очередь добился». Конечно, каждый из них «жизни холод с летами вытерпеть умел»! Конечно, ни один из них «странным снам не предавался»! Но были ведь и другие люди. Они добивались славы не в очередь – му-

жеством, трудом, талантом. Они «предавались странным снам» и шли за эти «сны» на каторгу. Мы знаем таких людей и в книгах, и в жизни. Это Пьер Безухов и Андрей Болконский, это Пестель и генерал Волконский, получивший высокий чин совсем молодым, это сам Пушкин — он не хотел терпеть холод жизни и, конечно, не был среди тех,

О ком твердили целый век:
N.N. прекрасный человек.

Пушкин не просто смеется над взглядами своего противника, он очень серьезно размышляет о них, спорит с ними. Настойчиво, дважды повторенное «блажен» снова возвращает к тому, о чем Пушкин много раз заставлял нас думать, — и правда: блажен, кто живет, как все, не выходя из общепринятых норм, так ему легко, так спокойно!

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она...

Что можно противопоставить сытому, убедительному идеалу пошлого человека? Как объяснить ему, что его размеренная жизнь, которой он так доволен, жалка, убийственна, недостойна? Пушкин находит самое веское доказательство: нельзя предавать молодость! Нельзя — потому что как бы ни был ты доволен собой и сытым, безбедным, бессмысленным своим существованием, как бы ни презирал всех, кто мыслит и живет иначе, — может, может наступить день, когда страшно станет от того,

Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.

Пушкину никогда не пришлось остановиться в ужасе перед своей жизнью; он остался молодым навсегда; он доказал нам:

Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд...

В первой главе Пушкин и Онегин были очень разные. Какие они теперь? Оба немало пережили за прошедшие годы, оба познали горечь утрат и разочарований... Стали они ближе друг другу, чем раньше, или совсем разошлись?

Окончательный текст романа – восемь глав – не дает нам ответа на вопрос, где был Онегин целых три года. Но сохранились отрывки из путешествия Онегина: ведь Пушкин сначала предполагал, что роман будет состоять из девяти глав: восьмая расскажет о странствиях Онегина, а девятая – о его встрече с Татьяной в Петербурге. Отрывки из путешествия Онегина помогают понять, что пережил он, к чему пришел, с каким душевным грузом явился в большой свет осенью 1824 года.

Даже самый маршрут Онегина интересен: Москва – Нижний Новгород – Астрахань – Кавказ – Крым – Одесса... Евгений, ничего не видевший, кроме Невского проспекта да своего поместья, узнает теперь свою страну, ее историю, не может не задуматься о ее прошлом и настоящем. Символ русской вольности – Новгород Великий, Волга и «разбойные» песни бурлаков про Стеньку Разина, Кавказ с цветом русского офицерства, пропитанного южно-декабристскими настроениями, наконец, Одесса весной и летом 1824 года – не раньше и не позже, чем там был Пушкин... Умный Онегин, да еще в том состоянии душевного потрясения, в котором он отправился странствовать, не мог остаться равнодушным к огромному множеству навалившихся на него впечатлений. Он не может не сравнивать старый, мятежный Новгород с нынешним, торгашеским, где «всюду меркантильный дух». Он видит на Кавказских водах разных больных: и раненных в сраженьях, и наживших свои хворости бездельем, светской суетней... Пушкин много раз переделывал путешествие Онегина; трудно ему было: перо толкалось в запрещенные темы... По сохранившимся многочисленным наброскам мы видим, что поэт твердо решил познакомить своего героя с родиной: Онегин видел и аракчеевские военные поселения, и нищие деревни, и так опустылевшие самому Пушкину российские дороги...

Разумеется, все это не развеселило Евгения. Через все его путешествие проходит горькое восклицание: «Тоска!» Страшно делается, когда вникаешь в мысли молодого здорового человека:

Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Как этот бедный откупщик?
Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? – Ах, создатель!
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? Тоска, тоска!..

Эти мысли Онегина по-разному рассматриваются литературоведами. Одни видят в них все то же недовольство жизнью, ту же опустошенность, с какими Евгений весной 1820 года ехал в деревню к дяде. Другие считают, что причины тоски Онегина изменились: он познакомился со своей страной, увидел и понял ее страдания, мучается от бессилия помочь ей, от того, что не видит для себя осмысленной жизни, осмысленной борьбы...

Мне кажется более правильным считать, что Евгений приезжает в Петербург обновленным. Он так много увидел и глазами, и сердцем, что не мог не измениться. Доказательства этому мы найдем и в самом тексте восьмой главы.

Итак, встретив Онегина в Петербурге, Пушкин коротко напоминает нам всю его жизнь: «убив на поединке друга» – теперь, по прошествии трех лет, нет сомнений, что Ленский был ему именно другом, а не врагом, –

Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга...
...Оставил он свое селенье...

После трех лет странствий

Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

Почему – как Чацкий? Зачем понадобилось сравнивать Онегина именно с Чацким? Очевидно, потому, что при имени Чацкого прежде всего возникает мысль о непримиримой вражде к обществу, о глубокой внутренней жизни, которой не было у Онегина раньше...

Пушкин уважает своего читателя. Не навязывает ему разжеванных истин, а легко, между прочим, сообщает очень важные вещи и верит: читатель задумается – и поймет: не станет он зря поминать Чацкого – значит, есть что-то общее между ним и Онегиным, кроме возвращения из дальних странствий. Что же?

Только успеешь задать себе этот вопрос, как Онегина уже нет – отошел, стоит где-то за колонной, наблюдает, что происходит на бале.

Но вот толпа заколебалась,
По зале шепот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.

Опять – «важный», и опять вовсе не сказано, что старый генерал!

Пушкин любит Татьяну – и, пожалуй, нигде это так не чувствуется, как здесь, в восьмой главе. Именно такой описывает он ее, какой, вероятно, хотел бы видеть свою жену:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней...

Здесь, как и во второй главе, Пушкин описывает, какой не была Татьяна, без чего обходилась: не тороплива, не холодна, не говорлива... Четыре строки подряд начинаются предлогом без... Татьяна выделяется в большом свете своей простотой, естественностью.

Умный поэт Катенин писал Пушкину, что переход Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, оказался неожиданным. И Пушкин согласился с ним. А я беру

на себя смелость не согласиться с Пушкиным – потому что вижу в этом описании ту самую Татьяну, которую мы узнали и полюбили еще в третьей главе, которую уже тогда любил Пушкин и не сумел полюбить Онегин. Ведь и тогда была она «не холодна, не говорлива», «без притязаний на успех», уже тогда «все тихо, просто было в ней». Чем сумела она так поставить себя в свете, что

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже...

Чином мужа? Но ведь не самый же важный он был из всех генералов! Пушкин и сам объясняет: в ней не было безвкусицы, вульгарности. А такой она была и раньше, в деревне. Мне кажется: Татьяна именно тем и победила свет, что не боялась его, не заискивала перед ним, а была к нему равнодушна, жила с о е й жизнью, далекой от этого мира пересудов и мелких, злобных радостей...

Восьмая глава вызывает больше всего споров и разнообразных толкований. Это естественно; такова особенность пушкинского романа: он сообщает читателю факты, события, поступки героев и почти не дает п с и х о л о г и ч е с к о г о обоснования этих событий, поступков, фактов. Изменилась Татьяна только внешне или внутренне тоже? Что за человек ее муж? Почему Онегин, не любивший Татьяну в деревне, теперь охвачен такой всепоглощающей страстью? На все эти вопросы Пушкин не дает однозначного, окончательного ответа, предоставляет читателю право додумывать самому...

«Всех выше и нос и плечи подымал вошедший с нею генерал!» Принято считать на основании этих строк, что муж Татьяны спесив, не очень умен, самодоволен. А я вижу в этих строчках другое: он гордится не чинами и звездами, а женщиной, которую любит, – разве это не прекрасно?

При всем равноправии в общественной жизни, в труде, в дружбе – все равно есть от века и будут всегда разные нормы поведения для мужчин и женщин. И так же, как всегда неприятно видеть женщину или девушку, не умеющую сдержать проявлений своей любви, – так же всегда прекрасен мужчина, не скрывающий своего

преклонения перед любимой. Ничего уж тут не поделаешь; это неравенство остается...

Онегин узнает Татьяну сразу, но не может поверить... чему? Не тому, что она изменилась. Зная жизнь света, он может себе представить, как трудно было небогатым Лариным выбраться хотя бы в Москву. Где могла познакомиться Татьяна с блестящим генералом? Как сумел он оценить ее, если сам Онегин... оценил, но побоялся ошибиться! Не изменения в характере или внешности Татьяны, но изменения в ее судьбе кажутся ему невероятными. На вихрь вопросов лучше всего ответит сам генерал.

«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послом испанским говорит?» —

еще лениво, длинно спрашивает Онегин, уверенный, что ошибся. Он говорит князю «ты» — и это лишнее доказательство того, что муж Татьяны вовсе не старик. Князь настроен благодушно:

— Ага! Давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представлю я. —
«Да кто ж она?» — Жена моя.

Что-то дрогнуло в Онегине. Но, может... может, это еще не она? Во всяком случае, от ленивого тона не осталось и следа. Вопросы, восклицания сыплются быстро, коротко:

«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» — Около двух лет.
«На ком?» — На Лариной. — «Татьяне!»

Вот уже и нет никаких сомнений. И это восклицание: «Татьяне!» — сколько в нем... нет, не удивления, а горечи; не просто самолюбивого чувства: вот, мол, любила меня, а вышла замуж за другого, — чего-то гораздо более глубокого и сложного, чему Онегин еще не умеет найти названия...

Князь подходит
К своей жене и ей подводит
Родню и друга своего.

(Разрядка моя. — Н. Д.)

Родня, конечно, может быть любого возраста. Но друзья обычно бывают хоть приблизительно сверстниками – так опять рушится оперная версия о старом муже. Но вот здесь, при первой же встрече в свете, мы видим то новое, что появилось в Татьяне: она стала сдержанной,

Ей-ей! не то чтоб содрогнулась
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.

Законы света жестоки. Если не подчиняться им, они сомнут человека. Татьяна выполнила эти законы только в одном: заперла свою душу так крепко, что до нее не добраться теперь – даже Онегину.

А Онегин, который так ловко умел скрывать напускные страсти, вовсе не умеет таить настоящую, когда она пришла к нему впервые... Ему уже нет дела до того, что творится на бале, он весь в сомненьях:

Ужель та самая Татьяна...
...Та девочка... иль это сон?..

Много раз повторялось – и в разговорах о романе, и в серьезных книгах о нем, – что Онегина привлекли теперь в Татьяне именно ее холодная сдержанность, ее положение в свете; что он бы опять не заметил ее, встретив в деревенском саду. Я не верю этому.

С Онегиным происходит что-то новое: таким мы его еще ни разу не видели.

Он оставляет раут тесный,
Домой з а д у м ч и в едет он;
М е ч т о й то грустной, то прелестной
Его в с т р е в о ж е н поздний сон.

(Разрядка моя. – Н. Д.)

Показные страсти его молодости не тревожили душу, не заставляли задумываться и мечтать. Теперь не то. Теперь он, как и всякий влюбленный, занят «ею» непрерывно – и так за душу берет это местоимение вместо имени: «Боже! к ней!..», которым Пушкин заставляет своего героя проговориться, открыть свою страсть.

Что с ним? В каком он странном сне!
Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?
Досада? суетность? Иль вновь
Забота юности – любовь?

Почему нам так хочется, чтобы Онегин полюбил Татьяну, чтобы из трех предположений, высказанных Пушкиным, верным оказалось последнее? Ведь любовь к замужней женщине не принесет Евгению счастья. Но опять-таки – что есть счастье? Покой? Тогда, конечно, не следует Онегину влюбляться в Татьяну. Но если счастье – вовсе не в покое, а, наоборот, в полноте жизни со всеми ее тревогами, – тогда... тогда становится понятно, почему каждый читатель, молодой и старый, счастливый и несчастливый, желает Онегину мучений любви, а не мелочных переживаний досады или суетности. Мучения не замедлили явиться.

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дождется дня конца.
Но десять бьет; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине входит...

Трепетное состояние Онегина передано всего несколькими словами: «он выезжает – он полетел – он у крыльца...» но мы видим: жизнь Евгения превратилась в сплошное ожидание встречи, он напряжен, он летит вперед, навстречу страданиям и радостям настоящей любви, не рассуждая и не оглядываясь...

На вечере у Татьяны собирается «цвет столицы». Пушкин старается быть объективным: в гостиной княгини «легкий вздор сверкал без глупого жеманства», тут можно было даже услышать «разумный толк без пошлых тем», а к мужу Татьяны Пушкин явно относится с симпатией:

С Онегиным он вспоминает
Проказы, шутки прежних лет.
Они смеются...

Да, Татьяна вышла замуж без любви. Но ведь не могла она – такая, какой мы ее знаем, – связать свою жизнь с человеком низким, мелким. Вот гости, собирающиеся в гостиной Татьяны, – другое дело. Раз уж княгиня и князь живут в свете, они вынуждены принимать «необходимых глупцов». Как бы они ни отбирали лучших людей, как бы ни старались сохранить в своем доме «разумный толк», – пошлость проникает к ним то в виде «на все сердитого господина», то в другом обличье:

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души...

И этих двух строк было бы достаточно для исчерпывающей характеристики мира, где живет Татьяна, где предстоит жить и любить Онегину. Одна фамилия чего стоит: Проласов! Да еще «заслуживший известность низостью души» – и, несмотря на это, а может быть, благодаря этому, всеми принимаемый почтенный гость! Каков же свет, если уважаемые в нем люди – Проласовы!

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной...

Пушкин несколько не приукрашивает своего героя. Он признает, что Евгений думал о равнодушной княгине, а не о «девочке несмелой». И все-таки Татьяна привлекла его не пышным положением, а той душевной силой, которую Онегин увидел и почувствовал в ней. Пушкин знает психологию человеческую, и мужскую в особенности:

Запретный плод вам подавай:
А без того вам рай не рай, –

горько шутит он. Но в размышлениях Онегина о Татьяне (на этот раз они сливаются с авторскими размышлениями) видно и глубокое понимание того, что произошло:

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!

Не просто изменилася, но «вошла в роль» – значит, Онегин понимает, что на самом деле Татьяна

осталась прежней, что в душе ее, под маской равнодушной княгини, «законодательницы зал», живет та же «девчонка нежная», грустившая о нем «во мраке ночи», цельная, чистая, любящая, страдающая.

Любви все возрасты покорны...

Эта строчка стала поговоркой, ее повторяют, не вдумываясь, а между тем она начинает одну из самых трагических и самых глубоких строф романа. Автор либретто оперы «Евгений Онегин» позволил себе чрезвычайно вольно поступить с мудрыми пушкинскими строками. У него все просто: «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны и юноше во цвете лет, едва увидевшему свет, и закаленному судьбой бойцу с седою головой...»

Здесь не только приписаны к двум пушкинским строчкам просто плохие стихи, но искажена пушкинская мысль. Получилось этакое развеселое: любите, друзья, любовь во всяком возрасте приносит одну только радость... У Пушкина все совсем иначе:

Любви все возрасты покорны;
НО ЮНЫМ, ДЕВСТВЕННЫМ СЕРДЦАМ
ЕЕ ПОРЫВЫ БЛАГОТВОРНЫ,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежеют,
И обновляются, и зреют –
И жизнь могущая дает
И пышный цвет и сладкий плод.

Да, в юности любовь легка, и даже страдания ее легки. Не только потому, что молодому человеку все в жизни проще: он полон сил, веры в людей, в свое счастье – но и потому, что молодой человек в принципе одинок; он сам по себе, и отдать себя, свою душу, свою жизнь другому человеку – его естественная потребность; он этим никому не причиняет зла; он свободен...

Но в возраст поздний и бесплодный,
НА ПОВОРОТЕ НАШИХ ЛЕТ,
ПЕЧАЛЕН страсти мертвой след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг

И обнажают лес вокруг.

(Выделено мною. — Н. Д.)

Любовь зрелого человека трагична. Всегда. Как в пушкинское время, так и в наше. И не только потому, что зрелый человек чаще всего имеет семью, которая становится несчастной, если он ее оставляет (так и здесь: Онегин свободен, но у Татьяны есть муж, который любит ее и гордится ею). Это очень страшно — купить свое счастье ценой несчастья близкого человека.

Но дело не только в этом. Зрелый человек обременен опытом, которого нет у молодого: он то не верит своей любви, то не верит чувству другого, боится потерь, разочарований; он устал страдать; ему уже дороже «покой и воля», чем «бурные волнения», он знает, какие муки может принести настоящая любовь, и страшится этих мук, он уже испытал все, к чему молодой человек стремится: горечь утрат и разлук, унижение ожидания, опустошенность потери...

Страшно зрелому человеку испытать любовь. Пушкин знает это, и Онегин тоже знает. Но — поздно! Сердце Евгения, закрытое для творчества, для любви, для тоски по делу, равнодушное сердце разочарованного денди, переполнилось новыми чувствами еще во время путешествия. Он возродился к жизни, а возродившись, полюбил ту самую женщину, которую не умел любить прежде, которая суждена ему судьбою.

Сомнения нет: увы! Евгений
В Татьяну как дитя влюблен;
В тоске любовных помышлений
И день и ночь проводит он.

В письме Татьяны к Онегину Пушкин точно и тонко передал смятение, тоску, надежду влюбленной девушки. Но ему самому была ближе и понятней зрелая страсть Онегина. Он писал восьмую главу тридцатилетним, он испытывал ту же опасную, трагическую и непреодолимую любовь зрелого человека, что и его герой... И мне, когда я читаю о любви Онегина, видится Пушкин с его нелегкой любовью к Гончаровой:

Ума не внемля строгим пеням,
К ее крыльцу, стеклянным сеням
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится как тень...
...Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова три...

Читатели романа давно обратили внимание на очень простое его построение. Главные герои – ОН и ОНА – меняются ролями к концу книги. Сначала ОНА любит ЕГО, а ОН не замечает ЕЕ, ОНА пишет ЕМУ письмо и выслушивает ЕГО проповедь... Потом ОН любит ЕЕ, а ОНА не замечает ЕГО, ОН пишет ЕЙ письмо и выслушивает ЕЕ проповедь – только и всего... Но это простое построение только подчеркивает сложность человеческих переживаний, внешне укладываемых в такую нехитрую схему. И может быть, читая письмо Онегина, мы, как никогда еще раньше, убеждаемся в справедливости пушкинской мысли: каждый человек неповторимо индивидуален, он – чудо... Нигде так глубоко, так полно не раскрывается характер человека, как в любви: насколько же возвышенная любовь юной, неопытной Татьяны не похожа на возвышенную же любовь зрелого Онегина! И насколько глубже и прекраснее чувство Онегина!

Он начинает письмо очень похоже – конечно, по мысли, а не по словам – на письмо Татьяны:

Предвижу все: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!

Сразу вспоминается:

Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.

Онегин, как и Татьяна в свое время, начинает письмо с попытки как-то объяснить свой поступок, старается писать сдержанно и даже не очень искренне:

Случайно вас когда-то встреть,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел...

Какая же тут «искра нежности», если Татьяна не скрывала от него своей любви, огромного чувства, которому он не хотел поверить... Вот где прорывается правда:

Свою постылую свободу
Я потерять не захотел...
...Я думал: вольность и покой
Замена счастьем. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

Через несколько лет, в 1834 году, Пушкин, уже женатый на Гончаровой, снова придет к убеждению, что «на свете счастья нет, но есть покой и воля». Теперь же, в 1830 году, и он, и его герой стремятся к бурям, надеются на их освежающую силу...

Татьяна начала свое письмо сдержанно, на «вы» — и не выдержала холодного тона: «То воля неба: я твоя; вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой...» Онегин не заменяет «пустого вы сердечным ты», но и он, начав письмо спокойно, не выдерживает холодного тона, и мучительная страсть прорывается в его письме;

Нет, поминутно Видеть Вас,
ПоВсюду сЛедоВать за Вами,
УЛыбку Уст, дВиженье гЛаз
Ловить ВЛюбленными гЛазами..,

(Выделено мною. — Н. Д.)

Вдруг теперь, через столько лет, в письме Онегина начинает звучать нежная мелодия Ленского: в — л — у... Все, что он видел и пережил в жизни, весь опыт его вложен в эту любовь — последнюю его надежду...

Маяковский, по рассказам друзей, любил читать письмо Онегина наизусть и без конца повторял строки:

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Когда мы говорим: «утром» – то противоположное понятие: «вечером». Привычный контраст: день-ночь, утро-вечер. Но Онегину не дожить до вечера, это очень долго.

Я УТРОМ должен быть уверен,
Что с вами ДНЕМ увижусь я.

(Выделено мною. – Н. Д.)

Трудно писать такое письмо человеку, чью любовь ты отверг. Еще труднее понимать, что человек этот совсем тебя не знает и может не поверить, увидеть «затеи хитрости презренной» там, где кипит мучительное и глубокое чувство... Трудно и потому, что каждому человеку свойственно свое чувство, свои страдания считать исключительными. А Онегин, при всем уме, обыкновенный человек, и он считает истинным только свой опыт:

Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать – и разумом всечасно
Смирять волнение в крови...
...А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Как будто Татьяна не знает всего этого! Как будто ей не приходилось «смирять волнение в крови» и «вести спокойный разговор»; как будто сам Онегин не рассердился, когда она не сразу сумела сдержать себя на именинах!

Теперь ему даже подумать страшно о тех временах, когда он отверг свою любимую. Он не может понять себя самого, каким был он тогда, – не может, потому что теперь он другой.

Если бы он, такой, как теперь, встретил Татьяну в деревне! Может, были бы они счастливы; может, и Ленский остался бы жив... Но увь, так вот и случается в жизни: опыт приходит слишком поздно, и горько приходится каяться за необдуманные поступки, и ничего в жизни нельзя повернуть вспять...

Татьяна не верит Онегину. Что она знает о нем? Каким представляет его? Таким, какого увидела в «пустелом кабинете» три года назад, на страницах его книг; в саду, когда пели девушки и сердце ее трепетало, а Онегин был холоден и многословен... Теперь она читает его письма – и не верит им. (Ведь Онегин написал Татьяне не одно письмо: «Ответа нет. Он вновь посланье. Второму, третьему письму ответа нет».) Почему же мы, читая письмо Онегина, видим в нем неподдельную муку, настоящую любовь, а Татьяна не видит или не хочет видеть?

Может быть, ее жизнь в свете дала ей печальный опыт познания людей: ей уже известно, что мелкие чувства могут внешне выглядеть так же, как истинные... Может быть, жизнь в свете научила ее не верить людям – так считают некоторые исследователи творчества Пушкина. Во всяком случае, оружие у Татьяны одно – суровость:

Его не видят, с ним ни слова;
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!
...Надежды нет! Он уезжает,
Свое безумство проклиная –
И, в нем глубоко погружен,
От света вновь отрекся он.

Внешне Онегин возвращается к тому образу жизни, который он вел в начале романа, когда мы только познакомились с ним:

И в молчаливом кабинете
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете...

Это очень важные строки. «Припомнилась пора!» Значит, тогда было другое время, другое состояние души, и сам Онегин был другой! Каков же он теперь?

Даже круг его чтения говорит очень много и очень определенно читателю-другу, современнику Пушкина. Гиббон, Руссо, Гердер, мадам де Сталь, Боль и Фонтенель – философы, просветители, ученые... Это не «два-три романа, в которых отразился век», любимые Онегиным

раньше. Это – круг чтения декабристов, людей свободомыслящих, стремящихся к действию...

Но этого мало. Перед Онегиным открывается теперь все то, что было ему недоступно три года назад.

Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.
То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой.

Духовный мир Татьяны – «преданья... старины», «сны», «сказки вздор живой» – поэтический народный мир открылся теперь Онегину. Вся его жизнь проходит перед ним, он вспоминает ее, снова передумывает, снова казнит себя:

То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,
Клеветников, и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом – и у окна
Сидит *она*... и все она!..

(Курсив Пушкина.)

Как же можно говорить, что Онегин полюбил светскую даму? В мечтах своих он видит не гостиную, не белоколонный зал, а сельский дом – и *е* *е* в сельском доме! Он отрекся от своего прошлого и осудил все в этом прошлом, ему ненавистны все воспоминания – кроме того, что связано с *н* *е* *й*... В княгине он увидел и полюбил ту самую «бедную Таню», которую не умел любить раньше. Его обновленной душе открылась любовь, он научил-

ся думать, теперь он может постичь и поэзию. Если раньше «не мог он ямба от хорея, как мы ни бились, отличить», то теперь

Стихов российских механизма
Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик.
Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один...

Онегин стал другим, а Татьяна осталась прежней. Но она не верит в перемену, происшедшую в н е м...

Дни мчались; в воздухе нагретом
Уж разрешалась зима...
...На синих, иссеченных льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег.

Каждый ленинградец знает, когда в нашем городе бывает такое: это март, именно только март: синие, иссеченные льды, солнце, съезжившиеся почерневшие сугробы... Мы помним: дуэль Онегина и Ленского состоялась зимой 1821 года. Весной того же года Онегин уехал странствовать, провел в путешествиях три года и к осени 1824 года возвратился в Петербург. Встретил Татьяну, полюбил ее, послал письмо, — не получив ответа, заперся в «молчаливом кабинете», провел одну зиму и вот теперь, в марте 1825 года, Онегин в последний раз увидит Татьяну, простится с ней и уйдет — куда? Мы еще думаемся об этом. А пока мы вместе с Онегиным «несемся вдоль Невы в санях», любимся северной поздней весной, невскими льдами, снегом...

Куда по нем свой быстрый бег
Стремит Онегин? Вы заране
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к с в о е й Татьяне,
Мой неисправленный чудака.

(Разрядка моя. — Н. Д.)

Мы уже видели: Пушкин очень редко переносит действие из одной строфы в другую. Так было, когда

Татьяна в смятении бежала в сад от приехавшего Онегина или – кто знает? к нему навстречу; так было, когда Ленский упал на чистый снег, чтобы не подняться больше... И вот теперь опять – половина фразы «Куда по нем свой быстрый бег» – завершает тридцать девятую строфу, вторая половина – «Стремит Онегин?» – начинает сороковую. Опять – резкий, решающий перелом в судьбе героя; опять – страдания, мучительное волнение... И здесь – впервые за все время – Пушкин не только признает любовь Онегина, но и преклоняется, отступает перед этой любовью. До сих пор он, Пушкин, автор, любил Татьяну больше всех. Он один имел право говорить о ней нежно: «голубушка», «пальчик», «ножка милая»; называть ее своей: «моей Татьяне все равно», «письмо красавицы моей», «я так люблю Татьяну милую мою»... Теперь, когда Онегин полюбил по-настоящему, Пушкин впервые признает его право назвать Татьяну своей: «примчался к ней, к своей Татьяне...»

Поэт, друг своих героев, всей душой желает им счастья. Но счастье невозможно.

Некоторые литературоведы видят трагедию восьмой главы в том, что теперь изменилась Татьяна, свет сломил ее, на этот раз о н а губит счастье свое и Онегина. Ведь Татьяна не своей волей вышла замуж, ее убедила мать, она «отдана», а не сама отдала свою судьбу – значит, она имеет моральное право прервать отношения с нелюбимым человеком, но на это у нее уже нет решимости, нет сил, она боится света, заражена его моралью.

Я уже говорила: Пушкин не только ничего не навязывает читателю, но почти не сообщает м о т и в о в, по которым действуют герои, – потому и возникают споры, разные точки зрения, каждая из которых по-своему опирается на пушкинский текст.

Я вижу у Пушкина прямые указания на то, что Татьяна н е и з м е н и л а с ь, осталась прежней:

Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал!
...Ей внятно все. Простая дева,
С мечтами, сердцем прежних дней,
Теперь опять воскресла в ней.

«Равнодушная княгиня», оказывается, называет светскую жизнь «постылой», мечтает о сельском кладбище, бедном доме, диком саде... Свет не испортил, не искалечил Татьяну, душа ее осталась прежней – но ведь прошло три года, она стала старше, многое узнала и увидела, – конечно, она не осталась с о в с е м такой, как была. Если Онегин изменился внутренне, то Татьяна – скорее внешне. Она повзрослела, стала сдержанней, спокойней, мудрее, научилась оберегать свою душу от чужого взгляда. И эта внешняя сдержанность при том же внутреннем богатстве, той же красоте душевной, которой она обладала в юности, еще больше привлекает к ней Евгения. Встретив Татьяну в свете, он оценил не только глубину, но и силу ее души. Татьяна всего этого не понимает. Она упрекает Онегина:

Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна...
...Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

Прежний Онегин – такой, какого раньше знала Татьяна, м о г б ы ухаживать за княгиней из таких вот мелких, недостойных побуждений. Прежний – но не новый Онегин, которого Татьяна не знает. Ей кажется: «А счастье б ы л о так возможно, так близко», – это неверно. Раньше счастье не было возможно, потому что Онегин не умел любить. Счастье возможно только теперь, с обновленным Онегиным, но... поздно. Чистый и цельный человек, Татьяна не может и не хочет обманывать мужа, которого она уважает. Уйти же от него к Онегину – значило бы разрушить и свою жизнь (свет не простил бы такого поступка), и, главное, жизнь другого человека, любящего ее, – Татьяна не считает себя вправе жертвовать счастьем мужа ради своего счастья.

Татьяне остается только страдать. Прежний Евгений, равнодушный и эгоистичный, не понял бы ее мучений. Теперь он понимает все – ни продолжать преследовать кня-

гиню, ни отказаться от нее совсем Онегин не в состоянии. В такую вот «минуту, злую для него», Пушкин и оставляет своего героя.

В марте 1825 года, потеряв надежду на личное счастье, Онегин оказывается один в Петербурге. Что с ним будет? Запрется ли он снова в кабинете, бросится в светский омут, найдет дорогу к декабристам? Этого мы не знаем. Нам известно только, что Пушкин написал и сжег десятую главу романа, до нас дошли зашифрованные отрывки этой главы, из которых мы узнали, что она должна была рассказать читателю о декабристах. Нам очень хочется думать, что Онегин, по замыслу Пушкина, должен был найти себе место на Сенатской площади.

Очень хочется думать так. Но в основном тексте романа Онегин остается на распутье – и читатель вместе с ним еще раз задумывается: что же есть жизнь? Как надо жить? Куда идти? Кого любить? С кем и за что бороться?

Среди этих размышлений Пушкин оставляет своего читателя. Он прощается с ним, как всегда, шутливо и, как всегда, – за шуткой очень серьезно:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь ни искал в строфах небрежных,
Воспоминаний ли мятежных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных сшибок
Хотя крупцу мог найти
За сим расстанемся, прости!

Читатель – как в пушкинское время, так и в наше – бывает разный, и Пушкин знает это. Но он верит своему читателю, верит: он писал свой роман для тех, кто ищет в нем пищу «для мечты, для сердца», а не просто «для развлечения». Нам жалко расставаться с героями романа,

оставлять их в трудную минуту. Но самое горестное – расставаться с Пушкиным. Мы так привыкли к нему: к его мудрым советам и веселым насмешкам, к его открытости, доверию, доброте – и к его гневу, горечи, боли; нам будет недоставать его легкой серьезности, его шутливой мудрости...

Впрочем, почему же будет недоставать? «Онегин» с нами – в любую минуту мы откроем его и встретимся с Пушкиным.

Содержание

1. *Всегда я рад заметить разность* 5
Между Онегиным и мной
2. *Быть может, в Лете не потонет* 23
Строфа, слагаемая мной.
3. *Кто ей внушал умильный вздор,* 43
*Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?*
4. *Но я плоды моих мечтаний* 61
*И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей*
5. *И спится чудный сон Татьяне* 81
6. *Простимся дружно,* 99
О юность легкая моя!
7. *Или с природой оживленной* 119
*Сближаем дуמוю смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?*
8. *Кто б ни был ты, о мой читатель,* 143
*Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель*

*В серии «Школа плюс»
вышли в свет:*

Н. Долинина «Прочитаем «Онегина» вместе»

Н. Долинина «Предисловие к Достоевскому»

Н. Долинина «По страницам «Войны и мира»

Д. Аль «Истории из истории»

И. Смольников «Годы и версты Пушкина»

Р. Назаров «Несекретные секреты»

книга о русском языке

В. Перхин «Открывая красоты и недостатки...»

литературная критика серебряного века

Готовится к изданию в 2002 году:

Н. Долинина «Печорин и наше время»

Р. Назаров «Дорога к храму»

христианская энциклопедия для школьников

**Издательство «Лицей» (ДЕТГИЗ), старейшее в Санкт-Петербурге
издательство детской и юношеской литературы,
приглашает в Дом Детской Книги:**

- выставки искусства книги;**
- встречи с писателями и художниками-иллюстраторами;**
- экскурсии «Как делается книга», «Как делается журнал»;**
- музыкально-литературные вечера;**
- выездные редакции**

литературного журнала для детей «Чиж и Ёж».

Телефоны для справок и заявок:

312-5263, 312-5127, 314-0986.

Для среднего и старшего школьного возраста
Серия «Школа плюс»

Долинина Н.Г.

Д 64 Прочитаем «Онегина» вместе: Эссе. – Изд. 3-е. СПб:
ДЕТГИЗ-Лицей, 2005 – 176 с.

Редактор Е.В. Миненко
Подготовка к печати В. Лысов

Подписано в печать 11.01.05. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24.
Уч.-изд. л. 9,40. Тираж 10 000 (2-й завод – 5000 экз.) Заказ № 9156.

Федеральное государственное унитарное предприятие
«Детское государственное издательство ДЕТГИЗ – Лицей»
Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ,
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
191180, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 78.

Отпечатано с фотоформ
в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.